

12+

Многогранник

Art: Iren

Made by Lizzy Pustosh

Lizzy Pustosh

Многогранник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66146812

SelfPub; 2021

Аннотация

Жизнь необъятна и текуча; люди в ней не обусловлены одной стороной. Что же будет, если изо дня в день воспитывать человека таким, каким жаждет его видеть общество? Стоит ли в таких людях искать другую грань их запуганной души? В этих и многих других вопросах попытается разобраться главный герой – необычный мальчик с голубыми, как лазурь, глазами.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	37
Глава четвертая	52
Глава пятая	68
Глава шестая	83
Глава седьмая	96
Глава восьмая	115
Глава девятая	123
Глава десятая	185
Глава одиннадцатая	211
Глава двенадцатая	253
Вместо эпилога	286

Lizzy Pustosh

Многогранник

- И почему он? – глухо расплылось в темноте.
 - Давай я расскажу...
-

Глава первая

– Мама, смотри: какая бабочка! – перед юным Амосом Эбейссом на долю секунды возникло крохотное существо с ярко-голубыми крыльями и щепоткой блестящего порошка на них.

Широкие, голубые, как лазурь, глаза мальчика внимательно следили за перемещениями нового друга; его взлохмаченные истинно чёрные волосы беспорядочно то падали, то поднимались при каждой попытке допрыгнуть до объекта влечения; тоненькие ручки и ножки двигались быстро, умело обходя все преграды из древних деревьев с нежно-розовой листвой и насыщенными кофейными стволами, которых в этом парке было не численно много: и иссини-небесные, и млечно-жёлтые, и фиолетовые, и красные, бардовые, светло-зелёные, бирюзовые и даже неизвестная гамма цветов сочеталась в одном из них, самом, казалось бы, молодом. Всё это гармонировало с радужным газоном и несколькими реками из шоколада, где каждая струйка была на вкус совсем отличима от смежной ей, где встречались течения с нежной карамелью и маленькими конфетками, лишь запах которых навевал мечты о мирном житие средь пастбищ с ездовыми единорогами и маленькими зайчатами, где живым было всё: начиная от неведомых зверюшек с пестрыми гривами и хвостами, плавно погружавшимися в потоки счастья, а затем рез-

ко вылетающими из них на несколько метров в высоту, и заканчивая самой природой, колоритной и мыслящей о создании прекрасного в столь необычном месте как Первые врата Абисмунди.

Это одна из трёх страт крохотной, одинокой, но обитаемой планеты прокрастианцев. Найти её несложно, гораздо сложнее понять, где она находится и где родилась, но если Вы заглянете за рамки обыденности и отдадитесь потоку кипящих перемен, то путь к ней станет прозрачен, как вуаль на ветру. Что же стоит знать о Первых врата, или как говорят местные, о Лэндсдриме? Ко всему вышесказанному можно добавить пару-тройку интересных фактов: во-первых, самое важное – это то, что живут здесь лишь дети до шестнадцати лет (вместе со своими родителями). Во-вторых, до ближайшей страты, страты Краптитлэнд, добраться можно лишь по достижению данного возраста (или же из-за определенных отклонений в принятых стандартах) и исключительно через пропускной контроль, именуемый бюррой и находящийся внутри плотной, розовой, гелеобразной завесы с поразительными размерами (как принято говорить у них: от земли до неба и обратно). И в-третьих, это место кишит превращениями чудесных созданий с одной или восьмью головами, с тремя парами крыльев или с одним крупным плавником во всё тело, с чешуйками или же с пушистой сладкой ватой вместо шерсти. Большая часть существ обладает различными способностями: некоторые меняют цвет, форму, могут

создавать иллюзию присутствия там, где их нет; иные извергают огонь, воду или же все возможные виды цветов, а порой даже управляют воздухом и меняют самочувствие подобных себе. Да... этот мир необычный, странный, но именно поэтому здесь каждый ребёнок может найти свой лучик счастья и стать в мгновение кем бы то ни было.

– Милый, не убегай далеко: скоро пойдём домой; папа, наверняка, уже ждался нас с его любимым яблочным пирогом! – Мелисса, мать Амоса, пыталась докричаться до своего сына, но тот был уже далеко. Он пробежал кусты за кустами, поляны за полянами, ручейки за ручейками, пока не остановился посреди цветочной клумбы и не увидел вблизи ту необычную бабочку. Она показалась ему ещё красивее, чем пару минут назад: её крылья отливали на солнце алым свечением, таким тихим и спокойным, что, смотря на него, можно было забыть обо всём на свете и утонуть в омуте своих мыслей...

– Здесь нельзя стоять. Ты же знаешь, что истоптал все амелии, непробудный мальчишка? – вдруг резко послышался за спиной Амоса чей-то тоненький голос; он повернулся и увидел девочку лет пяти: светлые золотистые волосы были прилежно уложены, яркие голубые глаза внимательно сосредоточились на нём, а тонкие губы подчеркивали некое недоумение на её лице.

– Я шёл за бабочкой.

– Видела я, как ты шёл – летел вместе с ней, вот и не по-

думал даже заметить, что причинил боль этим цветочкам.

– Я не хотел, я просто шёл за бабочкой, ведь она такая красивая, я раньше не видел таких!

– Конечно, не видел: это же вид Ледяная вишня, таких совсем мало у нас! – девочка, казалось, переживала и была чем-то возмущена, но сдерживала это в себе; только густые нахмуренные брови выдавали её.

– А я и не знал. Теперь она ещё красивее!

Новая знакомая хотела точно сказать что-то, но вдруг остановилась. Они оба продолжали любоваться порхающим с цветка на цветок крошечным созданием.

– Подожди, а кто ты? – неожиданно спросил Амос.

– Мишель О’Роуз. Мой папа – энтомолог: изучает всяких насекомых и жучков, – девочка спокойно подошла к нему и протянула руку.

– Амос... Амос Эбейсс, мой отец изучает какие-то бумажки, – запнувшись, произнёс он и протянул руку в ответ, решив, что это крайне важно.

– А ты смешной. Ничего не знаешь, а побежал неизвестно куда, ещё и заблудился, – с едва заметной улыбкой, сказала Мишель.

– Я не заблудился, – с полной уверенностью попытался идти наперекор ей Амос, но оглядевшись по сторонам невзначай добавил: – Но ты же... тоже знаешь отсюда выход?

– Конечно, – подтвердила лукаво девочка. – Только ты лучше сойди отсюда – не наступи на ещё нетронутые цве-

ты, – она потихоньку помогла ему уйти с поляны. – Пойдём уж, покажу тебе дорогу, которая все же короче, чем твоя, – и указала путь, по которому они тут же отправились.

Дети шли весело: по пути встречали трёхрогих оленей, быстро скачущих по склону горы, анибиров, существ с головой и крыльями дракона, стрекозообразных воробьёв, пчёл, похожих на кучку жевательной резинки, и бабочку с ярко-голубым крыльями, временами навешавшую их. Большую часть дороги они разговаривали о чем-то несерьезном, но вот Амос неожиданно задал вопрос:

– Почему ты здесь одна? – спросил он.

– Я не одна, – мигом отозвалась Мишель. – Я с папой, но он изучает еджусов в этом лесу, – и сразу же дополнила. – К слову говоря, ты же понимаешь, что вышел за пределы парка «Для детей и их родителей»?

– Ну да, я понимаю, – но раньше он не понимал. – А почему ты не с ним? – не унимаясь продолжал мальчик.

– Он собирает пыль еджусов, которая оседает на побережье Прозрачной реки; я пока решила прогуляться: не люблю скучать.

– А кто такие «еджусы», и почему ты не любишь скучать? Девочка остановилась и, закативши глаза, сказала:

– А почему ты таких простых вещей не знаешь и задаёшь так много вопросов? Совсем не интересуешься миром и любишь лишь нарушать правила? – мальчик застыл в ступоре, не зная, что ответить. – Вроде, семь лет тебе, а все ещё

несамостоятелен, – Мишель развернулась, шагнула, точно ей сейчас придётся вести за собой колонны военных, но, опомнившись, продолжила идти спокойно и едва покачивалась в белоснежном платье.

Амос с непониманием посмотрел ей в след и все же решил догнать своего путеводителя.

– Я знаю, что много спрашиваю... Просто ты такая маленькая и так много знаешь – меня это удивило, – после недолгой ходьбы в молчании сказал он и вдруг запнулся. – Я, знаешь, не... А, впрочем, откуда ты знаешь, сколько мне лет? – спросил вновь он.

– Ах, я увидела значок Высшей школы первого этапа на твоей кофте, а на нём цифру один, что говорит о твоём зачислении на первый курс, – с заметной усталостью, но и удовольствием отвечала Мишель. – Я же говорила, что мой отец – учёный, он часто рассказывает мне познавательные вещицы.

– Да, – размышлял, ничего не замечая, Амос, – родители сказали, что после неё я смогу много знать, и меня пропустят через барьер, а потом я стану как папа: буду работать с бумажками и обзаведусь семьёй, и побываю в отпуске...

– Разве весело всю жизнь отдать тому, – в этот момент Мишель остановилась и с печалью в глазах посмотрела на мальчика, – чего хотят другие?..-и отправилась дальше. – Мне кажется это бессмысленным. Хотя, смотри, мы уже пришли, – она указала рукой на светлую поляну с несколькими дере-

вянными столами и стульями им под цвет, где уже сидела в роптании Мелисса и прочие взрослые с их детьми. – Что ж, – заключила девочка, – тебя определённо ждут.

– Мы ещё увидимся? – взволнованно спросил Эбейсс.

– Мой папа говорит: «Если судьбою суждено, то люди встретя и не раз, а если нет, то значит это к лучшему» – так что узнаем; тем более мне скоро тоже в школу. Пока, небудный мальчишка, – девочка улыбнулась, но тут же погрузилась в размышления.

– Пока, Мишель О'Роуз, – быстро проговорил Амос и побежал в сторону компании, где была его мать.

Глава вторая

Высокая, на вид потерянная женщина лет двадцати пяти сидела в длинном золотистом платье, украшенном кружевными узорами, и пиджаке чёрного цвета с высокоподнятым воротом, который изящно описывал остроконечную окружность около её головы и застегивался лишь на одну пуговку с эмблемой двуглавого орла; одним из главных дополнений её образа была миниатюрная шляпа-вуалетка, едва крепившаяся на тёмные, убранные в низкий пучок волосы. Услышав радостные восклицания сына, бегущего из тени древних лесов, она тотчас же бросилась ему навстречу.

– Родной мой, Амми, куда ты так далеко убежал? – обнимая и целуя его, говорила Мелисса. – Я думала, что ты ушёл до соседней полянки с карамелью, но там тебя не оказалась. Я боялась, что ты покинул парк и заблудился. Где ты был? – взволновано спросила она.

– Я... Да... Я вышел из парка. Но я просто бежал за бабочкой и не заметил этого, но там я встретил девочку; кстати, вон она... – Амос указал на гущу деревьев, но там никого уже не было. – Но где? – шёпотом произнёс мальчик, не понимая, почему она так быстро ушла.

– Милый, там никого нет. Наверное, ты просто заплутал, испугался – вот тебе и показалось, что в лесу ещё кто-то был.

Не переживай, пойдём домой: папа нас уже дождался, – поцеловав Амоса в лоб, Мелисса взяла его за руку, и повела его по ровной дороге домой.

Он часто оглядывался, надеясь, что Мишель будет там, но её там не было.

С происшествия в выходной день прошло отчасти более двух месяцев, а это значило, что завтра, в девять часов утра, на Перекрестной площади Высшей школы первого этапа к числу будущих магистров прокрастианских прав и страт обитания будет причислен сын великого господина, Авраама Эбейсса, Амос. Уже с вечера шла подготовка к церемонии вступления, в честь которой глава именитого семейства приказал всему обслуживающему персоналу организовать достойный званый ужин для приезжих гостей – каждый приверженец их рода должен будет преподнести дары в знак почитания традиций мира Абисмунди. И потому теперь на кухне кипели блюда для первой трапезы, в ванной омывали юного наследника, сквозь комнаты бегали придворные, и кругом звучал оркестр. В большой зал неслись угощения, накрывались столы, комнаты становились блестящими от света ночных лавгуд (мельчайших жучков цвета сотен бриллиантов), витражные окна доставали до небес и мерцали оттенками ночи. Виновник этого торжества в скором времени будет обязан выбрать своё предназначение, но сейчас, после долгого погружения в серебряные воды, Амос уединенно сидит в гостевой и гладит фиолетово-серого кота, пытаясь осмыс-

лить происходящее. Ему интересно, что станет с ним после ритуала присоединения, что он должен будет делать в течение всей жизни, и как его выбор повлияет на дальнейшую судьбу. Никто ранее не говорил с юным господином об этом, но все с нетерпением ждали того дня, когда мальчик назовёт члена семьи, носящего звание кандидата той или иной лиги Нравственных убеждений; все, кроме него. «Вряд ли найдётся на этой планете прокрастианец, который по доброй воле пойдёт неведомо куда и неведомо на что,» – ещё не успел закончить про себя Амос, как вдруг в комнату зашёл высокий широкоплечий мужчина.

Авраам Эбейсс имел тёмные густые бакенбарды, подвигающиеся пряди волос вокруг чёрного цилиндра и добрые ярко-голубые глаза. Он никогда не скрывал своих истинных намерений, но почему-то остальные называли его лжецом. В этом, собственно, и была суть большинства прокрастианцев: им не являлось желанным познание души ближнего, ведь для них привычнее становилось её очернение – потому некоторые его боялись, но иные все же уважали.

– Что ты делаешь, сын мой? – с глубокой нежностью в груди спросил Авраам.

– Я тут думал на счёт посвящения... – ответил мальчик, сидя на подоконнике и смотря в окно парадной, где уже собралась толпа незнакомцев.

– И что же?

– Почему раньше мне об этом не рассказывали, лишь в прошлом месяце? – Амос печально посмотрел на него и плавно отвернулся в сторону окна. Ночь была туманная.

– Некоторые вещи остаются на протяжении времени неизблемыми, их важность заключается в памяти нашей. Традиции – тому пример; миллионы лет мы храним честь семьи, соблюдая порядок проведения церемонии. Тебе стоит понять, что есть мир за стеной бюрры, он слегка отличается от нашего, да и мы в нём слегка отличаемся. Предметы, явления, которые ждут детей там, могут испугать их, ввести в недоумение, – следующие пары фраз он проговорил быстро, словно они были заучены наизусть, – поэтому советом Высших магистров было принято решение о разделении потока информации по достижению возраста. В противном случае ваша тонкая душа могла бы надломиться и не выдержать всех невзгод той тяжелой жизни, – и вздохнув, продолжил более мягко. – Мы лишь оберегаем вас, не хотим, чтобы вы повзрослели раньше времени – пусть ваше детство будет нескончаемо лучезарно и безмятежно, пусть в вас горит живое пламя... Главное – не переживай, Амос: тебе открыты все двери, – заметно немолодой, но все ещё ослепительно красивый мужчина ласково потрепал его по голове.

– Понимаешь, папа, – начал после продолжительного молчания мальчик, – это так всё странно. Ещё вчера я с ребятами бегал в Комнате фантазий, был пиратом и покорял океан, потом выходил на улицу и смотрел на лавиранов, кото-

рые протекали сквозь тонкие щели и становились вдруг похожими на морских ежей, а в том месяце мне сказали, что я должен буду сделать выбор, который полностью изменит меня и направит на «верный путь». И что, вообще, за «верный путь»? Думаете, я понимаю? Мне же всего семь лет... Вы ничего не рассказываете, но готовитесь, словно хотите меня продать на супер-странно-дорогом аукционе или принести в жертву. Зачем столько всего и такая большая толпа людей, большую часть которых я не знаю? Может, я в чем-то провинился, и все твои слова – лишь способ меня запутать? – Амос говорил взволнованно и тревожно, в ходе речи он неожиданно вскочил и встал напротив отца.

Минуту спустя, набравшись терпения, Авраам учтиво ответил.

– Милый мой мальчик, ни за что на свете мы тебя никому не отдадим: ты – наше счастье, – мужчина вновь ласково посмотрел на сына, – поэтому запомни навсегда, Амос: что бы ни происходило вокруг, где бы мы ни находились, и что бы ни показалось тебе на первый взгляд, мы с мамой всегда будем любить тебя, – мужчина едва пошатнулся, казалось, будто он вспомнил неприятную вещь. – И знай же: нет ничего сильнее любви, ты это поймёшь со временем, когда она настигнет тебя уже на ином уровне, возможно, она тебя поглотит, возможно, заставит страдать... но так и должно быть, потому что только любовь открывает в нас... людей, – Авраам выглядел болезненно к концу своей речи.

– Но папа, я не понимаю, – начал было мальчик.

– Всё будет хорошо, главное – доверься нам, доверься мне, – в глазах уже немолодого мужчины виднелась печаль.

– Но ты так и не объяснил...

– Одевайся, скоро предстоит сделать важный выбор, – Авраам, словно не услышав слова мальчика, тотчас же собирался выйти из комнаты, но вдруг застыл на пороге. – Хм, а главное ж – не путай две разные любви: к нам и к ней. А то до конца жизни не разберёшься в себе, – и тут он окончательно захлопнул дверь за собой.

– И что это все значит? – от полного непонимания спросил сам себя Амос, слегка подпрыгнувши после громкого удара.

Ещё пару минут он находился в этой комнате практически один, но вскоре решил послушаться отца и направился выбирать праздничный костюм.

Коридор, по которому шёл Амос, имел причудливый вид: на полу лежали красные ковры с золотистыми оборками и странными узорами в виде львов, сросшихся со змеями; стены имели нежно-пастельные цвета с постоянно меняющимися контурными пейзажами, а потолок был покрыт лавгудами, под которыми виднелись фиолетовые облака из ваты. Юный господин быстро дошёл до места назначения и открыл высокие белые двери, ведущие в его покои. Это оказалась просторная комната с тремя окнами, между которыми стояли длинные млечные шкафы и маленькие тумбочки им под цвет; на тех, что повыше, были изображения женских

рук. Справа от выхода находилась игровая зона, где лежали всевозможные плюшевые игрушки; над ними прикреплялась извилистая полочка, похожая на лазу с экзотическими фруктами, наверху которой стояли семейные фотографии, а внизу лежали дорогие машинки и солдатики в непонятном обмундировании; чуть левее стояли стол и кресло для будущих школьных занятий, но пока там лежали лишь рисунки мальчика: если приглядеться, то на них можно было увидеть талантливые работы в виде пейзажей или семейного портрета. По другую сторону комнаты находилась широкая кровать пастельно-кремового цвета с семью подушечками разных размеров и гардеробная, в которую уже то вносили, то выносили из неё маленькие костюмы Амоса.

– Bonne journée, юный господин! – перебирая коробки, сказала уже не молодая служанка.

– Bonne journée, Мадлен, – ответил печально Амос и прошёл в гардеробную.

– Что такое случилось? Неужели конфеты закончились или игрушка сломалась? – увидев грустное выражение лица мальчика, спросила задорно Мадлен.

– Нет, я просто раздосадован жизнью, – ещё печальнее произнёс мальчик.

– Ах-ха-х, ну что Вы, какая досада может быть в Вашем возрасте? Сущие пустяки, не более. Наденьте лучше вот этот костюм: он прекрасен, – перед ними оказался действительно потрясающий костюм, выполненный на заказ знаменитым

мастером Элсэу Вердолчем вручную; пиджак персикового цвета, как и брюки, был усыпан мелкими звездам (лишь одна казалась побольше, та, что находилась по левую сторону, недалеко от воротничка) и имел украшения в виде золотых запонок; белая рубашка была точно покрыта алмазным порошком.

– Ого... – с широко открытыми глазами и ртом произнёс Амос.

– Ах-ха-х, до чего же я люблю детей: у вас несравнимо чистые эмоции. А то, вон, принесла Вашему отцу костюм ядовито-зеленого цвета с чёрными наклонными полосами, так он вместо восхищения сначала просмотрел вид запонок, да однородность звёзд. Да уж! – доставая белые лакированные туфли с обувного стеллажа, бренчала Мадлен.

– Не знаю, что с ним; сегодня странный какой-то, словно подменили, – с придыханием вырвалось у Амоса.

– У взрослых такое бывает, там... Ну, в общем, не важно где, но важно то, что Вы выглядите *magnifiquement*, – повертев мальчика перед зеркалами и пригладив ему волосы так, что он стал похож на мини-владельца казино, выдала женщина.

– Да, теперь пойдём делать «важный выбор» ... Мадлен, а ты его делала? – заинтересованно спросил Амос.

– Конечно, кто его не делал? Все проходят через это, – уверенно заявляла та.

– И ты выбрала быть у нас служанкой? – без особого под-

текста спросил мальчик.

Женщина вдруг перестала собирать коробки с украшениями, приготовленными для Амоса, и села на кровать.

– Ну как тебе сказать... Я не из тех, кто мог бы выбрать что-то ещё, даже если б хотелось... а мне тогда хотелось, – лицо Мадлен резко изменилось и приняло вид какой-то тоски.

– А почему ты не могла выбирать?

– Ах, какой же ты смешной, – вдруг опомнилась она и снова стала перебирать коробки, заодно говоря с мальчиком. – Моя семья, не как твоя, мы бедны отчасти, и поэтому мои родители не смогли бы оплачивать моё обучение в каких-либо других учебных заведениях, нежели в обычном «Принятом месте», да, так оно и называется: «Принятое место» – ну а почему – сам догадывайся.

– Но ты бы могла, если б у тебя было больше денег? – все ещё не отступался Амос.

– Да как тебе сказать... По факту – да, по реальности – нет.

– Это как?

– Да просто: за нас давно все преопределили и... – она вдруг снова переменилась в лице, но на этот раз её словно что-то взволновало, что-то крайне неприятное, – и знать тебе ещё рано: много знаешь – плохо спишь, ибо знания поглотят тебя и ночью, и при свете дня, и даже в ванной комнате. А теперь ступай: время подошло, – Мадлен не дала ему

произнести и слова и точно вытолкала его за дверь.

– Что-то с ней не так... что-то с ними всеми сегодня не так, – определённо заключил про себя Амос, дивясь необычному поведению служанки.

Он шёл медленно, не желая быстро оказаться в банкетном зале, думал про нынешний день, про то, какими были другие дни, неожиданно для себя вспомнил Мишель: «Хм, где она сейчас, интересно... Пусть мне тогда и не поверили, но я точно знаю, что она существует. Или нет? Странно все,» – заключил мальчик и тут же наткнулся на открытую дверь семейной библиотеки.

– Ау-у, есть кто? – спросил было он, но ему в ответ заурчала лишь сова, висевшая возле пуфиков, стола и кресел.

– Да-а, пустота... Все либо на кухне, либо уже в зале.

– Уху, – ответила сова.

– Да, Пухля, никто-то ничего не рассказывает, – расстроено пробормотал мальчик. – Эх-х, а помнишь, как мы тут перебирали полки вместе с папой и мамой? – и с грустью огляделся вокруг. – Да, я знаю, что мне следовало бы называть его отцом, но я не понимаю: зачем все это. Хоть маму можно называть мамой, а то если все начнут маму называть как-то по-другому, то и тут придётся делать, как все. Ну что это за жизнь, когда «делаешь то, чего хотят другие»?.. О, да, Пухля, это слова Мишель: она умная, я как-нибудь тебя с ней познакомлю, если, конечно, встречу ещё. Я ж думал, что есть только одна школа, а их оказывается много, вроде как, –

Амос все это время ходил в комнате с удивительно высокими потолками, которые словно опирались на громадные шкафы с книгами, но неожиданно остановился напротив растения с беленькими цветочками. – Смотри, здесь эсперансы завяли, – указал он. – Не поливают, что ли? Вот смотрю на них и думаю: что если все веселье с родителями после этого «торжества» тоже завянет... Поэтому-то они такие странные, что боятся перестать радоваться? Да пусть не боятся: я все равно буду их смешить. Но, а вдруг скачки в Комнате фантазий, забеги на анибирах, ловля лавгуд и многое другое действительно закончатся?.. Как же будет жаль.

Закончив рассуждения, Амос отправился дальше. На пути он встречал лишь двери – то открытые, то закрытые – но не тех, кого желал бы увидеть. Дойдя до самых широких и высоких дверей в этом доме, он остановился и подумал о чем-то радостном, и, минуту помедлив, с оглушающим шумом, вошёл в зал. Кругом раздались аплодисменты.

– И вот он – виновник этого торжества! – подобно нарастающей волне, которая тотчас же разобьётся о скалы, пронёсся сквозь тело Амоса эстрадный голос неизвестного мужчины. И снова разлились аплодисменты.

Вокруг этого мужчины стояли, или быть точнее, парили в невесомости шесть круглых столов, за которыми сидели представители шести разных семей, а, значит, и представители шести разных лиг Нравственных убеждений. Мальчик было сначала запутался и не понял, как ему дойти до роди-

телей, которые находились по другую сторону зала, но сделав три шага к ближнему столу, он увидел, что круг разомкнулся и для него просияла звёздная тропа в самом что ни на есть буквальном смысле: она точно состояла из зажжённых небесных тел, которые влекли его за собой. Амос решил отдалиться воле случая. Он шёл небыстро, рассматривал пришедших гостей: они казались ему подозрительными. «За каждым столом сидит суровый мужчина, в каком-то ядовито-цветастом костюме, украшенном то печатями, то блёстками, то ещё неизвестно чем, и белой рубашке, а рядом – женщина в белом, серебристом или светло-пастельном платье (под цвет костюма) и обязательно с милой шляпкой-вуалеткой; у всех на руках надеты перчатки, но только у шести мужчин за разными столами они белого цвета – интересно. Но кто придумывал этот дресс-код? Как всегда, Элсэу Вердолч? И чем он лучше Владислава Залесскова? Тем, что не из наших мест? Странный все они, ещё и смотрят так, будто я им сейчас жизнь изменю,» – думал про себя Амос.

В тот же момент к нему из-под лавгуд, летающих высоко над головами, спустился на переливающимся водяном диске тот незнакомый мужчина.

– Итак, все мы уже друг друга поприветствовали, как и этого «героя», ха-ха, поэтому перейдём к сути моего приглашения на этот званый ужин, – быстро и громко прозвене-ла его речь. – Я никто иной как посыльный. С некоторыми мы встречались давно; с детьми вашими – чуть недавнее. И

потому большая часть знает, в чем заключается моя непыльная работенка: я составляю, закрепляю и увековечиваю договор мира Абисмунди, или современным языком говоря, договор «Трех этапов». Сегодня этому милому мальчику придётся подписать некий пакт, подтверждающий, что он, начиная с этого момента, учиться, растёт и живёт во имя цели общей, а точнее: во имя блага каждого жившего, живущего и того, кто будет жить после вас, но не после меня, ибо ж вы знаете, что я проклят на вечное существование, – мужчина одарил зал насмешливой улыбкой. – Так вот, чтобы все было в рамках общепринятых традиций, господин Авраам должен в волю своих возможностей подтвердить, что в силах объяснить существующий закон и то, для чего эти достопочтенные лица здесь собрались, и что они значат. Вы, Авраам Эбейсс, это подтверждаете? – с язвительным пренебрежением спросил тот мужчина, стоя спиной к родителям Амоса и глядя сквозь всех пришедших.

– Я, Авраам Эбейсс, будучи в силах своих объяснить замысел происходящего, даю полное подтверждение, заключающееся в необходимости вечной, – ровным тоном ответил старший господин.

– Преле-естненько, – протянул посыльный. – Так, теперь моя очередь. Я, Райтер Власович, будучи связующим звеном между Лэндсдримом, Краптитлэндом и Инвизибильей, создаю пакт предназначения жизненного пути Амоса Авраама Эбейсса и заключаю его исполнение сиюминутно. Те-

перь ты, – обратился посыльный к мальчику.

– Что я? – с испугом и жутким непониманием спросил его Амос, который все это время разглядывал его внешний вид.

Стоит заметить, что мужчина действительно заслуживал внимания: он отличался от всех. В нем с первого взгляда чувствовалась харизма и не земное обаяние. Прожив тысячи лет, он все равно выглядел на двадцать семь и прекрасно смотрелся в лазурном блестящем пиджаке с белой рубашкой в черную крапинку и чёрными узкими штанами; от его шикарных таких же лазурных волос, имеющих огненные корни, не могли отвести взгляд леди и некоторые джентльмены всех возрастов. Говоря же о характере, стоит учесть его нескрытое высокомерие и язвительную иронию, но и печаль, которую случайно увидел Амос и тут же отвернулся.

– Сейчас ты должен подойти к отцу – он тебе все объяснит, – сказал громко посыльный и продолжил дальше шепотом, – а я пока пройду к закускам.

– Подойди, сын мой, – раздался твёрдый голос Авраама Эбейсса, стоявшего за своим столом.

Амос послушался и сделал тринадцать шагов к столу своей семьи.

– Сейчас ты должен встать в центр, пустить кровь из правой ладони и, подняв её над собой, сказать: выбрать или принять наказание – сквозь тебя прольётся свет Инвизибильи в единственный раз, более ты его не испытаеть. Как он тебя отпустит, ты должен пройти около всех столов и выбрать

тот, над которым знак тебя больше всего позовёт. Остальное узнаешь позже, – смотря прямо в глаза мальчика, спокойным голосом проговорил Авраам.

– Кандидаты, выпустите своих вероформов, – встав с места и подняв ладонь над собой, сказала Мелисса, до этого не проронившая ни слова.

Шестеро мужчин во главе с Авраамом встали с мест и вынули из просторных клеток, паривших вблизи семейств, небольших бесшерстных зверят. Существа напоминали милых акулят с плавниками пингвинов, но только нежно-розового цвета. Мужчины одновременно посадили их на столы.

– Амос, пройди в центр, – ласково произнесла Мелисса.

Мальчик послушался мать и уверенно отправился в указанный, очерченный на полу круг, но неожиданно на половине пути остановился и спросил:

– А чем я должен... – словно не веря своим словам, проглотил мальчик, – «пустить кровь»?

Райтер беззвучно провел мальчика до круга, не заступив в него, и подал Амосу багровый кинжал. Все присутствующие встали со своих мест. Мальчик неспешно сделал надрез на ладони, поднял её над собой и тихо сказал: «Выбрать или принять наказание...» – и свет погас. Минута прошла в молчании и домыслах. Но вдруг пол засиял огненно-красным свечением, вся предельная высота покрылась сине-голубым огнём, а пространство между ними заняли созвездия и планеты. Чего-то более красивого Амос ранее не видел,

но тотчас же сквозь него пролился серебряный свет. Он закричал. Мелисса рванулась поднять упавшего на колени сына, но Авраам остановил её суровым взглядом... Спустя время мальчик потихоньку начал вставать. В его груди все еще горел непонятый свет. Но Амос глубоко вздохнул, и свет исчез.

Тогда младший Эбейсс направился к первому, самому большому из столов.

За ним уже сидела семья, в которой на мужчинах были надеты кислотно-красные пиджаки, а на женщинах тусклые белые платья с алыми полосами наискосок.

– Мы, ваши дальние родственники, представляем Лигу Персонала, – сказал только что вставший, немолодой прокрасианец и отклонился, видимо, в сторону супруги. И та, все ещё сидя, продолжила, начатую речь:

– Наше семейство испокон веков трудиться на благо всех страт Абисмунди, принося чистоту и удобство жителям нашей планеты.

– Это очень важно. Но, получается, я выбираю себе должность? – удивлённо спросил Амос, повернувшись к отцу.

– Ты прав, но и нет, поэтому продолжай начатый путь, – ответил уже более мягко, чем пару минут назад, Авраам.

– Хорошо, спасибо Вам, – ответно поклонившись членам семьи «в красном», добавил с лёгкой улыбкой мальчик.

После этого он пошёл направо, к ближнему столу, который был чуть поменьше прошлого. Там сидела семья в жёл-

тых одеяниях различных оттенков, но у всех виделся мелкий чёрный горошек. Двое из них (мужчина и женщина), встав из-за стола, поклонились мальчику.

– Мы представляем Лигу Оздоровления и Образования. Специалисты, вышедшие из наших рядов, сохраняют и насыщают жизнь не только всех прократианцев в нашем мире, но и всех существ в нем, начиная с этих милых лавгуд, – мужчина указал на светящийся потолок, – и заканчивая лонггордами, живущими в горах.

– Как же, наверно, это прелестно: спасти миллионы жизней ежедневно – но и пугающе, – подчеркнув последнее слово и вновь поклонившись, Амос пошёл налево, к следующему столу, где сидели, в основном, мужчины, и лишь три женщины.

Они представляли собой комбинацию цветов, более ни на ком не было столь необычных костюмов и платьев с различными рисунками, квадратами, треугольниками, пентаграммами, звёздными конструкциями (порой и объёмным) и прочим, как на них.

Встали и учтиво поклонились ровно-таки двое: мужчина и женщина.

– Добрый вечер, Амос, в данный промежуток времени тебе дано видеть немногих кандидатов и докторов Лиги Просвещения. Наша миссия непроста, мы сами странны и мало адаптированы к жизни вне своих рабочих мест, но зато порой кому-то из нас открываются ранее невиданные и непо-

нятные явления – мы это ценим и пытаемся решить, сформулировать и вывести нечто новое, чтобы мир стал лучше, – проговорил то быстрым, то спокойным тоном забавный мужчина с белой «гривой», как подумал Амос, взглянув на его волосы.

– Удивительно; но всегда ли ваши открытия несут пользу? – заметил мальчик.

– Что же скрывать, – тот мужчина широко развёл руками и глубоко вздохнул.

– Я Вас понял, благодарю, – поклонился в ответ Амос.

Он снова повернул направо, к ещё меньшему столу, за которым были дальние родственники в темно-синих матовых насыщенных нарядах. К его приходу из семейства встал один полноватый мужчина.

– Я, представитель Лиги Разрешения и Подсчётов, Нодейкин Антон Мирославович, докладываю о прибытии на званый ужин лиц, которые защищают, прославляют и облагораживают мир Абисмунди. К тому же, наши специалисты следят за внутренним стоком средств всех частей мира, – отчитался хриплым голосом он.

– Здравствуйте, дядя. Забавно, очень забавно, – с томным укором в улыбке ответил Амос, и ушёл, едва поклонившись.

Теперь он следовал к семье по левую руку, к семье в необычных костюмах: пиджаки точно состояли из наискось положенных лент красного, ядовито-зеленного и чёрного цветов, брюки и лакированные туфли, без единой складочки,

чернели на их ногах. Ему навстречу уверенно встала женщина в таком же костюме, как и у всех мужчин, только более облегающем.

–Рада вновь видеть Вас, господин Эбейсс, – сказала она и слегка наклонила голову.

–Здравствуйте, Алиса, – ответил часто посещавшей их тётке Амос.

–Сегодня Вы можете выбрать нашу Лигу Сбыта и Добыч и быть всю жизнь счастливым. Ничего сложного не заключается в нашей работе, но мы даём всем вступившим огромный ряд гарантий и льгот. Если вас заинтересовало, то прошу дать ответ в скором времени, – и женщины по-представительски улыбнулась.

–Хорошо, я... подумаю, – ответил задумчиво мальчик.

–Мы будем Вас ждать, – уже чуть ли не в спину прокричала Алиса.

Амос направился к последнему, небольшому, всё возглавляющему столу – к столу семейства Эбейссов; но помимо родителей сейчас там сидели взрослые кузены, ближайшие дяди и тети с их супругами и старейшие представители их рода: его бабушка и дедушка.

–Амос, сын мой, – начал громко и твёрдо Авраам, – это последнее представительство, и через мгновение ты должен будешь выбрать то, чему будешь следовать всю жизнь. Ты готов?

–Да, отец, – негромко прошептал мальчик.

– Хорошо. Сейчас перед тобой стоит один из высших кандидатов прокрастианских прав и страт обитания, твой отец, Авраам Эбейсс, представительское лицо Лиги Магистров. Мы создаём все условия для благополучного существования всех жителей Абисмунди, за нами стоят решения и права, и мы в ответе за миллиарды, – более спокойно, чем в начале речи, закончил Авраам.

– За миллиарды кого или чего? – неуверенно спросил покрасневший Амос, знавший, что на такие вопросы отец не отвечает.

– Всего, – твёрдо заявил вставший из-за стола старший Господин, который ранее не видел смысла покидать свое удобное кресло, который сейчас был похож на непреодолимую гору-высотку.

– Хорошо, я понял, отец, – быстро, отпустив глаза, проговорил побледневший мальчик.

– Мы, наша Лига, делает то, что должна делать во имя всего, – грозно продолжил нахмурившийся отец, но вдруг он слегка искривился, точно от боли, но никто практически этого не заметил, кроме Амоса.

– Па... Отец? – удивлённо и обеспокоенно спросил мальчик, глядя на вздувшуюся вену на шее отца.

– Ах, да, Амос, – глубоко вздохнув и приняв самый что ни на есть доброжелательный вид, ласково сказал Авраам, – теперь тебе стоит пройти в центр.

– Но... – он не успел договорить, как посыльный подошёл

к нему и повёл в центр зала, туда, где уже загорелся красный круг.

– Ступай, Амос Авраам Эбейсс, и выбери то, что тебя позовёт, – гордо и равномерно растянул Великий господин Авраам Эбейсс.

Мальчик по окончании слов уже стоял в центре пылающих колец: красного снизу и сине-голубого сверху. Он не понимал, что совершается вокруг, ему все казалось лишь сном, который должен вот-вот закончиться... Но сон только продолжался и пугал его все больше и больше.

– Господа, леди и джентльмены, – ровным тоном вновь заговорила, только что вставшая мать Амоса, – прошу главенствующих членов всех Лиг Нравственных убеждений, – она сделала особое ударение на слове всех, как делают обычно ударения, когда пытаются что-то не договорить, но и сделать вид, что без того, утаенного предмета всем будет лучше, – снять левую перчатку и положить два пальца на голову своих вероформов. Вставшие, как и в начале торжества, мужчины беспрекословно и ритмично выполнили указания ослепительной госпожи, Мелиссы Эбейсс.

В одно мгновение свет снова потух. Над парившими столами вероформы зажглись под цвет костюмов своих семей и одной волной (на вид как водный поток) прильнули к горящему сверху кругу и той же волной вернулись на свои места, но теперь каждый вероформ имел свой неповторимый вид. Взгляд Амоса переходил от одного стола к другому и

выражал все тоже непонимание. Он ранее видел превращения живых существ в парке или на игровых площадках, но каждый раз удивлялся, как в первый; особо его поражали вспышки неновых цветов, происходившие при соприкосновении нескольких вероформов. Он восхищался совершающимся обрядом, но и боялся его: то, что делалось с ним сейчас, было похоже на мучение, предоставленное его родителями, которых ранее он знал постоянно в хорошем настроении, с нежной естественной улыбкой и теплотой, исходившей из их сердец. А теперь они выглядели болезненно, раздражались и повышали голоса, при обращении к нему, к их любимому мальчику, как думал и слышал до этого Амос – он боялся этой перемены в родителях и боялся того, что ему до сих пор ничего не понятно.

–Амос Авраам Эбейсс, воззрите все представительства и дайте ответ на поставленный вопрос: «Что вас больше притягивает или же зовёт?» – сказал эстрадным голосом посыльный, плавающий на своём водяном диске вокруг Амоса.

Мальчик, как и по прибытии в зал, начал с самого большого из столов и следовал прежнему пути до своих родителей, но лишь взглядом: ему запретили двигаться с места или говорить о том, что не касалось бы ответа на заданный вопрос. Отвернувшись от отца, он поднял голову и увидел всех искрящихся вероформов. Первый был в виде горящего круга, который был подвешен на кнут. Второй имел вид рук с пульсирующими венами, из которых порой выходила кровь.

Третий выглядел как закрытая коробка, из которой временами выходил свет. Четвёртый был похож на черно-белый конверт с красной полосой наискосок. Пятый был в виде пера по кругу то изображавшего узоры, то выпуская чёрные пятна над собой и ломаясь. Шестой вероформ представлял собой огромный клубок, который катался на весах около сердца и мозга, образуя собой вечную цифру восемь... Амос был поражён и долго вглядывался в непонятные объекты, которые несли некое послание ему, но он никак не мог его еще познать. Он замечал точность линий, красоту форм, скрытые штрихи, но ничто не «звало» его, ничто не казалось ему близким. «Может, я чего-то не понимаю, но думаю, что эта система не по мне: ничто не тянет. Но, может, я просто не знаю, что должен чувствовать, ведь раньше такого не случилось со мной. Но все же так уверенно говорили, значит, что-то я должен чувствовать... но я не чувствую», – думал про себя Амос, и, похоже, что происходило это долго, потому что каменный взгляд отца стал подкрепляться недоброжелательным искривлением губ. И вскоре он не выдержал затянувшегося молчания мальчика.

–Амос, – громко, но спокойно произнёс Авраам, все ещё стоя, как и другие главенствующие представители, – ты уже сделал свой выбор? – последнее слово прозвучало более, чем грубо, так, что мальчик, испугавшись такого тона, чуть не заступил за круг; от вмешательства в обряд вероформы мгновенно, ещё после первых звуков чужого голоса, вернулись в

свои изначальные обличия.

– Да, да, госпо... отец, я выбираю нашу, то есть вашу Лигу, – запнувшись пару раз, быстро проговорил Амос, все это время то красневший, то бледневший сам не зная отчего.

– Вот и прекрасно, – с чувством особого достоинства и благоговения подчеркнул Авраам.

– Вы сделали свой выбор и отныне вы обязаны соблюдать все правила Лиги Министров и мира Абисмунди и делать все во благо его жителей, ежели вы коим образом отойдете от данного договора, о коем у меня есть бумажка, то по вашей пущенной крови и вашему согласию лица, представляющие Инвизибилью, пошлют наказание, телесное или же духовное, на вас, или же если что-то крайне неприятное, то на ваших близких. Руководство вам выдадут ваши преподаватели. В общем, я вас ознакомил с основами всего необходимого, поэтому объявляю действительность договора Трех этапов с этого момент и до конца вашей жизни, – после этих слов вместе с пылающими кругами, вероформами и прочим сиянием посыльный исчез, оставив на полу лишь бумажку с надписью: «Младшему Эбейссу».

Кругом раздались аплодисменты, к Амосу стали подходить гости и поздравлять с выбором одной из лучших Лиг во всем мире Абисмунди. Те гости, которые в течение всего времени важного выбора наблюдали за происходящим, но не так испуганно, как сам мальчик, или так непривычно-раздражительность, как его отец, а так, как обычно вечером лю-

ди смотрят нежеланную им программу лишь оттого, что до кнопки выключения слишком далеко тянуться.

В момент всеобщего веселья Амос стоял в недоумении: он пытался понять: «Неужели это все? Что только что произошло? Почему все так странно?» – он хотел об этом подумать, но его отвлекали: ему приходилось кланяться и благодарить гостей за тёплые слова – он чуть ли не забыл подобрать оставленную посыльным записку. По окончании уже неофициальной церемонии начался затяжной пир, на котором Амос обязан был присутствовать.

Глава третья

Когда все гости разместились на своих прежних местах и стихли последние разговоры, с лучезарной улыбкой и радушием Авраам Эбейсс поднял бокал и сказал: «Я так рад, что в этот знаменательный день мы собрались вместе, рад, что мой сын, Авраам, правильно выбрал жизненный путь и что его ждёт там поразительный успех, поэтому давайте же поднимем бокалы выше и возрадуемся всему, что с нами произошло. Ура!». После его слов раздались многочисленные вскрики, сопровождаемые общим весельем и шампанским. Но не весельем Амоса, который в течение всего продолжения торжества наблюдал за окружающими. Он заметил интересную для него вещь: все пьют, много едят, разговаривают о политике, домах, доходах, интригах и прочих взрослых темах, но не танцуют. «Отчего они сидят? Неужели им не хочется встать с места и закружится от бесконечного счастья: они же радостны...» – думал он, потускнев на фоне общего задорного настроения. Ему не хотелось пребывать здесь, но отец ясно дал понять, что ему придётся (в последнее время от матери он слышал немного, лишь: «Всё хорошо, всё будет хорошо, милый» – и не более). Пиршество длилось шесть часов, и мальчик успел устать, два раза заснуть и три раза получить замечание, что ему стоило бы вступить в разговор с гостями, а не пытаться их избегать. На что он в конце кон-

цов ответил: «Я сижу на месте и никого не избегаю, отец» – и вновь почувствовал взгляд-порицание на себе.

Амос думал, что умрёт от бессмысленного пребывания на чужом ему празднике, но как только пробило два часа, гости стали собираться домой, и он оживленно, быстрым шагом подходил к каждой семье и прощался с ними. После того, как все уехали, двери закрылись, столы были убраны, придворные разошлись по комнатам, а родители остались разговаривать в кабинете, мальчик, испытывая невыносимую усталость, наибо́льшим образом оказался в своей кровати, предварительно убрав вечерний костюм и лакированные туфли в гардеробную. Он уже не желал, да и не мог о чем-либо думать; глубоко в его подсознании совершались сны, красочные и непостижимые для других. Может быть, ему мерещился прошедший или будущий день, может, он видел, как необъятные планеты сходят с орбит и, сжимаясь, превращаются в звездную пыль, а, может, он просто сидел на качели и был счастлив. Неизвестно, и никогда не станет известно: сновидения имеют необычную способность теряться время от времени.

– Bonjour monsieur, пора в школу, – полностью открыв шторы и пропустив солнечный свет в комнату, сказала улыбающаяся чему-то несущественному немолодая служанка.

– Bonjour, Мадлен, который час? – спросил, ещё не проснувшись, Амос.

– Ну как же, милоч? – Мадлен часто называла своего юно-

го господина «милок», особенно когда желала сказать будто: «Ну что ты, это ж все знают» – но чаще это было похоже на: «ну что ты какой забавный, я тебя точно поэтому и люблю». – Нынче уже десятый час – Ваши родители давно встали и беспокоятся, почему Вы все ещё не готовы, а Вы-то ещё и не встали. Хе-хе, – радостно и удивлённо проговорила она.

– Как десятый час? – Амос быстро вскочил с кровати. – Почему мой будильник вечно спит и не работает как нужно? – с заметным волнением и негодованием мальчик посмотрел на едва проснувшегося семикрылого попугая с мармеладом вместо перьев, махнул рукой и побежал в гардеробную. – Мадлен, где моя форма? – занервничал он.

–Точно не там, она давно висит вся здесь, идите сюда, – пояснила служанка.

–О, точно, почему я её не заметил? Но что ж, давай – я надену её.

В течении полчаса Амос летал по комнате, надевая серые брюки, серый жилет, белую, накрахмаленную рубашку с мелкими звёздочками на воротничке, серый с чёрными звёздами пиджак и чёрные туфли. Ничем так не любовалась Мадлен, как его ровными подстриженными волосами, которые были приглажены назад, и его ярко-голубыми глазами, что так живо бегали по комнате в поисках бабочки.

–Ну где же она, Мадлен? – волновался Амос.

–Да вот же, прямо перед вами, на столе, – качая головой, отвечала Мадлен.

–Так, хорошо; мои учебники собраны? И тетради?

–Да, да, все в вашем портфеле, – вновь вздохнув, женщина подала мальчику эксклюзивный дипломат от Вердолча.

–Снова этот Вердолч? – возмутился в ответ Амос. – Ну что ж, отцу так угодно если, то ладно, да и некогда, – взяв все, что необходимо, он мимолетно направился в столовую.

–Здравствуй, сын, возьми что-нибудь, поешь, – спокойным и нежным голосом сказал Авраам, увидев бегущего в дверях мальчика.

–Да, отец, я для этого и спустился, – Амос быстро съел приготовленный завтрак, и собирался уже выходить, как у дверей его остановил отец.

–Амос, где твой галстук? – спокойно и едва улыбаясь, спросил Авраам.

–А, вот, в руке, но только у меня бабочка... – слегка покраснев, отвечал мальчик.

–И сколько раз мне говорить, что это несерьёзно и такому молодому господину, как ты, не следовало бы и думать о бабочках, а носить элегантный галстук. Не зря же я тебе их дарю в течение нескольких лет, – все также спокойно, но чуть презрительно искривив улыбку, говорил Авраам. – Тем более сегодня, в такой важный день, мог бы и вспомнить, что следует надеть, но мы и так опаздываем, поэтому оставь этот аксессуар, и направляйся в машину, – отдав распоряжения на счет дома главной из слуг, той самой Мадлен, Авраам присоединился к жене и сыну, ожидавшим его в их новой

и крайне дорогой машине чёрного цвета с бежевыми миниатюрами каких-то явлений и предметами со странной символикой.

—Ахрон, ты знаешь, куда нам нужно, — сев на заднее сидение, рядом с Амосом, сказал Авраам и кивнул на замечание водителя об необходимости пристегнуться, но так и не сделал должного.

Семья Эбейссов, которая состояла, по мнению самого Авраама, лишь из него, его сына, наследника его состояний, и его жены, матери Амоса, направилась на Перекрестную площадь Высшей школы первого этапа. Они ехали довольно-таки быстро и успевали к назначенному времени; в машине на лицах всех взрослых выражалась радость (по крайней мере, они улыбались, что для Амоса было явным признаком радости), но мальчик чувствовал себя почему-то неуютно. Он взглянул на отца, затем — на мать, после — на водителя и, как большинство детей, должен был испытать чувство гордости от того, что его родители изумительно (для своего «излишне взрослого возраста», как говорил мальчик) прекрасно выглядят внешне и, как ему было известно, чрезмерно богаты и имеют единственные в своём роде предметы (картины, вазы, монументы, книги, драгоценности и прочее), что крайне ценится среди неокрепших умов молодёжи, часто бегущей за модой и однообразной оригинальностью, не глядя на существенные качества, но он не то, чтобы даже испытал гордость за это, казалось, будто на него все это давит, мешает думать

и, в общем, не является предметом торжества над другими. Он был единственный мрачен.

– После церемонии принятия мы сразу же отправимся домой? – спросил тоскливо Амос, уже желая развернуться и уехать назад: в его душе снова бушевали те сомнения, которые появились ещё вчера вечером, и они развивались с каждым пройденным метром все сильнее.

– Ты ему не сказал? – удивлённо и испуганно (впервые за долго время своего молчания) спросила Мелисса.

– У меня были дела, – все также незаинтересованно отвечал Авраам.

– Что не сказал?.. – громко для себя и остальных начал было Амос, но, вспомнив, что он при отце, вновь покраснел и стал ждать объяснения.

– Милый мой мальчик, не забывайся: я как-никак старше тебя – соблюдай уважительный тон, – сказал все с тем же лицом равнодушия Авраам.

– Да, отец, – прошептал Амос, налившийся краской вины.

– Из-за более важных дел я, признаю, забыл рассказать о всех обстоятельствах твоего посещения Высшей школы. Ты не переживай:

все проходили через это, и я, и твоя высокоуважаемая мать...

– Через что? – смущаясь, перебил Амос, на что получил укоризненный взгляд.

– Ты не будешь ежедневно ездить в школу: ты там оста-

нешься до конца обучения, – заметив испуг сына, он, слегка застопорившись, поспешил поправиться. – Но это не означает, что ты не будешь все это время бывать дома. Напротив, по большим праздникам и некоторым каникулами ты вправе нас навещать, и мы будем с нетерпением ожидать этого момента, – закончив, Авраам находился в состоянии душевной теплоты и потому обнял дорогого и любимого им сына, забыв о всей культуре взаимоотношений с курсантами.

–Я... Я не думал... Но почему? Я не готов, я хочу быть дома... А как же Пухля? – мальчик, едва всхлипывая, рассуждал, сидя в объятьях отца.

–С твоей совой-бездельницей ничего не станет; как жила, так и будет жить при твоём приезде, а вот твоего ленивого кота, поскольку он ленивый и ничего опасного не предвещает, мы решил с тобой отправить – будет веселее, и о доме вспомнишь, – естественное веселье посетило Авраама в тот момент.

–Граф Жиренский едет со мной? Спасибо, – Амосу помогло это известие, как и любому ребёнку, который, живя без друзей, находит утешение в животных. – И после девяти лет обучения что ждёт меня, и чему там учат? – вспомнив о насущных проблемах, спросил Амос.

–Чему там учат, не мне рассказывать: запрещено, а вот после обучения в Высшей школе первого этапа отправишься в Высшую гимназию второго этапа, после неё и одного подарочка, уже ставши взрослым и состоятельным, сможешь

прийти на работу ко мне в Министерство, – Авраам похлопал его по плечу. – Так что, все хорошо, что хорошо кончается, – и как прежде усмехнулся.

–Какого «подарочка»?

–О, это прекрасный «подарочек», – сказала вперед Авраама Мелисса. – Но по хронологии он все же после школы, а тот подарок, что после гимназии – это уже не то, но тоже неплохо; да, милый? – угадав благоприятное расположение духа, вставила свое слова она.

–Да, дорогая, – поведя бровей, ответил Авраам вновь с установившимся спокойствием.

«Забавно то, что они постоянно что-то не договариваются, скрывают, а, может, им приходится это делать? Не знаю, но на то похоже. И что за «подарочек» тут, «подарочек» там? Странно это все, но повлиять я уже ни на что не смогу... Но почему я тогда не сказал, что ничего не почувствовал при выборе, и как сказать, что меня не интересуют те дела, которыми они занимаются? Да, я прежде мечтал об этом, но не сейчас: теперь я хочу другого, но получить не смогу, потому что все уже предрешено – это конец!» -думал про себя Амос и, громко вздохнув, не замечая, что обратил на себя взгляды родителей и Ахрома, он провел рукой рядом с животом, тем самым сняв защитный ремень.

Они приехали к большому зданию с необыкновенной архитектурой.

Это не было похоже на замок, не было похоже и на дворец;

это была не церковь и не обычная школа – издалека оно напомнило Амосу средневековую психиатрическую больницу, которая имела чёрные окна и заросшие мхом стены, но подойдя ближе, он увидел не просто привлекательное, а величественное здание с темно-синими мозаичными стёклами, сменяющимися каждые десять минут на портреты знаменитых деятелей искусства или политики, но и иногда и на объёмные пейзажи рассветов и закатов в различных частях мира; поверхность стен была по низам покрыта перпендикулярно растущей ярко-зелёной травой, где все так же перпендикулярно бегали маленькие охотники, пытающиеся поймать лучший кадр, тем самым сделав превосходную фотографию (они были настолько малы, что пока Амос ни подошёл к стенам ближе, чем на полметра, он их не увидел), а из-под самой крыши слетали вихрем маленькие птички, которые, будучи чуть больше крохотных охотников, задевали лианы с благоухающими цветами, и те испускали аромат морского бриза, ночного летнего тумана или весны. Бежевый цвет здания, которое было то гладкое, то каменистое, изящно подчёркивал по всей длине «экватора» заточенные чёрные штыки. Но поражала не только внешняя красота и непривычность, но и размеры этой школы: двести семьдесят метров длины и метров двести ширины будто захватили немалый кусочек планеты и старались его заполнить до конца. «Поразительно» – единственное, что смог произнести Амос, увидав огромный зелёный лес вокруг (который, как ему показалось, говорил

с ним и прошептал: «Заслужи» – но что и зачем – не объяснил).

– Милый, догоняй нас, а то опоздаем, – прозвенел, как колокольчик, голос Мелиссы и тотчас же обратил на себя внимание мальчика.

– Ах, да, мама, – сделав ударение на последний слог, сказал Амос и, повернувшись, увидел свою мать: в этот момент она была как никогда прекрасна для него.

Эта женщина была в его глазах примером любви, красоты, чести и много другого, что так восхищало Амоса и заставляло любоваться ей как самой красивой и чудесной из всех женщин, которые существовали в мире; она была для него лучше звёзд – и из вселенной шоу-бизнеса, и из вселенной планет и галактик – она была для него самым близким и дорогим другом, надёжным товарищем и помощником при любой беде – он мечтал быть как она. Им нечасто приходилось бывать вместе после его трехлетия (он проводил много времени с репетиторами и мастерами, которые учили его читать, писать, петь и даже танцевать не только на своём, родном, но и на многих иностранных языках – ему было известно к семи годам их пять штук), но каждый проведённый час с мамой, или порой и с папой, так радовал его, делал таким счастливым, что он готов был выучить ещё пять языков, лишь бы подольше побыть с этими лучшими людьми во всем мире. Он так их любил (особенно, как часто бывает в раннем возрасте, когда они с ним читали, рисовали, что-то раскрашивали или

просто гуляли), что крайне сильно опечалился (даже плакал во сне), когда в день выбора они изменились, перестали общаться и с ним, и с друг другом, и со всеми остальными, как прежде, с тем задором, чудаковатостью и пониманием ко всему, что происходит вокруг. Со вчерашней ночи они, конечно, стали менее серьёзными и «асфальтированными», как подумал во время завтрака Амос, но все же его многое смущало, и больше он не мог смотреть без сомнения на них.

Однако сейчас этот юный господин в футляре и сером изысканном костюме любовался своими родителями. Эти «деткишки» (Амосу нравилось о них так думать во время непринуждённого веселья), рассмеявшись с какой-то взрослой шутки и нежно обнявшись, шли, слегка толкая друг друга в стороны. Но вдруг Мелисса, это взрослая женщина, ущипнула за плечо мужа и, кружась в своём белом, шелковистом, с крупными цветами платье, побежала от него, радостно визжа.

– Ну, милая, что за ребячество? Что подумают люди? – в этот момент они проходили по туннелю в центр здания, на Перекрестную площадь. – Смотри, уже оглядываются на нас, – ворчал Авраам, но, улыбнувшись, догнал её и поцеловал в лоб. – Амос, иди сюда, – они все вместе вышли на большую площадь, где собралась толпа курсантов и их родителей; преподавателей и магистров не было видно.

На редкость прокрастианцы были систематизированы се-

годня: располагались, как единый механизм. Родители стояли по правую сторону от входа, дети – по левую; среди взрослых существовало ещё одно незначительное уточнение: они были парами, и с краю стояла женщина, а рядом мужчина – так начинался каждый ряд провожающих. Среди курсантов особого разделения не было, потому Амос встал между двумя мальчиками в таких же серых костюмах, как и он.

Сегодня все были систематизированы и стояли ровно, приподняв подбородок (всякий муж в это время держал цилиндр на уровне груди одной рукой, а другой – руку своей жены, которая уже отставляла носочек ноги влево и едва приподнимала подол платья); всё гармонировало, но лишь за пару минут до начала чествования. До этого была толпа взрослых, любовавшихся своими «маленькими принцами и принцессами», и детей, которые одновременно были и встревожены, и радостны, и в растерянности – точно куча неразобранных вещей после стирки.

Странная картина: долгое время, изливаясь чувствами, трепещут друг над другом, но в момент появления магистров принимают пластилиновые позы, которых так жаждут преподаватели – забавно.

Амос понимал немного в церемонии принятия: для него она была долгой и скучной. Поначалу откуда-то из неба спустились на маленьких, метровых кораблицах преподаватели в глянцево-бисквитных костюмах, и с тем, как называлась преподаваемая дисциплина, эти костюмы приобретали один

определённый, выбранный цвет; поверх выявлялось название предмета (на чествование приглашён был оратор, объявлявший прибывших участников мероприятия). Далее, раскрыв с грохотом двери, ведущие из самой школы, появились магистры в чёрных одеяниях. В центре, как показалось Амосу, стоял главный магистр Прокрастианских прав и стратобитания, которого другие магистры пытались закрыть своими телами. Эти люди «в балахонах», как удивлённо заключил мальчик про себя, прошли к преподавателям, на середину площади, обменялись любезностями, вышел тот магистр из центра круга, сказал какие-то обдаривающие слова по типу: «Вы – наше будущее, вам предстоит выложить все свои силы, чтобы постичь мастерство управления другими. Все будет хорошо, но для вас наступает непростое время...» – и так далее. Амос по завершению последнего слова окончательно перестал слушать и все больше разглядывал костюмы окружающих, или смотрел на «окаменевших» родителей, которые стояли в одной позе, как и все другие взрослые, или рассматривал цветы, спускавшиеся со второго этажа по периметру всей площади. Но вскоре разговоры закончились, важные персоны ушли, родителей поблагодарили, а детям велели проститься с ними, и Амос смог протиснуться к своим.

– Мама, – уставши сказал он, подойдя к Мелиссе, – почему я должен быть в этом месте?

– Милый Амми, как бы я хотела, чтобы ты оставался с

нами, но правила требуют иного. Если бы отец отрёкся от твоего выбора, то... – она на мгновение попятилась от неизвестно откуда пришедшей боли, – то ничего, – и вновь приняла прежний радостный вид. – Мы крайне гордимся тобой, гордимся тем, что ты пошёл по стопам отца. Он, правда, отошёл сейчас до директора вашей школы, его давнего друга, но скоро вернётся. А вот и идёт уже, – Мелисса указала на мужа, который направлялся к ним.

– Мама, – Амос сделал ударение на последний слог, – что с вами в последнее время? Раньше вы не менялись в настроении так быстро, не скрывали ничего и были более нормальные...

– Поверь, милый, сейчас мы более чем нормальные, это все... – она не успела договорить. – Ох, дорогой, как Фред Потум? – с неестественной улыбкой Мелисса обратилась к мужу, оставив разговор с мальчиком.

– Прекрасно! Говорит, что Амос будет обучаться у лучших из лучших, даже у него на нескольких предметах! – Авраам говорил воодушевленно. – Ну, и главное – их там не будет, а то развели бы балаган, как всегда, – мужчина поморщился, но тут же принял прежнее воодушевление.

– Раз так... Это хорошо, – Мелисса ласково ответила на его ждущий ответа взгляд.

– Ну, сын, готов? – Авраам пошлепал мальчика по плечу.

– Я... – тот растерялся.

– Что? – за его лучезарной улыбкой мальчик снова увидел

тот взгляд, что был вчера: он давил на него.

– Да, я готов, Отец, – подняв подбородок и отпустив взгляд в никуда, подтвердил Амос практически спокойным голосом.

– Вот и прекрасно, пойдём же! Твои вещи давно доставлены, стоят в комнате, как и твой кот, – пробежался по словам Авраам. – Так, а увидимся с тобой, – но тут он остановился и помедлил, – не знаю когда – тебе сообщат. Но не думаю, что очень долгим окажется наша разлука... Пойми, – он сел на одно колено и посмотрел из-под полей цилиндра на мальчика, – я многого не могу сказать; ты позже поймёшь отчего так, но если бы не все это, я был бы рад тебя обнять, – и вновь по его лицу пробежало то неприятное, что было и перед вчерашним торжеством. – Ладно, нам стоит проводить тебя до дверей, а после мы поедем домой: у меня много дел, – он поднялся и оправил костюм.

Они дошли быстро. Мальчик был смирен и ничего, кроме «до встречи, mater», не сказал; Мелисса поцеловала его в щеку, а отец вновь похлопал по плечу. Родители удалились. Амос после часто вспоминал их, но не в день последней встречи, а задолго до неё: за месяц, за год, за пять и более лет – он вспоминал их в своём детстве, а тот день старался забыть.

Глава четвертая

– Привет.

– Но – как? – с глубоким непониманием спросил Амос.

– Я же говорила, что, если суждено, увидимся – вот и увиделись.

– Мишель! – Амос вскочил и крепко обнял маленькую девочку.

– Ах-ха-ха, ну, прекрати, я ещё не вернулась, – с лучезарной улыбкой произнесла та.

– Что? – он отстранился на пару шагов – Что? Ты о чем? – и растерянно посмотрел на неё.

– До скорой встречи, непробудный мальчишка: осталось совсем чуть-чуть, – тонкий голос семилетней девочки громко прозвучал в его голове, и он проснулся.

В глаза светило яркое солнце.

– И что это было? – спросил вслух Амос, забыв, что находится не один в комнате.

– Наверное, будильник, не? – пробурчал спросонья спящий на противоположной кровати мальчик и повернулся к стене.

– Скорее, твои перья, ангелок, – отозвался сверху чей-то задорный голос.

– Ах, да, нам же в школу, – с печалью произнёс Амос.

– Да уж, третий год пошёл, как надо, – мальчик с проти-

воположной кровати повернулся к Эбейссу и задумчиво ухмыльнулся.

– Раф, не об этом. Лучше давай спросим, отчего наш Эбейсс с вопросами по утрам просыпается, – спрыгнув со второго этажа, сказал обладатель утреннего веселья, Ренат.

– Да это неважно, – надевая чёрные резиновые тапочки, отмахнулся Амос.

– У тебя с самого прибытия все неважно, но все равно о чем-то постоянно грустишь, – продолжил настойчиво Ренат. – Вот, Раф, подтверди же, что он только молчит, в основном, да делает уроки, а мы только в третий класс перешли.

– Он прав, Эбейсс, – заметил Раф.

Но Амос вновь уклонился от ответа, закрывшись в ванной комнате (это был один его из любимейших способов закончить разговор).

– Не застревай там надолго, а то нынче разрешено посмотреть на церемонию принятия первоклашек – хотелось бы побывать, – прокричал Ренат Амосу, ведь знал, что тот может провести там ни один час.

– Не переживай, – не повышая голоса ответил Эбейсс.

Никто толком не знал, что представляет собой мальчик: он мало говорил с соседями, не высказывался на уроках, с учителями общался исключительно по поводу оценок, которые порой запаздывали, и не интересовался ничем, кроме учебников. За это все он мог бы получить клеймо изгоя, который не желает социализироваться, но школа официально

запретила подобные проявления недружелюбия друг к другу и установила наказания (однако не решалась устранять причины возникающих недопониманий и проблем), в следствие чего Амос в классе просто обходили стороной.

«И сдалась же им это церемония... От неё ничего хорошего нет и не будет, только трата времени и средств из бюджета школы. Лучше бы могли сэкономить и закупиться более важной продукцией, но нет: надо же тратить на нечто глупое и пустое», – думал он, с презрением смотря в зеркало.

– Эбейсс, я же говорил, чтобы ты побыстрее дела мыльные заканчивал: директор не будет рад, если мы опоздаем в тот день, когда вообще не должны опаздывать. Твои двадцать минут прошли уже – выходи, – с укором сказал Ренат, громко стуча ногой по полу (возможно, он постучал бы и по двери, но устав не позволял «портить» имущество школы).

– Выхожу, – ответил ровным тоном Амос и поднял засов.

– Вау! Он появился из заветного проёма, – с сарказмом пролепетал Ренат, стоя у раскрытой двери.

– А ты бы меньше досаждал ему своим присутствием и шёл туда, куда хотел, – с улыбкой прошмыгнул Раф в ванную и отпустил засов.

– В смысле? Да я точно никуда не успею! Ну и ладно, – обиженно закончил Ренат.

– Он не прав, – обратился к нему Амос, – ты не досаждаешь мне своим присутствием. Просто я вам не рад, и не более, – мальчик спокойно взглянул на непонимающее лицо

Рената и отправился в гардеробную.

Если начать описание их комнаты от входной двери, то будет так: войдя в неё, мы сначала встретим неширокий коридор с парой картин, справа – дверь в ванную, а слева, напротив же, – в гардеробную; далее проход расширяется, и мы оказываемся в просторной двухэтажной зоне, которую визу-ально можно поделить на три куба. По правую руку мы уви-дим три рабочих стола со всеми возможными для этого при-способлениями, а отдалённо от них круглую лестницу; ес-ли по ней подняться, можно достать книги с самых высо-ких полок шкафа (он протянулся через все три стены наше-го «визуального куба») или же пройти в часть комнаты по левую руку. В ней стоят три кровати: две снизу, а одна свер-ху (данная схема напоминает чем-то пирамиду) – и чуть да-лее от них снова-таки лестница на «второй этаж». Посреди двух «кубов» небольшая зона отдыха, где располагается ди-ван, висячий телевизор и пара тумбочек с личными вещами. Но больше всего в ней нравится мальчикам кот Амоса, ко-торый целые дни, бездельничая, проводит на подоконниках.

– Курсанты 223 комнаты, мы вас ждать не собираемся – осталось шестнадцать минут на то, чтобы вы собранные вы-шли на балкон, – зайдя во входную дверь, громко и отчётли-во проговорил их руководитель.

– Это всё Эбейсс! – выкрикнул Ренат из ванной, которая уже освободилась.

– А если вы, Нидмистейк, будете так некорректны по от-

ношению к вашим одноклассникам, мне придётся отправить вас на исправительные занятия, – ровным тоном подчеркнул руководитель.

– Понял, месье, исправлюсь, – печально вздохнул, выходя из ванной, Ренат.

– Вот и чудесно, – все три мальчика к тому времени уже стояли в коридоре.

– Месье, а правда ли, что у нас поступают лица не по рождению нынче? – уверенно спросил Амос.

– Неправда ли хорошо? – улыбочиво отозвался мужчина в солнечном костюме с надписями каких-то чисел.

– Определённо, Николас Викторович, – задумчиво ответил Амос.

– Всё курсанты – одеваемся и поживее, – учитель вышел.

Буквально через пять минут спешных сборов ребята были готовы: они выглядели все так же прекрасно, как и при первой церемонии, но уже более спокойно. Двое стали выходить, но их остановил Раф.

– Погодите, – сказал он, – мне не нравится, что мы третий год вместе живём, а ведём себя друг с другом как чужие. Предлагаю начать дружить, – воодушевление царило в нем.

– И почему ты вдруг ни с того, ни с сего решил это? – одновременно спросили Ренат и Амос.

– Да я не знаю. Понимаете, бывает такое порой, что не знаешь почему, но знаешь, что это надо. Ну, неважно. Вы согласны? – разведя руками и слегка наклонившись, прого-

ворил быстро Раф.

На минуту наступила тишина: они втроём думали о чем-то одном, но с разных сторон.

– Почему мне кажется, что, если мы откажем, ты заплачешь? – прервал молчание Ренат.

Амос усмехнулся.

– Ладно, – сказал он, – ты был убедительным.

– Определённо убедительным, – подхватил слова Амоса Ренат.

– Ребята-а, теперь я точно рад, – Раф обнял их одновременно. – Так вот, чтобы все это дело закрепить, я уже придумал нам небольшую фишку: на цилиндры мы наклеим вот это, – и он достал маленьких чёрных зайчиков с красными бабочками, сидящих на задних лапах.

–Что-о? – с небольшим презрением удивился Амос. – Какие зайцы? И почему в бабочках? Мы носим исключительно галстуки.

– Да это то, что нужно. Как ты не понимаешь? Это очень уникальная вещь у нас в школе – мы будем самыми стильными. Ну, а на счёт того, что это значит, потом объясню, – в это время, незаметно для всех, он быстренько прикрепил зайчат к верху цилиндров.

– Ох, ладно, пошлите и с ними. Хоть мне это и не нравится, но времени нет, – поторапливал Ренат.

– Стоп, ещё одно, – остановил его Раф.

– Ну что?

– Выходя из комнаты, один открывает дверь, проскальзывает и делает реверанс, другой, пританцовывая, проходит к первому, делая из рук пистолетки и будто стреляя в воздух, и, останавливаясь у первого, говорит «пум-с-с», третий же, точно всех расталкивая локтями, но никого на самом деле не трогая, подходит к первому и второму и тоже говорит «пум-с-с». После чего мы все поворачиваем головы влево, притом стоя в шеренге, и говорим «пум-с-с», поднимая эффектно брови, – для мальчиков было понятно, что Раф находился в сильнейшем восторге от этой идеи.

– Э-э-э-э-э-э-эм, нет, – одновременно произнесли Ренат и Амос.

– Но почему-у? – удивился Раф.

– Потому что это бред, – сказал Эбейсс и хотел выйти вместе с Ренатом, но остановился.

– Ну, пожалуйста. Если мы не будем делать что-то странно-сумасшедшее, то дружбы у нас ладной и не выйдет. Она и заключается в ненормальном веселье. Просто вспомните, как вам было до этой школы. Разве не может быть весело сейчас и друг с другом? – с печальными глазами обратился Раф к друзьям.

– Ох, ладно, – с недовольным видом протянул Амос. – Но ты начинаешь, и если над нами будет смеяться весь корпус, то виноват будешь ты, – заключил он, видя согласие Рената.

– Почему «если»? Обязательно будут, – прокричал Раф, проскальзывая из открытой двери.

«Фишка» была исполнена. Но осуждения они не получили: к счастью, мальчики изрядно опаздывали. Им пришлось практически бегом (в школе разрешалось передвигаться исключительно шагом, но не уточнялось каким) идти по полупустому корпусу третьего курса.

– Ой, Раф, сегодня нет тренировок, так ты решил нас так в форму вернуть после недельного пребывания дома? – язвительно подметил Ренат.

– Ну кто-то пребывал, а кто-то – нет, – Амос искусственно улыбнулся ему в ответ.

– Да не важно, кто и где был. Главное – мы теперь с вами друзья – я так рад! – Раф обнимал их за плечи несмотря на то, что они все ещё шли быстрым шагом.

– Какой же ты умиленный, – распевая эти слова, произнёс Ренат. – Но лучше прекрати: тебе известно, какие правила в школе, и как учителя относятся к этому, – сделав ударение на первые два слова, он стал более серьёзным.

– Да уж, это точно, – подтвердил Раф и переменял быстрый шаг на спокойный.

Они подошли к балкону, на котором стояла толпа учащихся с первого по десятый курс, в определённом порядке (это был один из принципов школы).

– Удивительно, что вы успели, господа, – недовольным тоном произнёс тот самый руководитель, заходивший к ним с утра. – Минута позже, и вы бы отправились на исправительные занятия за нарушение порядка, – рыжие длинные усы

забавно дергались на неприятном лице учителя.

– Просим прощения, месье, – в один голос отрапортовали мальчишки.

– Ну, не здесь же. Ещё и так громко. О, ужас. Идите уже к столбу: там ваши места, – мужчина остановил Рафа, пошедшего вместе с Амосом и Ренатом. – Нет, вы, мистер Серафим, идёте к левому столбу: там ваше место, –разделив друзей, Николас Викторович спустился в холл школы.

– Мы будем тебя помнить, – на амслене сказал Амос удалившемуся соседу.

– И я вас, – ответил Раф другу все также, без слов. Подойдя к краю балкона, Амос и Ренат встали по стойке смирно, как и все другие курсанты в своих серых костюмах и цилиндрах.

– Я знаю, что нам запрещено говорить на церемонии, но более удобного момента, по моим подсчётам, уже не будет, – начал спокойно Эбейсс.

– Для начала, будь тише. А для конца – ты о чем? – спросил Ренат, совсем не двигаясь, лишь едва приоткрыв рот.

– Тебе, может быть, это дружба и нужна, но мне – нет... – начал было Амос, но Ренат его прервал.

– Если я более весёлый, чем ты, это не значит, что я горю желанием дружить с тем, кто за два года знакомства сказал мне однотипных пятьдесят слов.

– Славно, но я понял, почему ты это сделал.

– Хе, только, наверно, сам Раф не понял этого, – мальчик

печально усмехнулся.

– Да... и я поэтому же, – Амос отпустил на мгновение глаза, но тут же их поднял.

– Неужели в тебе есть благородство? – эта усмешка Ренат была уже более укоризненная и спокойная. – Я думал, те, кто идёт в наивысшую Лигу спокойно обходятся без него с рождения.

– Ты не прав, – лёгкое недовольство пробежало по лицу Амоса. – Не все так, как говорят. Запомни, что слухи всегда кажутся более реальными, чем сама реальность.

– Не горячитесь, господин Эбейсс. Нам сейчас ни к чему такие проблемы. Мы, вроде бы, говорили о Рафе, не так ли? – услужливо и все также спокойно закончил Ренат.

– Ни к чему сейчас твоя ирония, но да, мы говорили о нем.

– Мы обязаны с ним больше общаться, даже дружить. Тебе, как я понимаю, прекрасно известно, в какой семье он вырос, – Ренат глубоко вздохнул.

На минуту воцарилось молчание: торжество объявили начатым.

– Если ты настолько же имеешь чувство сожаления и горести, как я, то понимаешь, что я прекрасно знаю все то, что ты сказал.

– Не сомневайся, мы, искусники, не хуже вас знаем, что такое сопереживание. Тебе же известно, что умер месяц назад... его брат, а не какой-то знакомый со двора? – Ренат повернул голову в сторону Эбейсса.

– Да... – Амос с грустью повернулся в ответ. – Мне жаль, что такое случается, – и принял прежнюю позу.

– Такое... Какое такое, Амос? Его мать в порыве ярости ударила по голове больного ребёнка, которому было всего пять лет. Что? Ты часто слышишь в рассказах такое? А тот факт, что Раф все это видел, тебя вообще не смущает? – в неподвижных глазах Рената блестели слезы. – Живые Эбейссы... все вы одинаковые, – в этот момент он бы яростно желал плюнуть под ноги Амосу, но устав запрещал шевелиться.

– Ты и понятия не имеешь ничего о нас, так что лучше замолчи, Нидмистейк, – слова Рената сильно задели Амоса – его ответ прозвучал на редкость грубо. – Как ошибался отец, когда сказал, что Вас здесь не будет... – и мальчик с отвращением взглянул на соседа.

Они прекратили разговор.

Где-то вдалеке, внизу, шло торжество. Фейерверки, дымовые облака всевозможных цветов расплылись над Перекрестной площадью Высшей школой первого этапа, удивляя своей непревзойденностью и магической способностью собираться в фигуры и образы животных. Но здесь, совсем близко, обрушилась ещё на детские сердца печаль ядовитого гнева в момент произнесенных слов. Думали ли те, кто снизу застыл в пластилиновых образах, что тут, вверху, пошатнулся мир веры двух разных маленьких людей? Нет. Там шло

чувствование, никак не вникающее в проблемы за рамками ограничений.

В группе курсантов-первоклашек было какое-то оживление: они не стояли смиренно, как все остальные, забавлялись происходящим и восхищались красотой окружающих людей. Что их подвигло не только нарушать устав (который выдавался сразу же, при подаче документов на поступление), но ещё и искренне радоваться этому «скучному», по мнению Амоса, времяпровождению? Как оказалось, это было не что, а – кто. Небольшая, но привлекающая всё внимание, лучезарная, светловолосая, повзрослевшая Мишель О'Роуз только одним своим присутствием создала атмосферу беззаботного, радостного праздника. Она шутила, разговаривала с курсантами, обращала их внимание на самых, по её мнению, интересных и «забавных» учителей и преподавателей. Родители, стоящие с другого края площади, невольно улыбались и порой пошатывались от лёгкого смеха, смотря на то, с каким проникновением их дети слушают все, что говорят ведущие, а в особенности, Мишель. Когда, видимо, она начала рассказывать об истории создания школы своим будущим одноклассникам, стоящим поближе, её голова быстро поворачивалась то туда, то сюда, и в итоге остановилась на балконе, где стоял Амос. Проведя по их курсу взглядом, девочка, похоже, заметила его и с той же улыбкой (как и когда она предложила пойти ему по менее длинной дороге два с небольшим года назад) слегка наклонил голову в знак при-

ветствия. И повернулась в обратную сторону.

– Быть не может, – не заметив того, что произнес это вслух, сказал Амос, вставая к краю балкона и слегка нагибаясь корпусом тела вниз.

– Мне тоже не верится, что ты решил сигануть вниз оттого, что мы поругались, – прокомментировал странные и не предписанные законом действия Ренат и указал кивком головы на пилящего их взглядом, обозленного Николаса Викторовича.

– А? – Амос повернул в его сторону голову. – Точно, – и теперь вспомнил, что за нарушение дисциплины на столь важном торжестве ему придётся отбывать наказание на исправительных занятиях, и поморщился.

– Всё же решил прыгать, хех, – усмехнулся Ренат. – Ну, это даже верно, если ты и передумал насчет нас, то за такие действия тебе точно влетит нынче, так что все верно.

– Смешно, – строго проронил Амос и встала назад.

– Ладно, как никак нам нужно дружить. Не забывай это. Посему предлагаю перемирие, – с робкой улыбкой сказал Ренат.

– Хах, хорошо, наш конфликт приостановлен, но не исчерпан, – Амос, натянуто улыбнулся в ответ и протянул руку Ренату, предварительно сняв темно-серую перчатку.

– Да, нам стоит ещё поговорить насчет того, но не сейчас, – подтвердил друг.

Мальчики после стояли на балконе всего пару минут. По

окончании торжества они вскоре отправились к себе в корпус, забрав от соседнего столба задремавшего Рафа.

– Что было интересного? – спросил он, уже раздеваясь в своей части гардеробной.

– Да ничего особого: постояли, поговорили, слегка поспорили, помолчали, – отвечал Ренат из своей части.

– Из-за чего спорили?

– Это не так важно сейчас, – вступил в разговор Амос.

– Ну, ладно, – потупившись протянул Раф. – А что же тогда важно?

Они вышли в главный «зал» своей комнаты и сели на диван.

– Да это тоже неважно, – слегка смущённо прозвучали слова Амоса, сидевшего в белых лосинах с алмазными полосами по бокам и белой водолазке.

– Та-а-к, – Раф довольно прищурился. – Что же тебя так занимает, что ты не можешь об этом рассказать другу, – но вдруг он помрачнел. – Если ты еще не считаешь меня таковым, то...

– Нет, Раф, я считаю тебя другом, иначе бы не стал нацеплять эти странные значки и при выходе играть странную комедию, – Амос положил ему на плечо руку.

– Спасибо, – мальчик помолчал. – А теперь колись, отчего ты так смущаешься? – и сразу же повеселел.

– Эх-х, похоже, ты не отступишься.

– Не-а, – ответил Раф с высокоподнятой головой.

– Хорошо, – Амос встал с места и начал свой рассказ, расхаживая вокруг дивана. – Сегодня я увидел одного человека, который предположительно был лишь частью моей фантазии, но то, что он здесь, значит, что он не моя фантазия, а реальный человек, с которым я встретился два года назад в парке «Для детей и родителей». Понимаете, этот человек мне очень интересен показался с самого начала, и, увидав его сегодня, я удивился и испугался, потому что, ну, во-первых, он изменился чуть-чуть, а во-вторых, мы и толком знакомы не были, потому что – потому. Не знаю: так вышло. И если я попробую с этим человеком начать диалог, мне будет неудобно. А вдруг он вообще не захочет общаться? Хотя зачем тогда она мне кивнула? – он задумался.

– Кхм, – кашлянул Ренат, – она?

– Оу, – Амос понял, что оказался не объективен и раскрыл суть своего переживания, – да, это девочка. Она мне показала дорогу, когда я заблудился, – в нем заиграл неправильный стыд, – а я даже не поблагодарил. Надо же это сделать, – добавил он, как бы оправдывая своё непонятное желание с ней поговорить.

– Хм, ну ладно, – начал Раф.

– Да, я, кажется, понял, о ком ты. Тоже смотрел на первокурсников: как-то у них слишком весело было; ни то что у нас. Мы, помню, стоим втроем, цветы разглядываем да ждём, когда все закончится, – подметил Ренат.

– В смысле? Мы разве стояли вместе? – удивился Амос.

– Ну, да. Ты что, не помнишь? – с непониманием спросил Раф.

– Нет.

– Да уж, вот и друзья, – Ренат посмеялся и задумчиво от-
вернулся в другую сторону.

– Ладно, продолжай, – сказал Амос.

– А что продолжать? Я все сказал, – пожал плечами Ренат.

– Ну, это хорошо, – продолжил Раф, – но неясно, что мы
делаем все еще здесь? Пойдемте в первый корпус! – он встал,
схватил пиджак и направился с кличем к двери, но Амос его
остановил.

– Ну, и куда ты?

– Знакомиться. Куда ж ещё? – уверенно заявил мальчик.

– Ты на профготовку: у тебя занятие, Ренат на терапию
свою: у него тоже дисциплина, а я на дуэль, ибо я тоже
учусь, – спокойно проговорил Амос и глубоко вздохнул.

– Точно, – раздосадовался Раф.

Они оделись, каждый взял свои рюкзаки, и направились
к выходу.

– Ничего, ангелок, ещё узнаем спасительницу нашего дру-
га, – с сарказмом сказал Ренат и похлопал его по плечу.

Глава пятая

Амос Эбейсс, выбрав Лигу своего отца, обучался по особой программе: с самого начала ему был предложен план, по которому он посещает основные занятия, то есть уроки математики, физики, технологий, языков, все естественно-научные и гуманитарные предметы, и занятия профилированного характера: управление, влияние на массы, законопроектирование, способы конкретного убеждения, манёвренность действий, упорядочивание положений и предписаний, дипломатические дискуссии, ораторство, скрывание неурядиц и многое другое, что так ему досаждало, но постепенно затягивало. Помимо вышеперечисленных дисциплин он мог выбрать себе некой «развлечение», как выразился его отец, но такое, чтобы не перечило основным учебным моментам (Авраам крайне сильно не желал, чтобы его сын обучался чему-то «ненужному, как эти искусники», и потому запретил даже выдвигать на рассмотрение художественную или музыкальную деятельность в школе). Следовательно, Амосу оставались лишь направления физического мастерства, но ему не хотелось уделять время каким-то обыденным видам, которые так популярны повсеместно; мальчик стремился к чему-то интересному, к чему-то, что поможет задушить гнетущее его изо дня в день чувство досады – он выбрал стрельбу (поначалу из лука, а по достижению тринадцати лет – из

«настоящего» оружия), конную езду и фехтование, на которое и отправился сейчас.

«Они думают, что так просто взять и пойти к ней – хах, смешные. Будто не понимают, что мне неудобно. Вдруг это и вовсе не она. А вдруг ей будет неприятно моё появление: я как-никак даже толком и не попрощался, да и не поблагодарил... А они так быстро все решили! Ох, святые игуаны, нужно же было ввязаться в эту дружбу... Будто мне нужны друзья! Если пережил то, что мои родители меня так бесцеремонно оставили здесь, не навещая и не забирая ни разу домой, значит пережил бы и учебу без друзей. На крайний случай у меня есть Граф Жиренский – с ним-то я уж точно буду счастлив... Да уж, родители... Но эти друзья... Вот на что они мне? Может, стоит попроситься перевестись в другую комнату? Хотя, нет. Не переведут: никто не захочет учитывать такую безделицу, как мои переживания и чувства. Мда, вот если бы не Раф, то я бы вполне мог дальше жить спокойно, читая книги, посещая уроки и занятия, потом бы выпустился, пошёл бы в Высшую школу второго этапа, а за ней и работать можно начинать. Разбирал бы бумаги и предписывал предписания... побывал бы в отпуске... Если бы мои мысли слышала Мишель! Эх-х» – пока Амос шёл по длинному коридору, выполненному в импрессионистском стиле, его никак не покидали сомнения и переживания: что-то, что на него давило не прекращая, должно было в скором време-

ни вылиться наружу.

Как внешне, так и внутренне здание школы было прекрасно и по-своему загадочно, но особую роль играл комплекс за ней. Это место не бывало неприятно взору – оно всегда благоухало и пленило: дождь – исключительно музыкальный, сопутствующий завыванию минорного ветра, снег – исключительно блестящий, морозный день, никакой гололедицы там, где её не надо, солнце – исключительное разнообразие цветов вокруг, мажорные напевы птиц и переливание ручейков, широколиственные деревья, создающие прохладный тень над скамеечками, шатры с прохладительными напитками и зоны «повышения мастерства», сооруженные точно на все случаи жизни и оборудованные первоклассным снаряжением. Здесь можно было бы проводить свободное время и наслаждаться природой, но, когда занятия прекращались, ученикам запрещали посещать данное место («чтобы вы случайно ничего не сломали или не испортили, а то вдруг придётся менять что-то, а это же деньги!») – слышал как-то Амос ответ преподавателя на вопрос ученика: почему он не может задержаться). Помимо физического направления здесь, конечно же, расположились и направления искусников: медитация, свободное рисование, дополнительные занятия по настраиванию музыкальных инструментов (исключительно в изолированных боксах) и непонятные для Амоса уроки по смотрению часами на какой-то предмет или несколько пред-

метов, чтобы лучше понять природу света или вещества. Со-
всем недалеко от Оздоровительного комплекса, находился
и Естественно-научный. В нем мало кто бывал: там стояли
«странные теплицы, и зачастую что-то взрывалось» (многие
страшились туда ходить, боясь, что они либо отравятся, ли-
бо их чем-то убьёт; для Амоса это казалось нелепицей, но
такой нелепицей, которая и его порой бросала в дрожь).

– Шаг, шаг – выпад! – слышались вдалеке команды масте-
ра по фехтованию.

– Hola, мисс Хидден. Кто мой партнёр? – спросил, торо-
пясь, Амос.

– Пока вы, мистер Эбейсс, не перестанете быть чем-то раз-
драженным, – ровным тоном прозвучал ответ, – я не начну
с вами занятие. Влево, господин Горьсьел! – крикнула она
нелепо двигающемуся мальчику, когда его плеча коснулись
шпагой.

– Моя фамилия Гарсэлл, мисс! – пропыхтел, уставши, он.

– А владеешь своим телом, будто Горьсьел! – громко ска-
зал мастер с соседней поляны и помахал мисс Хидден.

– Благодарю за пояснение моему ещё не выросшему уче-
нику, мистер Силь, – также громко отозвалась мисс Хидден
и помахала в ответ, улыбнувшись, словно это её любимый
момент в фильме, который она ни раз пересматривала, но
все равно любит.

– Прошу прощения, мисс Хидден. Моё настроение не
должно грубо и неправильно сказываться на других людей,

в особенности, если у меня к ним имеется уважение, – отпустив глаза, проговорил вырученные слова Амос, когда мисс Хидден повернула к нему голову.

– Молодец, Амос, – она, утвердительно махнула головой, тем самым сказав, что он может брать шпагу. – Сегодня ты должен был быть в паре с одним учеником, но он отказался пока что принимать участие в дуэлях, поэтому я буду твоим помощником.

– Но это же абсурдно, – удивился Амос.

– Ах-ха-х, мистер Эбейсс, для своего возраста вы слишком красноречивы. Что значит абсурдно? – оживленно заинтересовался молодой мастер лет двадцати в нежно-розовом, облегающем, фехтовальном костюме.

– Я хотел сказать, что двое людей не являются помощниками в сражении, – взяв шпагу и сделав выпад, сказал Амос.

– В сражении? Что Вы, мистер Эбейсс? Мы не в войну играем, а тренируемся, познаем мастерство, – шпаги изредка касались друг друга. – Маневрирование? Мы не на ваших политических игрищах, Эбейсс, – атака! – мальчик впал в ступор и пропустил укол. – Прекратите думать о том, что неважно, – участвуйте в обучении, – шаг, шаг, выпад, укол – мастер в два счета атаковала мальчика.

Амос путался и не мог собраться с силами, чтобы следить за движениями мастера: его мысли постоянно были о чем-то другом – вновь шаг и вновь укол. Захват, завязывание – проигрыш. Попытка атаковать – проигрыш. Защита – проиг-

рыш. Выпад – проигрыш. Неудачная дистанция – снова проигрыш.

– Амос, может быть, ты болен? – остановив безуспешную тренировку, спросила мисс Хидден.

– Нет, мисс, я в полном порядке, – Амос снял защитный шлем обычного белого цвета, – просто вы сильный соперник, – пояснил немедля он.

– Для начала, мистер Эбейсс, помощник. И если ты не понял все ещё, что по тебе заметно, то помощник потому, что мы вместе обучаемся чему-то новому или закрепляем старое – мы не соперничаем и не стараемся кого-нибудь покалечить, а всего лишь повышаем уровень мастерства, уровень наших навыков, которые помогут нам в дальнейшей жизни. Да, сейчас я даю тебе больше знаний, чем ты мне, но это временно: в скором времени ты будешь мне давать интересные советы. А в итоге, я же вижу, что тебя что-то беспокоит, – она сняла свой шлем и приобняла Амоса за плечи. – Расскажи – тебе станет легче. Дети не должны держать все в себе: вас это губит, – и улыбнулась.

– Вы ошибаетесь, – он по привычке отдернул её руку от себя и отошёл.

– А ты лжешь, – заметила она и сложила руки на груди, все ещё улыбаясь.

Ему стало совестно, что он действительно обманывает одного из лучших людей в этой школе.

– Извините, – у него непроизвольно опустились глаза, –

но я не могу рассказать: это сильнее меня. Я не могу поделиться с вами своими проблемами: вы учитель, а я ученик – нас должно связывать лишь обучение меня, – сказал серьёзно Амос и слегка пожал плечами.

– Вот теперь можно говорить о том, что кто-то ошибается – к примеру, ты, – мальчик посмотрел в её непонятное лицо (он никак не мог решить: красиво оно или нет). – Только что вы, мистер Эбейсс, уверили себя в том, что не можете рассказать мне о своих проблемах...

– Не я... – прервал её полупшепотом Амос.

– Оу-у, – лицо мисс Хидден выразило тревожную печаль, – мне, конечно, доводилось слышать, что ваши родители соблюдают все правила воспитания курсантов, но не думала, что в такой степени, – мальчик покраснел и повернул голову вбок. – Кончено... Не только родители, но и школа... Да, здесь много прократианцев, давящих на учеников. Не стоит, Амос, слушать все, что они тебе говорят: ты человек, прежде всего, и я это вижу – ты не должен быть таким, каким тебя хотят видеть, – она присела на одно колено и вонзила шпагу в землю. – Ты действительно пока что не можешь сказать о всем, что тебя беспокоит, и я, как бы это ни было мне лестно, не тот человек, которому ты поведаешь о своих проблемах, поэтому могу лишь дать совет: если идёшь на тренировку, то лучше отбрось все мысли прочь и забудься, а то так будет бессмысленно ходить и «проигрывать», – мисс Хидден встала, отряхнулась, положила на плечо шпагу и на-

правилась в сторону других учеников. – Будь сильным: пока что я ничем не могу помочь; нужно время, а это непросто – долго ждать. Mata ne, мистер Эбейсс.

Амос был в растерянности.

– Мисс Хидден, подождите, – вдогонку проронил он, – я исправлюсь; извините, что так вышло, – и поклонившись, пожал ей руку, что значило выражение благодарности среди курсантов.

– Прекратите извиняться за естественность – это нелепо, – с упреком сказала она.

– Да, вы правы, – согласно поклонился он вновь, – Mata ne, мисс Хидден, – и мастер удалился.

«Какой же я бестолковый! Надо же было так облажаться! С этими мыслями о Рафе, о родителях, о Мишель загубил урок. Да ещё похоже, что я недостаточно хорошо держусь: она же поняла...» – думал про себя Амос, собирая вещи в рюкзак и временами дергая плечом.

Переливающиеся огненным светом круги стен зала для Профессионального приготовления испускали яркие солнечные пучки, способные озарить собою миллионы домов, но озаряли лишь одну комнату Высшей школы первого этапа. Шум, созданный в ней ритмичными ударами ножей о разделочные доски, мог оглушить любого «нежеланного гостя», прибывшего с посланием или поручением от руководителей других курсов, но для привыкших учеников и учителей Ли-

ги Персонала это был марш победы над основами изучаемой дисциплины.

– Раз, два, раз, два – огурец, – громогласно прокомандовал преподаватель Рафа, когда его «подопечные», как он любил выражаться, нарезали овощи и фрукты всеми известными методами. – Раз, два, раз, два – помидор. Раз, два, раз, два – помело! Не отстаём и слушаем ритм! Раз, два...

Двадцать два курсанта под счёт толстого, раскрасневшегося от своих же возгласов, вспотевшего Клерка Грида двигали исключительно руками, делая «свою работу» и не желая получить осуждения от преподавателя; ребята трудились стоя на протяжении полутора часа и не имели права присесть.

– Раз, два, раз, два – не спим над продуктами! – кричал он. – То, что вы освоили основы вчера, не значит, что можно забывать их сегодня!

Где-то в углу зала возник «музыкальный» резонанс: упало блюдо с овощами.

– Лентяи! Лоботрясы! – в мгновение вспыхнув яркостью, Клерк Грид пронёсся в ту сторону, где произошла ошибка. – Чему вас учили?! Портить все, к чему прикоснёшься?! – он стоял над беззащитной, полноватой девочкой, которая, содрогаясь при каждом его слове, продолжала ритмично резать фрукты и овощи. – Что ты режешь! Кто убирать будет?! – Грид выхватил разделочную доску, стукнул ею по столу и выкинул в сторону, меж рядов.

Девочка сжалась от страха и не смогла начать что-то де-

лать.

– Ну что ты стоишь, глазами хлопаешь?! Пошла убирать! – он схватил её за плечо и толкнул под стол, туда, где лежало блюдо.

Кто-то испуганно вздохнул.

– Д-да, д-д-да, месье... – тихо глотая воздух, отвечала та.

– 30 часов исправительных занятий! Смотри, чтоб не вылетела отсюда вообще!

– Д-да, месье... – она усиленно сдерживала слезы.

Кругом царило молчание, но не тишина: курсанты знали, что, если они перестанут делать то, что им сказано, то их ждёт худшая участь, и девочку вовсе могут выгнать из школы («ни один ученик не имеет права на помощь другого ученика: вы на то и из благородных, чтоб сами справлялись или исчезали отсюда» – начинал так Клерк Грид чуть ли ни каждую неделю).

Раздался звонок.

– Конец! – раздражающе громко сказал побагровевший преподаватель, стоя все на том же месте, и ножи прекратили стук. – Задание получите как всегда, у себя в корпусе. Можете уходить, – он открыл выход в коридор и, поморщившись, ушёл куда-то.

– Ты в порядке? – поинтересовался Раф, подойдя к той девочке.

– Д-да, все хорошо, – все ещё глубоко дыша, ответила она, – но лучше уходи: т-тебе же известно, что нам не следу-

ет друг другу помогать...

– Знаю... – он хотел помочь ей убрать оставшиеся овощи, но она отодвинула блюдо. – Но... – на лице Рафа выразилась печаль и отвращение, но прозвучал лишь глубокий вздох. – Ладно, до встречи на следующем занятии.

– До встречи, – они встали, пожали друг другу руки, и Раф удалился.

Поляна, на которой Ренат обучался мастерству Искусного перевоплощения, находилась недалеко от физического блока Амоса, но представляла собой насыщенный объект с шестьюстами видами растений, чему могла только завидовать обстановка у спортсменов. Разноцветные лилии, благородные розы, многолетний агератум, азалии, аморфофаллусы, аюги, барвинки, брахикомы, бруннеры, вербейник, вриезии, гастерии, джеффисорнии, клеомы, кореопсисы, кохии, хохлатки и многие-многие другие цветы медленно погружались в объятия повилики этого райского сада.

– О, мистер Дант, – шуплый, длинный мужчина в рыжем костюме, щура глаза и выдавливая из себя обходительность, расплылся перед классом Рената, – чуточку уголочек улыбочки вверх... Прекрасненько! О, мистер Карби, чудесненькое отвращение – прелестненько! О, нетушки, мистер Нидмистейк, так не выражают страх! Где открытый ротик, где расширенный носичек – где все это? Мистер Нидмистейк! – прикрикивал он, увидев каменное лицо Рената, но все равно

держал «улыбочку».

– Но, мне кажется, страх бывает разным и...

– И какая разни́чка, что вам кажется? Мистер Нидмистейк, вы должны делать, как делают все: таков порядок, и я точно знаю, что так лучше, потому что сам частенечко так делаю. Да что там частенечко, ах-ха-ха, постоя́ннечко, – извиваясь от собственной мнимой иронии, говорил, припискивая, Морсис Эст-Инджени.

– Всё же, я думаю, эмоции могут быть...

– Не могут! – твёрдо заключил мастер, яростно выпучив глаза и держа «улыбочку». – Мистер Нидмистейк, вы учитесь здесь не первый год, и вам должно быть известно, что существуют прокрастианцы, которые и без вас придумают, что вам следует и как делать, потому прекратите мне досаждать маленечко и займитесь-ка своими... занятчиками, – не сумев придумать более подходящее слово, выпалил он.

– А тогда...

– Что тогда?! Вы не поняли?! Смотрите на картинки и делайте. Я больше показывать не буду: одного раза вполне хватит.

– Я хотел лишь спросить, где взять портреты, мистер Эст-Инджени, – с каменным лицом ответил Ренат, стараясь твёрдо держать свой голос.

– Ах-х, мистер Нидмистейк... – мастер хотел снова рассердиться, но вдруг у него в кармане завибрировал смартфон, и он остановился, чтобы проверить уведомление. – О,

мистер, зачисленишко от вашего высокоуважаемого родителя пришло, – его улыбка растянулась точно до ушей, – так что берите-ка вон там... Да что уж Вы, я сам принесу Вам новую эмоцию, ах-ха-ха. Только следуйте образцу, ничего новенького не делайте, ах-ха-ха, а то придётся вас снова поругать, ну как поругать, чутка исправить, ах-ха-ха, вот вам рамка с портретиком – пользуйтесь! Ах, передавайте, что мы всегда крайне рады гостям, особенно таким, как ваши уважаймейшие родители! – он раскланялся и ушёл в сторону. – Так, Дживиши, ну-ка, ручку левее... да не так! О, святые музы, ну кто так делает? – слышались где-то слева от Рената.

– И почему ему не понравилось? Чёртовы образцы! – ругался мальчик, оставшись с портретом наедине. – Я, может быть, так хочу... Да ладно хочу, ведь так же лучше! – бормотал про себя он. – А может, он и прав... Не я же придумывал искусство – может быть, так на него надо смотреть и так им заниматься, а не как я... Наверное, да, наверное...

Издали послышался перезвон ветряных колокольчиков – урок был окончен, и Ренат, собравшись, отправился в здание школы. По пути он врезался в такого же задумавшегося Амоса.

– Амос, ах! – неожиданно и для себя прикрикнул он. – Смотри куда идёшь.

– Ай, Ренат! – в это же мгновение вскрикнул Амос. – Сам бы смотрел, куда идёшь!

Оказывается, они ударились головами.

– Ой-й, неприятно же... этот удар, – поостыв, продолжил Ренат.

– Да, ты прав: очень неприятно, ах-ха-х, – ответил утомлённый, но развеселившийся Амос.

– Ахах, ладно. Ничего страшного. Как твои занятия?

– Да так себе... я слегка забылся и проиграл. А твои как?

– Да ещё хуже: я даже не забывался, но, похоже, проиграл...

Мальчики переглянулись.

– Эх-х-х, да. Пошли лучше, найдём Рафа: может быть, ему повезло сегодня больше, чем нам.

– Да, может быть.

– Как думаешь, он заставит нас и заходить с его «фишкой» и будет ли помнить о ней завтра и через месяц, и через год? – спустя время спросил Амос.

– Ах-хах, думаю, да. Он такой: ничего не забудет.

– Да...

– Ладно, что-то мы в первый же день грустим тут. Скажи лучше, когда мы пойдём знакомиться с твоим проводником, а? – Ренат весело толкнул друга в бок.

– Ох-х, не знаю... Да и вообще, не думал, что мы с тобой так близки, что ты меня будешь задевать и подстрекать.

– Ну, знаешь, мне кажется, нам стоит о многом поговорить, но не сейчас: сейчас будем радоваться остаткам детства.

– Хм, – мальчики остановились, – хорошо. Наше переми-

рие превращается в мир на неопределённый срок! – воскликнул неожиданно Амос и пожал вновь руку Рената.

– Ах-ха-ха, политик! – подметил в ответ тот.

– Надеюсь, что нет, – саркастически ответил Эбейсс и вместе с другом побежал вниз по склону, ближе к школе.

Глава шестая

– Знаете, меня порой раздражают наши преподаватели, – говорил гневно Ренат, выслушав рассказ белокурого друга о сегодняшних занятиях. – Они точно хотят подогнуть нас под один нож.

– Ну, может быть не все так плохо? – предположил Амос.

– Знаешь, Эбейсс, – продолжил он, стоя у окна и глядя на нежные переливания облаков в небе, – если у тебя есть один нормальный преподаватель, это не значит, что у нас он тоже есть. Мы, с Рафом, постоянно контактируем вот с такими вот Клерками Гридами... А что за учёба, когда ты до мурашек на коже боишься или презираешь преподавателя? Правильно, это не учёба уже, а сплошное мучение. Следовательно, ты и понимать ничего не будешь толком, и не научишься ничему стоящему – только сможешь строчить зазубренные действия... Никакого абстрагирования! – вспыхив, Ренат со всей силы ударил по стеклу так, что оно чуть ни треснуло.

– Ренат, прекрати! – крикнул ему перепуганный Раф. – Зря я тебе все рассказал: если бы снова помолчал, ничего бы и не было. Сядь, остынь, – его друг поморщился, но, глубоко вздохнув, сел на стул, стоящий напротив дивана, – Хорошо, теперь давайте поговорим о чем-то хорошем. Амос, как твои дела с Мишель? – пытаюсь заглушить панический приступ, Раф говорил с придыханием после каждого слова.

– Ах, да, я так и не решился, когда мне стоит (или не стоит вообще) посетить её, – Амос хотел последовать примеру Рената – и встал у окна. – Мисс Хидден сказала... Да неважно, что она сказала. И вас тоже не должны волновать мои проблемы. Я справлюсь сам. Если надо будет, то поговорю с ней, если мне не понадобится, то нет, – решив, что равномерный и спокойный тон, как у его отца, сможет уверить друзей в необходимости узнавать о его «личных делах», он одной волной высказал свои намерения, но что-то пошло не так.

– В смысле, Амос, – удивился Раф, – ты не только не хочешь идти к ней, но ещё и нас отталкиваешь?

– Нет, я просто говорю, что сам разберусь со своими затруднениями.

Сбоку, со стула, послышался длинный «пф-ф», испущенный Ренатом.

– Но, Амос, мы на то и друзья, чтобы тебе помогать, – продолжал настойчиво Раф.

– Я же сказал, что мне это ни к чему, Серафим! – Амос ответил настолько грубым тоном, что Раф слегка побледнел.

– Амос! – воскликнул Ренат, увидев, что Эбейсс становится все более агрессивным по отношению ко второму другу, и понизил голос, дабы успокоиться. – Ты, наверное, забылся. Нет? – и он слегка кивнул в сторону Рафа.

Амос глубоко вздохнул.

– Ах, да... Раф, прошу прощения, из-за неудачной тренировки я чутка вышел из себя, – он рухнул на диван к другу,

который медленно хватал воздух ртом.

– Ничего... Апх... Просто в стрессовых ситуациях у меня случаются приступы... – начал было Раф, но Ренат его прервал.

– Да, да, мы знаем... Дыши глубже, – сказал он и решил отвлечь друга забавляющей его темой – знакомством с Мишель. – Лучше поговорим о твоей подруге, Амос.

Амос натянуто улыбнулся в ответ.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, Ренат... – он недовольно покачал головой и в сторону бросил: – Ах-х-х, ну до чего же вы надоедливые.

– Что? – переспросил Раф.

– Да ничего, – быстро исправился Амос, – говорю, что, в принципе, я согласен пойти к ней. Но, может быть, через день, неделю, месяц – не раньше. Сегодня я устал.

– Но Амос! – воскликнул Раф. – Ты же так никогда не соберешься. Я же тебя знаю.

– Да, я с ним согласен, – подтвердил Ренат.

– Ох, ну на что вы такие сдались мне... Не хочу я сегодня.

И все, – отнекивался мальчик.

– Нет, – сказал Раф.

– Что? – переспросил Амос.

– Нет, – повторил друг, – Мы пойдём к ней сегодня. И точка. Иначе ты никогда не пойдёшь: всегда говоришь завтра, а потом не делаешь зачастую. Нельзя упускать возможностей побыть с хорошим человеком в компании, пока это

возможно, ибо мы не знаем, когда это станет недоступно... – Раф в одно мгновение помрачнел, но тут же вернулся в приподнятое настроение. – Всё, пошли, – он взял друзей за руки и потащил их к двери.

– Но, Раф, – возмутился Амос и остановился у выхода, – вдруг она спит или на уроках, или занята чем-нибудь. Что тогда?

– Тогда мы её подождём, – ответил Ренат.

– И будем дожидаться до утра? Как бы... Нелогично от слова вообще.

– Что у тебя логично-то должно быть?

– Да ничего, конечно! Например, мои действия, – противился изо всех сил Амос.

– Пх, ну да, конечно, а чуточки фантазии приложить запрещено? – подтрунивал Ренат.

– Ну пошлите уже, ребята, – тянул их к двери Раф.

Парни стояли на месте и переругивались, но вдруг кто-то постучался.

– Если бы это был руководитель, то он просто бы зашёл... – рассудил Ренат и переглянулся с друзьями.

– Тогда кто это? – спросил Раф.

– Сейчас и узнаем, – Амос, рассерженный спором, с хмурым лицом отправился открывать дверь.

Ручка повернулась – и он увидел пару ярко-голубых глаз.

– Привет, Амос, вот и я, – перед юным Эбейссом представила Мишель.

После нескольких минут молчания, Амос все же смог что-то ответить.

– Мишель? Но как?... Это действительно ты... Но зачем? – с удивлением восклицал он.

– Зачем я к тебе пришла? Если да, то могу сказать, что для этого есть веская причина: ранее показала тебе выход я, теперь покажи ты мне, – с радостью отвечала она.

– Что? У тебя какие-то проблемы? – с переживанием спросил мальчик.

– Ах-ха-ха, что? Нет, Амос. Какие могут быть у меня проблемы? Я просто плохо знаю, где какие уроки проходят – мне нужно сопровождение, а единственный, кого я знаю в этой лиге, – это ты, – девочка оказалась настолько мила и улыбчива, что Амос ярко покраснел от собственного неудобства перед ней.

– Д-да, хорошо, я тебе все покажу, – слегка запнувшись, отвечал он.

– О, прекрасно! Для начала я хочу посмотреть на твою комнату, – Мишель быстрыми шажками пролетела в центральную часть, туда, где были ребята.

– Здравст... Привет, – смущённо проговорили мальчики.

– О! Да вы друзья Амоса. Очень приятно познакомится! Я Мишель О'Роуз. Как-то раз спасла этого непробудного мальчишку из леса, вот так и познакомились с ним. Хотя, наверное, вы это уже знаете: не зря же ты, – она указала на Рена-

та, – так пристально наблюдал за моим классом, разговаривая с Амосом. Но что я это... Как же вас зовут? Хочу непременно знать, как можно больше о вас... о всем! – тараторила без умолку она.

– Эт-то Ренат, – опустив волнение, сказал Амос, решив познакомить своих друзей с прибывшей гостьей. – Ренат Нидмистейк, он учиться в Лиге Искусств, вроде бы на руководителя музыкальными училищами...

– Консерваториями, – недовольно исправил его Ренат.

– Очень приятно, – Мишель с радостью пожала ему руку.

– Ну, да, небольшая разница, – проскочил незаинтересованно Амос. – А это Серафим Эт-Мартирис. Он является учеником Лиги Персонала, хочет работать на молекулярной кухне, или как это называется... Ладно, это не так важно... – он хотел что-то спросить, но Мишель прервала его, дабы выразить уважение ко второму другу.

– Очень приятно, Серафим, – и его руку она также радушно пожала.

– Лучше просто Раф, – в ответ кротко добавил мальчик.

– Да... Мишель, – Амос хотел начать расспрашивать её о всем, что его волновало, но он решил, что не стоит себя так вести в обществе его новых друзей, и спокойно предложил пойти прогуляться до комендантского часа

– Ах, конечно, Амос, я буду рада с тобой побеседовать, как раз покажешь мне, где что находится.

– Отлично, – мальчик повернулся к друзьям, – Раф, Ренат,

я скоро вернусь.

– О, хорошо, конечно, – вместе сказали смущенные ребята.

– Прошу, Мишель, – и Амос пропустил свою знакомую вперед.

Спустя время они вышли на главную площадь.

– Я знал, что в этом году поступают ученики, отличившиеся на вступительных испытаниях, но я и не надеялся, что ты будешь здесь, да я и не верил, что ты вообще существуешь... – начал с осторожностью мальчик.

Они прогуливались по просторной улице, где уже давно зажгли фонари и дул легкий прохладный ветер.

– А мне говорили, что ты отличаешься любознательностью и умом, но, как мне кажется, ты все тот же Амос, которого я неожиданно встретила в лесу, – нежно улыбнувшись, подметила Мишель; улыбка шла ей невероятно.

– Ах-х, – мальчик покраснел, но овладев собой, продолжил холодно, – это не так: я давно уже не тот.

И девочка искренне захихикала.

– Прошу, не делай такой серьезный вид, Амос, он превращает тебя в унылого взрослого, – прощепетала она.

– Что? – Амос был обескуражен неожиданным замечанием. – Я не делаю вид...

– Делаешь, – она перестала смеяться, но все так же сердечно улыбалась, – но стараешься себя обмануть, стараешь-

ся оказаться тем, кого желают видеть в обществе прокрастианцев. А ты совсем другой, – они остановились, и Мишель положила ему руку на плечо. – Я же говорила, что заниматься тем, что хотят другие, скучно, а ты все равно не понял... Перестань быть кем-то другим! Как бы это заезжено ни звучало, но да, перестань: ты лучше этого.

– Я не понимаю...

– Понимаешь. И я, и мисс Хидден – мы это знаем.

– Что? Как? – встревоженно удивился Амос. – Ты в школе всего пару часов – откуда ты знаешь про мисс Хидден?

– Амос, не задавай глупых вопросов.

– А-а, – помедлив пару секунд, понял мальчик. – Да, точно, руководство и ознакомление с преподавательским коллективом. Но... Она преподаёт исключительно в нашей Лиге, Лиге Магистров, а это означает, что...

– Да, Амос, я поступила в вашу Лигу. Ты все правильно понял, – подтвердила тепло Мишель.

– Но как? Почему? – удивился Амос.

– Как? Очень просто: мне кажется, моих знаний вполне хватило, чтобы поразить, как они сказали сами, всю избирательную комиссию. Почему? Да, могло бы казаться, что я выберу Лигу Просвещения, как мой отец, но – нет; я хотела, конечно, оказаться и в Лиге Искусств, но... – по её лицу пробежала печаль, – но я нужнее здесь. Может, ты ещё не знаешь всего, что скрыто за рамками дозволенного, но я знаю, и потому мне необходимо быть здесь, – пояснила ми-

молетно она.

– Что? Что мне не известно? – настороженно спросил Амос.

– Хм, – она вновь неподдельно улыбнулась, – сейчас это не так важно. Лучше пройдемся вон к тому фонтану: я хочу посмотреть на отражение фонарей в его воде, – и, шумя подолом платья, побежала вдоль площади.

– Мишель!.. – Амос хотел понять, о чем она говорила, но понял лишь то, что она ему об этом не расскажет; пока что не расскажет.

Девочка подбежала к высокому фонтану в самом центре площади и присела на краешек мраморного гиганта. Ей не было важно, в каком состоянии будет позже её серое школьное платье, украшенное маленькими звёздочками, и её темно-бардовая мантия, сшитая на заказ, потому она спокойно двигалась по ещё не почищенной, но уже знатно запыленной поверхности светлого камня и восхищалась рябью ночной воды. Прибежавший через пару секунд Амос впал в ступор: никто ранее в этой школе не приближался так близко к этому «вечно грязному нагромождению», как думал он сам.

– Мишель, почему ты здесь сидишь? Ведь тут... ну, наверное, нечисто, – застыл от удивления мальчик.

– Потому что это не главное, – поучительно ответила Мишель. – Мою одежду всегда можно обработать специальным раствором, и она засияет лучше прежнего, или вовсе купить новую, если будет желание. Но вот заново посидеть на этом

фонтане в столь чудный миг, именно в этот миг, не получиться уже никогда. Я стараюсь правильно расставлять приоритеты, как сказал бы твой отец.

– Что? – Амос вновь удивился. – Так, ладно, вряд ли ты мне что-либо объяснишь, поэтому, может быть, поговорим о чем-то? – пытаюсь найти нить общения говорил он.

– Присядь, – Мишель плавно указала рукой на место подле неё.

– Но тут... – Амос снова хотел сказать, что здесь «нечисто», но девочка однозначно повела бровью, и он решил присесть.

– Ты должен понять, что не все, чему тебя учили, есть правильно. Иногда бывает, что и взрослые ошибаются... Смотри, как красиво! – она указала на звёздное небо Лэндсдрима, которое сияло необычайным нежно-розовым цветом, придавая всему земному оттенок тепла.

Амос был растерян. Ему хотелось поговорить с ней и обсудить все, что она недосказала, но он знал, что ей это не нужно, и потому молча наблюдал за созвездиями.

Прошло десять, потом двадцать, после ещё тридцать минут – уже час они сидели на улице в полной тишине. Мишель плавно водила рукой по водной глади и наслаждалась каждым мгновением. Но такого нельзя было сказать про Амоса: он вертелся, смотрел по сторонам, вздыхал и, в конце концов, просто встал и начал медленно расхаживать по кругу.

– Тебе не хватает сил быть кем-то другим? – с умилением

спросила девочка.

– Что? Нет. Я думаю, что нам стоит отправляться вовнутрь, иначе руководители будут крайне не рады, что мы в столь поздний час сидим здесь без дела.

–... без дела, – повторила она.

– Да, месье Николас Викторович довольно-таки пунктуальный и вспыльчивый... – толковал Амос.

– Почему? – прервала его девочка.

– Что почему? – обескураженный вопросом спросил Амос.

– Почему он такой? – вежливо дополнил свой вопрос Мишель.

– Ну... Я не знаю, может быть... Да я не знаю, – и он развёл руками.

– Хм, печально, – заключила она. – Но видно не судьба нам поговорить чуть дольше.

– Почему? – с непониманием повторил недавний вопрос своей знакомой Амос.

– Потому что ваш и мой руководитель будут за твоей спиной уже через три, два, один...

– Мистер Эбейсс! – начал грозно из неоткуда появившийся Николас Викторович. – Как вы можете так беспрестанно нарушать устав школы! Уже девятый час ночи, а вы тут с молодой мисс О'Роуз разгуливаете по главной площади, да ещё и не пойми в каком виде! – мужчина указал на пятна по всему повседневному костюму Амоса, который он успел

переодеть после фехтования.

– Прошу прощения, месье Николас Викторович, сейчас же удалимся, – твёрдо заверил его Эбейсс.

– Какое удалимся! – вспыхнул тот. – Вы, мистер, отправитесь к директору писать объяснительную, поскольку, помимо комендантского часа, вы не явились на исправительные занятия, назначенные вам за дурное поведение в первый же день! – поднятым пальцем разгневанный руководитель, казалось, мог бы дотянуться до самого небосклона, и, увидев это, Мишель невольно заулыбалась.

– Мисс О'Роуз, а я смотрю вам смешны мои слова?!

– Месье Николас Викторович, прошу прощения, – остановив идущего на девочку преподавателя, сказала мисс Хидден, – но это моя подопечная, и я сама установлю ей соответствующее наказание, – она была в хорошем расположении духа, хоть её и не радовал проступок учеников.

– Но! – месье Николас хотел что-то ответить, но, поняв, что женщина была права, остановился. – Хорошо, на ваше усмотрение, мисс, – и шепеляво протянул последние слова.

– Благодарю, месье, – она учтиво кивнула головой. – Мишель, пойдём в корпус: нам есть с тобой о чем поговорить.

– Хорошо, мисс Хидден, – мастер положила руку на спину девочки, и они отправились во внутрь школы. – До встречи, Амос. Прощайте, месье Николас Викторович, – сказала девочка, сделав лёгкий реверанс.

– Прощайте, – угрюмо ответил Амос и направился вслед

за руководителем.

– Ах, с этим ребенком будет столько проблем, столько проблем! – в течение всего пути возмущался месье. – И как комиссия могла? Как могла пропустить? Она же все должна понимать, эх! Придумали же это равноправие!

Мальчик толком не понимал, что имел в виду Николас Викторович, но точно знал, что тот был рассержен невероятно и что ему, Амосу, «попадёт за такую выходку» и от директора, и, что самое главное, от отца, от грозного Авраама Эбейсса.

Глава седьмая

По истечении пятинедельного наказания, большей своей частью напоминающее фильм про выживание в закрытой комнате наедине со своими страхами и включающее в себя исключительно учебные занятия на столь высоком уровне, что не все семикурсники смогли бы понять хоть что-то в выданных для индивидуального изучения пособиях, Амос Эбейсс ранним утром возвращался в свой корпус. Ему было неприятно все, что блестело или чрезмерно светило, как та единственная ослепляющая лампа над письменным столом во времена «заключения», все, что хоть как-то напоминало тот уголок в шесть квадратных метров, выделенные мальчику в одной из отдалённых и глухих частей школы по просьбе самого Авраама Эбейсса.

Мужчина, выйдя с сыном на 3D-проецируемую конференцию, которая оказалась вынужденной из-за уведомления директора, не отобразил ни одного жеста раздражения и не сказал ни одного грубого слова – он слушал, в нужных местах учтиво кивал головой, также при необходимости вздыхал или создавал недовольную гримасу. К мальчику даже успела прийти надежда, что, может быть, он не будет так строг и сжалится, ведь проступок не так и велик; но – нет. Выслушав пылкий, надменный рассказа Николаса Викторovichа, Авраама Эбейсс без тени сомнения выбрал максималь-

ный уровень наказания в таких ситуациях, и вместо недели или двух Амос был взаперти все пять, и вместо возможного общения хоть с какими-то людьми, он получал еду и вещи первой необходимости от неизвестной руки через небольшое окошечко в двери. «Хоть освещение бы получше сделали, поравномернее,» – сказал как-то мальчик, не поняв сперва, что лежало на подносе: его штаны или порция подозрительной каши, коей кормили раз в три дня.

За те сутки, которые он отсидел в маленьком, неудобном и скудно обставленном помещении (там умещались стул, стол, кровать и крохотный шкаф с книгами и его вещами; рядом со столом была дверь в миниатюрную ванную комнату), занимаясь лишь углублением в наиважнейшие, по мнению его отца, дисциплины, Амос воистину обрёл гору знаний, но притом перестал улыбаться.

Он ритмично шёл по длинным коридорам, на стенах которых висели умело созданные миниатюры неких значимых событий, на полах которых расстилались алые с позолотой ковры и потолки которых были увенчаны искусно созданной лепниной с полосами отборного красного шёлка; он шёл и не замечал даже скульптур, коими некогда ещё любовался. Взять учебники, портфель, записной экран, ставший неотъемлемой частью его работы над собой, и одну проектирующую символы ручку – это то единственное, что интересовало его сейчас. Никаких друзей, никаких развлечений, никаких проступков – исключительно образование, исключи-

тельно оттачивание мастерства. Что было ранее – сущая безделица, что происходит сейчас – не имеющий значения момент его никчёмной жизни, который приходится преодолевать, но будущее казалось ему именно тем лучшим вариантом существования, кое прочили ему окружающие прокристианцы.

Да, именно так думал Амос Эбейсс, приближаясь к комнате №223, и как же он ошибался!

– О, ты вернулся! Мы так рады, – восклицал встретивший его с распростертыми объятиями Раф.

– Здравствуй, Серафим, не стоит: я тороплюсь, – спокойно отвечал Амос, уклонившись от прикосновений мальчика.

– Амос? – Ренат вышел из гардеробной в то мгновение, когда юный Эбейсс, уже быстро собравшись, направлялся к выходу.

– И ты Ренат, здравствуй, и до свидания, – сказал Амос и вышел прочь, оставив ребят в удивлении.

Он отправился на занятия, после – на тренировки, ни с кем не заводил разговоров, только слушал и записывал, старался не наткнуться случайно на первый курс и успешно вернулся к вечеру назад, в корпус, молча переоделся, сделал уроки, предварительно включив на письменном столе шумоизоляционный слой, и лёг спать. Завтра повторилось все то же самое. И послезавтра, и через месяц, и через три. Амос учился, ел, спал, и все по кругу. Коротко отвечал на вопросы соседей, а когда же они говорили, что Мишель интересуется

его состоянием, он вообще уходил в отдельное крыло, где каждому учащемуся выделялась небольшая комнатка для уединенных занятий, если же в своём корпусе были какие-либо неудобства. Отчего так происходило, никто толком не понимал, возможно, даже сам Амос. Остыв, он много думал, много ходил, но не говорил: одна мысль о том, что тишина разрушится, раздражала его, и он просто проживал день за днем, заполняя время книгами. Никто не понимал его поведения, но один человек все же догадывался.

Ещё с того дня, как Мишель встретила Амоса в лесу, она считала его своим другом, непутевым и неумелым, но другом. И в тот момент, когда ее друг отправился в заключение на несколько недель, а она сама получила лишь предупреждение, Мишель поняла, насколько ей жаль этого мальчика и как ей жаль, во что его превращают! Будь она постарше, возможно, ей бы удалось вызволить Амоса прошением в приёмную комиссию, регулировавшую дела о наказаниях учащихся, но – нет, Мишель была ещё слишком мала, чтобы хоть кто-то дал ей возможность решать взрослые вопросы. Она поняла, что ждать будет разумнее всего, а после – поговорит с мальчиком. Ей хотелось верить, что не так ужасна та система, в которую её и его вогнали, но вновь – нет: система оказалось именно такой, какой её описывал отец Мишель, равнодушной и выжимающей все соки. Она поняла это ещё в то утро, когда Амос ритмично шагал в свой корпус, увидев,

что для него исчезло что-то важное, увидев, как он безразличен к красоте.

В течение трех месяцев Мишель узнавала о его настроении и самочувствии от Рафа и Рената, с которыми успела подружиться, и была крайне рада, когда ей сказали, что он, Амос, порой застывает у окна и смотрит на главную площадь, вроде как, слегка улыбаясь, в последние дни. «А может, я ошибалась, делая выводы о нем...» – подумала Мишель, когда ребята сообщили ей эту новость.

В тот вечер стоял сильный мороз, и все вокруг покрылось снегом.

Ближе к полуночи, выбившись из последних сил после многочасового прочтения двух томов о Высшей управленческой деятельности и мониторингу, Амос медленно вышел из комнаты-одиночки и, слегка покачиваясь, направился в свой корпус. Было темно. Кое-где освещали коридоры зажженные лампы. По стене перебегали тени от качавшихся кустарников. Стояла мертвая тишина, и Амос остановился вместе с ней, глядя на занесенные белой пеленой поля.

– Этот мир красив, – быстро проговорил девичий голос.

– А-а-а! – Амос испуганно отскочил от подоконника и обернулся в ту сторону, откуда исходил звук; там стояла тепло одетая Мишель. – Мишель! – наполовину гневно, наполовину растерянно крикнул мальчик. – Что?.. Как?..

– Ах, Амми, к чему одни и те же вопросы? Ты же сам зна-

ешь, если я захочу с тобой встретиться, я обязательно найду способ, – она говорила тихо, но звонко, все также искренне улыбаясь. – Нам нужно прогуляться, прошу за мной, – девочка направилась вдоль по коридору, но Амос не пошёл за ней.

– Я имею желание отклонить ваше прошение, потому, пользуясь случаем, удаляюсь к себе в корпус, – он оправил костюм, взял свой упавший при испуге дипломат и торопливо обогнул Мишель, собираясь свернуть за угол, но девочка остановила его.

– Прекрати от меня бегать! – крикнула она, чтобы точно привлечь его внимание. – Ты поступаешь опрометчиво и глупо!

Амос остановился, повернулся и быстрыми шагом направился к ней.

– А ты, считая себя самой умной, думаешь, что все понимаешь, но это не так! – обозленно шипел он. – Ты и понятия не имеешь, каково мне! Так что не мешай. Не порть мне жизнь. Просто уходи и больше не приходи ко мне никогда.

– Никогда, значит? – робко переспросила она.

– Никогда.

– Ты... – Мишель раздосадовано покачала головой. – Амос, ты не заложник их влияния. Ты не должен закрываться от меня, от ребят. Ты можешь поговорить с нами, если тебя что-то тревожит. Говорить – значит взаимодействовать, а это – крайне важно, – девочка попыталась подойти к нему,

но Амос оттолкнул ее.

– Прекрати! Прекрати вуалировать! – закричал он. – Я не... Да к черту! Я не понимаю, что ты говоришь, не понимаю, – мальчик остановился, присел у стены, и у него покапались слезы из глаз. – Я уже ничего не понимаю... Ты! – он тыкнул в неё указательным пальцем. – Ты вечно придёшь, вечно испортишь мою обычную жизнь. Зачем?! Зачем ты рушишь то, к чему я так упорно привыкаю? Из-за тебя я не понимаю, я не понимаю, что истинно, а что ложно, я не понимаю, что должен делать, а что – нет. Мне никто об это не рассказал! Ни единая душа не рассказала мне о том, как я должен жить и во что я должен верить... Вот кому я должен верить, Мишель? Я не понимаю! Они учили меня куче ненужных языков, дисциплин, но не учили тому, как я должен жить, как я должен заводить друзей, что я должен говорить им, как помогать, чем помогать... Они учили и учат меня контролю над другими, но не учат, как я должен контролировать себя, как вести, как сдерживать все то, что может ранить других людей... Я уже ничего не понимаю, Мишель... – девочка аккуратно присела к нему, укрыла своей курточкой и обняла: по его щекам все также текли слезы.

– Знаешь, – нежно обратилась она к мальчику, – я тоже порой сомневаюсь в своих идеалах, тоже порой от этого плачу. Плакать – хорошо: ничто так не освобождает дух и не облегчает сердце, как слезы. Считаю, – она весело ухмыльнулась, – мы выжимаем из себя всю «грязную воду» и стано-

вимость чистыми, как только что купленные губочки для мытья посуды – забавно же! А если ты не знаешь, кому верить, – она лучезарно улыбнулась, посмотрев на Амоса, и ему в тот момент показалось, что в ней светится всё, даже ярко-голубые, как у него, глаза, – верь мне. Я всегда буду тебе хорошим другом, если ты, конечно, хочешь.

– Да, спасибо, Мишель... – неторопливо произнес Амос. – Я хочу, чтобы ты была моим другом, – подтвердил мальчик, встал, подал ей куртку и взял свой дипломат. – Ты, вроде бы, звала меня куда-то, а я тут... отвлек тебя, – робко прошептал он.

– Ахах, – весело прозвенела девочка в ответ, – да, пойдём, но сначала захватим твою верхнюю одежду, а то по пути можешь замёрзнуть.

– Мы идём на улицу? – настороженно поинтересовался Амос. – В первом часу ночи?

– Именно так! – Мишель резво схватила его за руку, и они, не оглядываясь, помчались по коридору куда-то вдаль.

Защелка издала пронзительный скрежет – ворота открылись. В широком углублении трех холмов просиял Естественно-научный комплекс. Он был громаден и включал в себя несколько десятков небольших зданий для всевозможных опытов и испытаний, теплиц с неизвестными растениями, складов и большого парка с недавно замерзшим озером.

– Нам туда, – Мишель указала рукой на белоснежный во-

доём.

– Ты же помнишь, что было в последний раз, когда мы задержались? – тревожно спросил Амос, сомневаюсь в правильности своего поступка.

– Не переживай. Сегодня ночь, и все спят, – уверенно говорила девочка.

– Но как же система наблюдения? Обычно над школой и всеми комплексами кружат дроны... – протяжно размышлял вслух мальчик.

– Амос, – окликнула его Мишель, – я же говорю: сейчас ночь, и все спят. А камеры внешнего наблюдения сконцентрированы по периметру школьной территории до пяти часов утра, как раз до того времени, когда просыпается учительский состав. Перестань волноваться, и пошли уже – я покажу одну очень интересную вещьцу.

Мальчик глубоко вздохнул, но все же последовал за ней.

– Если отец снова узнает, то, боюсь... – предположил он.

– Не бойся, в этот раз я тебя защищу, – девочка по-дружески ударила Амоса в плечо.

– Ау, это забавно, но не солидно, Мишель, да и не особо приятно, – мальчик слегка нахмурился, хотя и знал, что не сможет держать «свой недовольный вид» долго.

– Ладно тебе, не пытайся от меня что-то скрывать или притворяться в моем присутствии: ты же понимаешь, что я всегда узнаю правду, – перестань хмуриться. Тебе это не идёт, – она ласково посмотрела на него.

– Ну хорошо, хорошо, больше не буду – обещаю, – он улыбнулся и слегка толкнул Мишель вбок.

– Ага-а, Амос Авраам Эбейсс, да вы лицемер! Не солидно, не солидно, а сами ударили милую и юную леди, меня, – она скорчила недовольную гримасу и тотчас же рассмеялась.

– Да ну тебя, – махнул рукой мальчик, – но за лицемера вот тебе! – и кинул в неё снежком.

– Ах, Вы так, то всё – вы проиграете! – слепив немедля плотный комок снега, Мишель ответила ему тем же.

Началась перестрелка. Дети играли. В просторном и непостижимом мирке Научного комплекса разливался их смех и радостные возгласы.

– Если ты думаешь, что я тебя не вижу, то ты ошибаешься, – держа в руке очередной снежок и готовясь его запустить, Амос медленно подкрадывался к Мишель, которая наполовину выглядывала из-за высоких стальных баков. – Ага! – мальчик собирался кинуть в неё комок, но, увидев, что она возится с чем-то на поверхности одного из баков, решил остановиться. – Что это? – поинтересовался он.

– Это то, за чем мы сюда пришли, – Мишель стояла неподвижно и водила рукой по сенсорной панели, подбирая какие-то комбинации и заходя в настройки.

– Мы грабим школу? – с недоумением спросил Амос.

– Ах-ха-х, нет, Амос, – пояснила девочка, – мы, а точнее я, пытаюсь кое-чем воспользоваться, но для начала нужно взломать вход доступа в виде первичного кода или шифра –

не знаю, – она упорно продолжала подбирать цифры.

– Первичного? Значит, их здесь несколько? – уточнила Амос.

– Да, всего три. Два у меня есть; один надо разгадать.

– Откуда у тебя две комбинации дешифрования одной из школьных систем? – с изумлением и непониманием прозвучал вопрос Амоса.

– У меня есть одна знакомая, у которой есть знакомая из их лиги, – Мишель провела рукой вокруг, тем самым подразумеваю под своим ответом лигу Просвещения, – но курсом повыше. Она порой даёт мне нужную информацию... – Амос перебил её.

– Что она тебе даёте?

– Информацию, неважно зачем; просто дослушай, – попросила серьезно девочка. – Так вот, она мне дала пару кодов на некоторые объекты в этом комплексе, так как ты знаешь, что все оборудование зашифровано и входят либо по уникальным картам, кои только имеются у преподавателей этой лиги, либо по комбинациям. К сожалению, той девочки не удалось распознать первый код, но зато удалось остальные два. Поэтому мы останемся со своими частями тела, пока пробуем некоторые способы открыть доступ к остальным паролям.

– Что? Почему ты сказала про части тела? – взволнованно переспросил Амос.

– Оттого, что третий код – взрывоопасный.

Глаза мальчика расширились до размера галактики.

– Я конечно, читал, что здесь стоит особая программа, но там не говорилось, что настолько... – медленно отходя назад, говорил он.

– О, если ты читал, то, может быть, сможешь дешифровать первый код? – просто предложила Мишель.

– Ну, я могу попробовать, – судорожно сглотнув, согласился Амос, – но неточно, что что-то выйдет... – мальчик подошёл к панели, повернул конус в углу, зажала несколько цифр, после – столько же букв и выдавил конус вовнутрь отверстия, где располагалась фигура.

Прозвучало негромкое шиканье – код был подобран правильно.

– О, Амос, какой ты молодец, – Мишель радостно обняла мальчика, и тот неожиданно для себя засмутился. – Как ты это сделал? – спросила радостна она.

– Ну, пока я был в заключении, у меня было много времени: настолько много, что я успел прочитывать все принесенные для меня книги. Мне стало скучно, и я решил посмотреть, что лежит ещё в тумбочке – оказалось, там была книга про школьное шифрование и вынужденную деактивация некоторых объектов.

– Хм, у тебя не осталось этой книги при себе? – заинтересовано спросила Мишель.

– Нет, а что? – по обыкновению поинтересовался Амос в ответ.

– Да так, неважно, – она быстро переметнулась от своих размышлений к панели бака и в мгновение ока ввела ещё два кода.

Прозвучало ещё два шиканья, экран погас и крышка отворилась.

– Там же ничего запрещённого? – чуть-чуть испуганно решил узнать мальчик.

– Ну, как сказать... Отчасти запрещено, но от другой части – нет, – она хотела открыть, но Амос её задержал.

– Может, тогда не стоит? Может, это все не стоит того, что там, внутри?

– Ах-ха-х, нет, Амос, это того стоит, – она убрала его руку от крышки и с замиранием сердца подняла её.

– Что это, Мишель? – с каменным лицом спросил Амос.

– Ну разве не видишь? Мармелад, – перед их глазами открылось несколько сотен килограмм жевательных, на взгляд, мишек.

– Ты сейчас серьёзно? – все с тем же недоумением продолжил Амос. – И за этим мы сюда пришли? Из-за этого мы нарушили десяток школьных правил? Мы действительно не могли поесть его в столовой? – разочаровано заключил он. – Я иду назад.

– Амос, – все с той же нежной улыбкой остановила его Мишель, – научись мне доверять, – и посмотрела ему в глаза. – Верь мне, и я буду верна тебе, – они молча глядели друг на друга.

– Хорошо, – спустя минуту молчания согласился он, – я тебе верю и полностью доверяю, но главное – не расстраивай меня: я этого очень хочу, – мальчик едва улыбнулся и подошёл к Мишель.

– Не переживай, я все делаю во благо людей, – девочка искренне улыбнулась и взяла в руку горсть мармеладок. – Доставай пакетик, – сказала после она.

– Зачем? – он хотел получить ответ, но по укоризненному взгляду девочки понял, что затея плохая. – Хорошо, вот два твоих, а вот два моих, – подал он ей желанное. – Скажешь, хотя быть, зачем четыре?

– Видишь, мишки двух цветов? – объясняла Мишель. – Нам нужно их распределить по разным пакетам: красные кладем в один, голубые – в другой. Всё понятно?

– Нет, но надеюсь станет понятнее после.

Минут десять они раскладывали мармеладки по цветам в свои пакеты. Амос путался порой и нервничал, но, взглянув на Мишель, каждый раз успокаивался и твердил себе, что так надо. В тот момент, когда мишки почти выпадали из своего места пребывания, девочка остановила его и сказала, что им хватит.

– Что дальше? – спросил Амос.

– Теперь идём к озеру.

– Заче... Да, неважно, пойдём, – мальчика ещё волновало то, чем они тут занимаются и почему Мишель это скрывает, но он решил, что сейчас стоит ей довериться.

– Доставай красные мармеладки, – по прибытию прошептала Мишель.

– А почему так тихо? – шёпотом поинтересовался Амос и показал свою готовность.

– На раз, два, три выбрасывай на лёд всех мишек и желательнo как можно дальше, а потом ложись, – она кивнула мальчику и начала отсчёт. – Раз, два, три!

Несколько сотен мармеладных красных мишек выпало на белоснежный покров озера, и вдруг прозвучал ряд громких взрывов. Амос испуганно бросился в снег, ожидая, что Мишель последует за ним, но та оставалась смотреть на взрывы и на нечто невообразимое.

После чреды огненных всплесков озеро начало таять, с берегов сошёл снег, но не просто сошёл – снег исчез, вовсе его тут и не бывало, а в радиусе пары метров проросла трава и зацвели магнолии, кругом повеяло теплом и заражающим ароматом весны.

– Как это? – вставая с земли, с любопытством спрашивал мальчик, увидев, как в мгновение все изменилось.

– Магия науки, Амос, ничего обычного, – гладко промолвила Мишель и спросила: – Прекрасно, неправда ли?

– Чудесно, – мальчик не мог оторвать глаз от ослепительной красоты пейзажа, выросшего перед ним. – Спасибо, Мишель, это то, что мне было необходимо, – Амос хотел подать ей руку, но девочка остановила его.

– Нет, Амос, это еще не то, что тебе нужно, подожди чуть-

чуть, – она с ослепительной улыбкой под светом звёзд лёгким движением вынула из своего портфеля несколько штук лавгуд, коих ранее уже видывал Амос, и два кулона на тонких, практических не заметных ниточках. – Не думай, что они гибкие, несмотря на свой вид они довольно-таки упругие и удобные. На, – она подала один Амосу, – надевай, – и они надели их одновременно.

– Оно, конечно, красивое, но к чему оно? – решил осведомиться мальчик.

– Опустить верхнюю часть пирамиды вниз, вот так вот, – одним движением Мишель показала, как следует это сделать; Амос повторил, и тут же по их телам растянулись сверхновые водолазные костюмы с нейлоновой прошивкой высшего качества.

– Что, мы будем плавать? – опомнившись уточнил Амос.

– Скорее серфить – лови, – девочка ловко кинула ему пакет с синими мармеладками.

– И как нам помогут в этом мишки? Мишки, Мишель? – он смотрел на неё не столько с удивлением, сколько с душевной иронией.

– Ах, да, это непросто еда, точнее это даже не еда – ни в каком случае не ешь их, – предупредила девочка. – Это модифицированные и укомплектованные разработки местных учеников, которые введены для обучения. Но не будем углубляться в подробности – я тебе просто покажу, как они работают и почему твой желудок разорвёт, если ты попробуешь

их на вкус, – девочка достала пару мишек и бросила их в воду.

В тот же момент где-то в глубине нечто неподвластное забурлило, запенилось, и мигом под самое небо устремилась высоченная струя, обхватом в четыре руки. Она была не переставая, словно на дне неожиданно проснулся вулкан, решивший испробовать свои силы, покоившиеся годами. Но вода не обжигала, даже наоборот – всей своей сущностью бодрила и заряжала коснувшегося её неведанной энергией – дотронувшись до поверхности водяного столба, Амос чуть ли не попал в объятия той мощи, исходящей из недр озера. Чтобы с ним стало, если бы Мишель вовремя не схватила его за руку? Он бы был уже посреди водоёма совсем один, не умея плавать.

Девочка покачала головой, не решившись ругать друга за столько опрометчивый поступок, дала ему ещё три непонятных маленьких блока, объяснив заранее, что они руководят передвижением струй, вызванных «мармеладным взрывом», и вступила в самую середину водяного столба. Мальчик сначала испугался за неё и хотел что-то да предпринять, но, вспомнив, что должен доверять ей, остановился. И правильно: прикреплённое на запястья и копчик координирующее оборудование сработало отлично, и Мишель, было видно, умела владеть им в превосходстве. Она поднималась, разгонялась и падала. Вновь разгонялась, раскидывала оставшийся мармелад и прыгала в новые и новые, созданные ею же во-

дяные петли. Бабочка, кот, жираф, анибиры – все было подвластно её мастерству; она не плыла – она парила с цветка на цветок, с потока на другой поток, а Амос лишь молча поражался её таланту; но не долго. Спустя пару минут наглядного обучения Мишель пришла забрать его для практического. Он отнекивался, говорил, что и лёжа-то плохо плавает, а тут сразу стоя! Да ещё и как! Он говорил, что может лишь попробовать что-то простое, несвязное, наподобие круга. Но Мишель была неумолима. Она вытащила шатавшегося мальчика чуть ли не на середину озера, показала более лёгкие трюки и взаправду заставила его их повторить. Амос порой пугался, едва ли не падал (блоки не позволяли носителю упасть и держали его, несмотря на всю корявость движений) и даже ругался на все, что попадалось под руку, за исключением Мишель: ей он лишь улыбался. Через несчитанное количество попытки ему все же удалось повторить круг, квадрат, облачко, а потом и цветок с неравномерным и толстым котом. Девочка от души забавлялась с неаккуратными рисунками друга, стараясь «не портить» их своей идеальностью, а мальчик в это время радовался тому, что он здесь со своим лучшим товарищем и так свободен и счастлив, как, наверное, никогда и не был ещё.

Ночь была тихая, спокойная, местами тёплая. Дети играли, радовались, плавали и бегали по воде, устраивая необычные представления друг другу. Но всему хорошему зачастую приходит конец, так и веселье наших друзей пришлось окон-

читать: на часах Амоса прозвенел будильник.

– Мишель, Мишель! – окрикнул он девочку. – Нам пора! Уже 4:35 – скоро прилетят дроны, а нам надо ещё собраться и вернуться в корпуса!

Она отозвалась и, убедившись в правильности его слов, спустилась на берег. Амос отдал ей все снаряжение и проверил баки в то время, как Мишель возилась с какой-то коробочкой – они были плотно закрыты.

– Что ты делаешь? – полюбопытствовал он.

– Если мы не хотим быть рассекреченными, то нам стоит закинуть антираствор в воду, однако он этого не хочет, – её лицо искривилось от безуспешных попыток открыть небольшую коробочку. – Наверное, заело, – уточнила она.

– Давай я, – предложив помощь, Амос в одно мгновение поднял часть коробочки вверх, тем самым раздели её напополам. – Вот, её просто закинуть? – уточнил он.

– Да, просто закинь, – с довольной улыбкой сказала Мишель.

Закончив дела на побережье, они уставшие отправились в школу. Им не нужно было сушиться, ибо костюм закрывал почти все тело, включая волосы, и не нужно было отогреваться, ибо он контролировал и температуру внутри. Потому дети после недолгого прощания, быстро добравшись до своих комнат и кроватей, тут же рухнули спать. Их обоих поглотил красочный мир сновидений.

Глава восьмая

Проснувшись от говора будильника по типу: «Пора вставать! Шесть часов тридцать минут! Пора вставать!..» – Амос вяло и без обычного энтузиазма встал с кровати: его ночные прогулки дали о себе знать. Руки под тяжестью бессонной ночи совсем обессилили и не хотели слушаться, в голове шумело, глаза резал свет от вышедшего недавно солнца. За что такие мучения посетили Амоса, он понимал, но все же раздражался при каждом лишнем шорохе из вне. Ренат и Рафныне привычно думали не задавать ему вопросов и не пытаться завести разговор, сохраняя его покой и помня, что им, скорее всего, не ответят. Но в тот момент они были приятно удивлены: Амос сам начал диалог. Спросил о их самочувствии, преодолевая свое неудобство, узнал, чем они планируют заниматься в течение дня, полюбопытствовал, как протекало их общение в дни без него и, в конце поразив друзей, предложил им вместе провести время на свежем воздухе или же, если им удобнее, тут, в комнате или корпусе, между тем коряво извинялся за свой необдуманный поступок оставить их «без совсем глупого и отчасти ненужного друга». Ребята были крайне рады, что Амос не только вышел из того странного, но, впрочем, объяснимого состояния, но и сам охотно (видно, что естественно) желал восстановить с ними контакт и их дружеские отношения.

Несмотря на все пройденные недопонимания и конфликты, в тот час окончательно был заложен фундамент большой дружбы, ставшей теперь воистину настоящей. Мальчишки проводили огромную часть времени в общении друг с другом, играли на всевозможных гаджетах и бумажных полях, изучали свой и чужие комплексы, создавали какие-то невероятные планы по освобождению от цепей стереотипов и делились частичками прошлого и недавно прошедшего. Надо заметить и то, что Амос с Ренатом все же поговорили на ту не особо приятную для них обоих тему – тему их семей.

Дело было одним облачным утром выходного дня, пару месяцев спустя после «воссоединения» троицы, как окрестили их сближение Раф (к слову говоря, мальчик отсутствовал при этом диалоге: он находился на санаторных лечени-ях где-то в другом крыле школы). Тогда-то, наедине, Амос решил, что стоит обсудить их дружбу с Ренатом. Он подошёл к нему, спросил о его настроении, самочувствии и, получив положительный ответ, начал недлинную, но информативную речь, где объяснял свое поведение в первые годы и то, отчего ему так хотелось поддержать Рафа (он говорил: «У меня никогда не было брата или сестры, но я чувствовал тоже, что и он тогда: дикое предательство со стороны родителей, которых – и он, и я – когда-то уважали...» – и многое-многое другое), он рассказал, что пытался утаить свои эмоции, спрятать чувства, чтобы спастись от той боли, кото-

рая могла бы прийти из-за известных на то обстоятельств, описал свое негодование по поводу выбора перед принятием в школу и по тому, что в тот день отсутствовала ещё одна лига, лига Рената, но удержался, чтоб не сообщить, что тогда он ничего не почувствовал, хоть и должен был. Друг слушал его внимательно, порой пытался прервать, но останавливался. Амос говорил ему, что не знал долгое время о попытках своего отца запретить обучение в Лиге Искусств, и не знал, что предпринимались пару лет назад насильственные меры, что ему никто не рассказывал о всех секретах великого Авраама Эбейсса, но после поступления в школу он, Амос, сам решил разобраться во всем и понять, кем был для него тот высокий черноволосый мужчина на самом деле. Под конец мальчик извинился за развратное могущество своего отца и замолчал в ожидании приговора. Ренат вдумчиво внимал всем словам друга, думал над ответами, порой горячился, но все же пришёл к выводу, что тот с ним абсолютно искренен, и с душевным теплом предложил начать дружить по-настоящему, а не фальшиво и наигранно, как бывало до этого. На том и сошлись.

Проходили года – ребята выросли, менялись, обучались с невероятной силой, но оставались всегда вместе, почти всегда. С того самого (после утвердившегося как ежемесячного) заплыва в Естественно-научном комплексе Амос каждый день, хотя быть пару часов, проводил с Мишель. Бегая же по школе в поисках новых интересных книг или же расхаживая

в полночь по аллеям, «представляя свой гардероб» на оценивание второму (сия необычное развлечение Мишель внесла после того, как обнаружила кучи неиспользуемой одежды в своём шкафу и невероятно красивой листвы во дворах) – все равно, главное, чтобы чуть-чуть было время на восхищение ее неиссякаемым источником идей, который неумолимо бьет со всей силы и попадает метко в цель. Да, она поражала его до кончиков пальцев, вся, и все в ней его удивляло, вводило в глубокое непонимание. «Она так мала, но так умна... Непревзойденно!» – думал часто он, глядя, как эта хрупкая пушинка, взламывает сложнейшее шифрование и разгадывает какую-то непонятную его мозгу систему, о которой ей не хотелось рассказывать, да и он не хотел её спрашивать – лишь бы любоваться! Они были везде и всюду, даже там, где Амос не был с Рафом и Ренатом. Они были счастливы вместе все эти семь долгих лет.

Да, семь лет безудержного веселья и долгой работы над собой. Что только не пережили эти двое, а иногда и четверо! Горы, горы учебной литературы, пособия по наращиванию мастерства (да и не одного!), занятия, тренировки, постоянный режим, редкие расставания на каникулы и уйма проведённого вместе времени – все это было у них уже.

К тому моменту, как Амосу минуло шестнадцать, и он из милого маленького мальчика превратился во взрослого красивого юношу-выпускника, эти ребята – вместе и по отдельности – натворили кучу дел, иногда, а если честно – почти

всегда, выходящих за рамки доступного в жестокой системе уставов их учебного заведения. Покорить вчетвером полуночную вершину школы, крепясь на здание суперклеякими костюмами и обтирая объектив сенсорной панели шлема от дождя? Не беда, с лёгкостью! Убежать на край Естественно-научного комплекса и в конфетно-испытательных лесах устроить гонки на пятекрылых пегасах? Без проблем! Одолжить тайно у ремонтной бригады землероющий аппарат, прокопать тоннели и кататься на досках по ним, а потом попасться на месте «преступления», получить выговор, сесть всем вместе в заключение на три месяца, прорыть между комнатами скрытые ото всех ходы и навещать друг друга, играя во что-то интересное? Да что может быть проще для этих интеллигентных сорванцов, которые между тем выдвигали проекты по переоформлению устройства школы самим магистрам прокристианских прав? Да, помимо развлечений и походов за новой дозой знаний, они без устали трудились над расширением прав школьников, подавали петиции, голосовали за новый устав, вместо уже устаревшего, налаживали контакты среди обучающихся в разных лигах, ибо, как было всем известно, лиги соперничали в своём первенстве, спорили о большей значимости своих членов, в отличие от членов других лиг, – нечасто, но порой возникали конфликты, которые с усердием пытались решить ребята.

Главным зачинщиком «борьбы за справедливость и свободное детство» стала Мишель О'Роуз, которая к своим пол-

ным четырнадцатью годам оценивалась всем преподавательским составом как самый одарённый ученик последнего столетия и как самый, к их сожалению, неповторимый человек. Она была добра ко всем и к тому же была безусловно прекрасна. Её насыщенные красные губы, начинающие отдавать кровавым оттенком, пылали, как тысяча закатов, придавая и без того светлому лицу девочки ещё большую белизну, но не мраморную и не предвещающую омертвение, а чистую, лёгкую, с едва заметным румянцем на недавно очертившихся скулах, белизну облаков в солнечный день, белизну вкуснейшего пломбира. Глаза стали ещё краше: на редкость чёрные ресницы удлиннились, точно раскрылись веером, ярко-голубой, цвет прозрачайших рек, сменился на глубинный оттенок мирных океанов и бесспорно шёл ей. Все те же светлейшие волосы не были убраны в косы, как в минувшие годы, теперь они волнистыми прядями спускались чуть ли не до талии, тонкой и изящной; лишь сверху девочка время от времени заплетала маленькие косички, обгибающие голову и под конец образующие небольшой цветок (она следила, чтобы он никогда не распускался, и потому закрепляла его невидимками, зачастую с детской улыбкой говоря: «Роза на Розе» – но тихо, чтобы никто не замечал, чтобы это оставалось её маленьким секретом). Не существовало для неё и того наряда, который не подошёл бы ей – все блистало в рамках линий её тела. Она могла бы носить дорогие вещи, умножающие её превосходство, но предпочла простую школьную

форму, в рамках корпуса надевала лёгкие платья, на трудные, «скалолазные» прогулки – облегающие защитные костюмы (хоть одежда и не была из разряда «лучшая», но все же отличалась интересным покроем: волны на рубашках, рюши, двойные воротники на пиджаках, временами – серые, как и большая часть вещей, эполеты). Впрочем, девушке ни к чему были и эти украшения: красота даровалась ей самой природой – ничто бы её не испортило и не развратило.

С годами Мишель оказалась в числе тех редких, отчасти несчастных людей, которые не были поняты в свое время окружающими: она становилась все сложнее для них. Отчего это происходило? От горы знаний, которые она впускала в себя с удовольствием: ей нравилось совершенствоваться и совершенствовать, с трудом и великим усердием, но это было так. Всё, что только оказывалось возможным, она меняла, делала лучше, даже Ренат, почему-то со временем становящийся все более раздражительным и вспыльчивым, в окружении Мишель был тих и дружелюбен; Раф же, поникнувший с годами и исхудавший, но не переставший быть столь же привлекателен, как Амос или Ренат (только с жемчужным цветом волос вместо чёрного и рыжего соответственно), при ней становился улыбчивее обычного, больше говорил и говорил откровеннее, словно точно знал, что ей можно и нужно доверять беспрекословно. Ребята полюбили Мишель, но не той странной романтической любовью юных лет, а как настоящего, верного друга, как одно из их троицы, но так было

лишь для двоих из них: к шестнадцати годам Амос прекрасно знал, что она именно тот неповторимо хороший человек, с которым он бы не хотел расставаться вовек.

Влюблен ли он – Амос не понимал; он знал, что дорожит ею, как никем другим, но не мог определённо заявить себе или кому-то другому, что в этих чувствах. Он восхищался ею, но не простое ли это было любование красотой, а не прекрасным? Он поражался ей, но не была ли это тайная зависть её успехам и уму? Ему было сложно ответить – он много думал и много метался: ответ точь ускользал от него, как только юноша был на краю успеха. Где правда, а где ложь? Кто ж знает! Мир так бессмысленно странен, что отыскать истину становится невозможно. А отчего он так странен, вновь никто не знает или же не хочет рассказывать, скрывает, оберегая чужое сознание от непостижимой реальности (тот, кто это делает, либо глупец, либо слишком любит тех, кто живёт в этом мире).

Глава девятая

– Неужели это место стало вашим любимым с тех пор, как мы побывали здесь года два назад? – нежным, льющимся как шёлк голосом поинтересовалась Мишель, греясь под тёплыми лучами солнца где-то в начале мая.

– Определённо так, – пригладив свои подвивающиеся, рыжие волосы, подтвердил Ренат, тем самым выражая общую мысль всех присутствующих парней, а их было, как и всегда, трое: он, Амос и Раф.

На девушке был надет светло-серый костюм с звёздной пылью, включающий в себя цвета отборных сливок блузу из едва прозрачной ткани, украшенной тонкой серой бабочкой, и гладко выглаженные брюки с завышенной талией в тон полупрозрачному пиджаку с рукавами в три четверти и запонками на них (за такой вид девушка часто получала выговоры от преподавательского состава ибо, как они говорили, «леди не должна носить столь открытые вещи, а тем более уж штаны, да ещё и зауженные к низу!», хоть и были эти «штаны» делового стиля, просторные и, да, едва суженные внизу). Юноши же были одеты по-разному, за исключением, конечно, все тех же светло-серых брюк, но по мужскому типу, и темно-серых лаковых туфель с красной подошвой (отличительный знак Высшей школы). Раф был в пиджаке привычного цвета, немного приталенном, с платочком в правом

кармане и в белой рубашке с длинным галстуком в клеточку. Амос, в свою очередь, оставил однотипную «накидку» на покрывале, где сидела Мишель, и смотрел на распускающиеся бутоны акаций в рубашке молочного оттенка и сером, в крупную клетчатую разметку, жилете. Ренат вовсе был в одной просторной рубашке с широкими рукавами, заправленной в брюки, как и у всех друзей.

Под пригревающими лучами весеннего солнца ребята разместились на самой красивой поляне, которая раскинулась на десятки метров меж тремя комплексами; они любили отдыхать там.

– Сегодня ночью мы идём куда-нибудь? – прервав недолгое молчание, спросил Раф и повернулся к Мишель.

Она улыбнулась в ответ и перевела взгляд на Амоса, словно вручая ему право лидера на сегодняшнюю прогулку.

– Ах, да, – заметя ожидание друзей, начал он. – Как вы знаете, на протяжении нескольких недель, я изучал структуру и местонахождение подземных туннелей в нашей школе. Минувшим днем я разобрался окончательно. И знаете, что было обнаружено мной? Да, те самые комнаты, где во время наводнений и пожаров укрывались почти что все наши прапра-прадедушки и – бабушки! – с заметно выросшей уверенностью за последние года говорил Амос. – Это именно то, что нам будет интересно узнать! Но... есть проблема, – помедлил он, смотря на взволнованные лица друзей. – Оказывается, все туннели и подземные ходы просматриваются ка-

мерами...

– Черт, – тихо, но слышно выругался Ренат.

– Ренат! – шёпотом упрекнул его Раф.

–... да, они просматриваются, – продолжил Амос, сделав вид, что не заметил того, – но есть вероятность, что за вечер мы с Мишель сможем взломать систему надзора, конечно, так, чтобы руководство школы не заметило этого, и посмотрим, на каких ходах и где меньше всего камер и датчиков движения; безусловно для того, чтобы пройти незаметными, ибо, если нас там поймают и раскроют, что мы взломали шифрование ещё одно, нас с вами могут не допустить к экзаменам до следующего срока сдачи через год, ибо мы будем сидеть под замком, а Мишель могут и вовсе попытаться исключить... Но... Не знаю, в общем, мы с ней постараемся, чтобы все прошло гладко. Итого, выходим в полночь, – заключил быстро юноша.

– Мои мешки под глазами, мистер Эбейсс, скоро будут больше глаз из-за ваших полуночных вылазок, – с усмешкой сказал Ренат.

– Ничего, мистер Нидмистейк, скоро мы попрощаемся с вами и больше не будем беспокоить. Сразу же после Майского бала, – по-дружески толкнув его, Амос печально улыбнулся.

– Не грустите, мы будем учиться недалеко друг от друга – сможем видаться, – попытался подбодрить их Раф, видя, что те отчасти поникли.

– Хах, мы даже не знаем, что там где находится, а ты говоришь «видеться»! – артистично воскликнул рыжеволосый друг.

– Не начинай, Ренат. Ты же знаешь, что после барьера все объяснят – остаётся только надеяться, что нам там понравится или же... – Амос хотел договорить, но Мишель прервала его.

– Вам не понравится.

– Ну, да, или же так. После станет виднее! – закончил он.

Девушка с грустью улыбнулась на его радостное завершение мысли.

– Ренат, вы же сегодня определённо точно составите мне компанию на мастерстве пения? – прогнав печаль, с улыбкой и лёгкой издевкой спросила она, обращаясь к высокому огненноволосому другу с изумрудными глазами и тёмными, едва ли не чёрными бровями, алыми губами.

– Готов поклясться тысячью голов, что сегодня я вас, милейшая мадмуазель, безоговорочно сопровожу на это мной некогда покинутое мастерство, – вдруг приняв вид благородного рыцаря и, припав на одно колено, даря только что сорванную жёлтую розу, проговорил тот.

– Ах-ха-ха, – специально наигранно просмеялась Мишель в ответ. – Буду ждать вас на отправление туда ровно через пятнадцать минут, – и через плечо, по-детски, улыбнулась в сторону Рената, кладя цветок на пиджак возле себя. Амос в тот момент был не то, чтобы удивлён, так как нечто подоб-

ное, с подарками и актёрской игрой бывало часто между Мишель и Ренатом, скорее, раздосадован, огорчён и даже слегка раздражен, но чем и почему – не мог объяснить, потому молча пил воду из дорогой семейной фляги, подаренной ему отцом на прошлый день рождения, и смотрел на них.

Незаметно пролетели внеурочные минуты – прозвенел звонок; все, предварительно собрав свои сумки, отправились на занятия: Амос – на смешанное фехтование, стрельбу и конную езду (усложненный вариант по требованию его отца, который, впрочем, освобождал время для развлечений, так как включал все, чем увлекался юноша помимо учебы), Мишель и Ренат, взявшись под руку, как настоящие аристократы девятнадцатого века, выдвигались на пение, Раф – на злополучную профготовку.

На все той же гладко подстриженной поляне Оздоровительного комплекса все также слышались команды мисс Хидден и ещё пары мастеров: «Быстрее! Да что вы делаете... Уклон! Анкор! Bravo!» – и тому подобное, что давно уже выучил наизусть Амос, который, к слову говоря, спеша к назначенному часу, застегивал костюм для тренировок на ходу.

– Hallo, мистер Эбейсс. Опаздываем? – укорительно спросила мисс Хидден и повернула голову вперёд, туда, где были два молодых дуэлянта, ловко обходившие друг друга.

– Guten Tag, мисс Хидден. Едва ли! Вот, ещё целая мину-

та, – и Амос указал на часы.

– Тогда я вами довольна: за последние восемь лет вы впервые на минуту раньше, а не точь-в-точь в назначенный срок – прогресс! – мастер нежно похлопала по его плечу.

– Спасибо, это все потому что я застегивался на ходу, – будто серьёзно сказал Амос, и мисс Хидден, качая головой, улыбнулась в ответ. – Так что же, мисс, сегодня мой оппонент снова не захотел участвовать в схватке, как и все эти года?

– Да, думаю так. Но... – она с серьёзным лицом, собираясь сказать что-то важное, повернулась к нему. – Знаешь, Амос... – мисс Хидден хотела договорить, но юноша осторожно прервал её.

– Знаю, мисс Хидден, оппонента никакого нет: вы тогда все придумали. Но зачем – я не понимаю, – оживленно проговорил он.

– Ах, да, ты же из неглупых ребят, – мисс Хидден ласково пригладила его волосы. – И как давно ты это понял? Хотя, что за бессмысленный вопрос! Все же очевидно, что через год наших тренировок.

– Да, мисс, именно так.

– Получается, я в тебе не ошиблась, – подчеркнула уже взрослая женщина, давно позабывшая себя лет в двадцать; видно было, что она прошла через худшее за эти годы. – Но если хочешь знать, Амос, почему я решила сама с тобой заниматься, не отдавая возможность ученикам, то могу ска-

зять одно: ты лучший в этом деле теперь, а тогда я увидела в тебе большой потенциал. Сейчас же меня доволъству-ет то, что ты можешь показать наилучший результат стрель-бы, фехтования и скачки, имея всего два или три дня в неде-лю занятий, хоть у некоторых, чтобы иметь нечто подобное, уходит все неделя. Ты молодец, как здесь, так и в том, что ты делаешь, – Амос с непониманием взглянул на неё. – Да, мне известны твои работы с петициями и прочими противо-уставными внедрениями. Особенно нравятся мне в некото-рых женских кабинках для переодевания списки с тем, по-чему стоит любить себя, уважать других и не бояться, как там... А! «Печальных попыток окружающих расстроить вас глупыми словами» – действительно воодушевляет. Хотя я и не была в мужских гардеробных и раздевалках, но точно уве-рена, что там есть такие же листы, – открыв замок кармана, мисс Хидден достала яркий лист, где блёстками была точь выжжено заглавие долгого списка: «Почему мы равны».

Мальчик впал в ступор, потому что не знал, как реагиро-вать: то ли поблагодарить мастера, то ли испугаться, что пре-подаватели могут знать об этом.

– Не переживай, вы умело распределили эти списки – кто бы мог проговориться, не знает о них, а я случайно увидела, когда заходила найти ученицу. Ты, наверное, знаешь ее: та-кая невысокая, полноватая, с разноцветной радужкой глаз...

– Д-да, знаю... – набираясь смелости, но все ещё смотря в землю, ответил Амос.

– И что же...? – любопытствовала мисс Хидден, видя, что он что-то хочет ей сказать.

– Понимаете, мисс, она, как и некоторые другие курсанты, не совсем принимала себя такой, какая она есть, даже очень не принимала... Мы лишь хотели помочь, хотели объяснить, что все имеют право на жизнь, что все могут выглядеть, как хотят... Но вы же видели её в последнее время сами! – все с большим энтузиазмом разгонялся Амос в своём рассказе.

– Видела. Она покрасила волосы... – начала было мисс, но Амос продолжил свое.

– И ей идёт! Она теперь спокойно, не как раньше, говорит с однокурсниками, да и преподавателями тоже. Она делает забавные причёски, и ей это нравится! А всего-то надо было рассказать, что она важна для нас... И вот какие перемены! Конечно, после того, как она увидела список и прочитала его, ей захотелось найти нас, но мы сами пришли к ней на помощь и говорили, говорили, говорили с ней. Она оказалась потрясающим человеком! А про неё такие гадости шептали... – Амос был взволнован и хотел рассказать ещё и о других учениках, чьи жизни поменялись после их списка, но, взглянув на мастера, понял, что и так много допустил до распространения.

– Я очень рада за неё, Амос, и рада, что вы вчетвером помогаете другим разобраться в себе, как когда-то вам помогла Мишель.

– Вы... Вы знали об этом давно... Ещё до списка. Но

как? – удивлённо и в ту же минуту напугано спросил Амос, на пару шагов отойдя от задумчивого мастера.

– Хм, ты воистину быстро сопоставляешь все данные – мне приятно знать это. Но как... Может, сам расскажешь? – повернувши свое усталое лицо с появляющимися на лбу морщинками, с интересом спросила мисс Хидден.

– Раф... Ренат... Мишель? Но зачем? Это бред.

– Нет, Амос, это не бред, это моё напутствие ей.

– Что? – растерянно прошептал он в ответ.

– Амос, это я предложила Мишель организовать помощь закомплексованным ученикам, – глубоко выдохнув, призналась мисс Хидден.

– Это бессмысленно... Зачем вам это? Вы же просто преподаватель, и ваша главная задача – научить нас, не более...

Женщина, которой уже минуло тридцать три, по-детски закатила глаза, как это порой делает Мишель, и сказала:

– Как же мисс О'Роуз права на ваш счет: вы умна, но невыносимо этому противитесь – сплошные эмоции и вопросы. Ах-х. Хорошо, Амос, представьте, что не все в этой школе заставляют вас быть тем, кем вам волей отца решено было быть, а, следовательно, я могу сопереживать тебе, и беспокоиться о том, что с тобой происходит и почему, а если это так, то я могу также бояться за состояние и других учеников, ибо мне, как человеку, больно смотреть на страдания других людей: я желаю им только лучшего. А так как я преподаю довольно-таки немного, у меня остаётся время наблюдать, и

я наблюдаю за курсантами. А что же я вижу? Вижу, как одни издеваются над другими, как учащиеся прячутся от самих себя за горы учебников, как рушится детство и юность ребят, погружающихся все глубже в собственные страхи и сомнения из-за чужих издевок... – обличенная грустью мисс Хидден в течение всей речи ходила из стороны в сторону и взмывала руки вверх, а под конец и вовсе присела на землю. – Мне больно и обидно, Амос, потому я и попросила Мишель мне и им помочь. Так что не переживай на счёт сохранности источников. Никто из преподавателей или из задир об этом не узнает. Наша система крепка, – пару минут она сидела в полном молчании, но тут заговорил Амос.

– Спасибо, мисс Хидден за все, что вы сделали для нас и для остальных курсантов, вы хороший человек и мастер, – он подал ей руку, и женщина встала.

– Ах, милый мальчик, если бы ты знал, сколько всего я упустила за эти года, если б ты знал... – женщина покачала головой, точно виня себя за что-то, но, вспомнив о занятии, решила начать тренировку. – Так, все, собрались и пошли скакать на лошадях! – мастер, мигом надев защитный шлем на голову и взяв сумку с тремя пистолетами и шпагой, отправилась в сторону пары резвых скакунов, не дождавшись ответа юноши.

– И сколько тайн от меня ещё скрывают, интересно знать? – спросил сам себя Амос, весело и с какой-то вновь появившейся надеждой, отыскивая свой шлем в рюкзаке.

Тренировка прошла удачно: сначала они преодолели пару кругов по ипподрому, стреляя на максимальной скорости по мишеням, после – перешли к переменному фехтованию, где помимо победы над соперником, надо было быстро выхватить у него пистолет и расстрелять неожиданно появляющихся «союзников» в виде пластиковых фигур каких-то мультяшных злодеев, а закончилось тем, что Амос в одиночку на коне должен был преодолеть череду обрушившихся на него пуль, спрятать скакуна в надёжном месте (где бы его не нашёл враг), пройти по полутемному коридору с несколькими ловушками и частыми обстрелами, подняться на тонкую перекладину меж двумя иллюзионно горящими домами метров пять в высоту и до их обрушения выиграть фехтовальный поединок с мастером из другой лиги – юноша без затруднений (не считая простреленного ботинка) смог преодолеть всё – как и говорила мисс Хидден, он стал лучшим в этом деле.

Попрощавшись с мастером и сменив одежду в общей раздевалке, Амос направился в конец Оздоровительного комплекса, где стояли звуконепроницаемые боксы, в коих сейчас должны были закончиться занятия у Рената и Мишель. Постановка театральных представлений была запрещена внутри школы всем, кроме членов лиги Искусств, ибо могла отвлекать других обучающихся от более важных дел, например, зубрежки конспектов по философии и менеджменту, но если не хватало подходящих кандидатов из искус-

сников, то брали из других лиг тех, кто ходил на пение или на мастерство Искусного перевоплощения. Так Мишель и оказалась в одной группе с Ренатом. Как выяснилось позже, им предстояло выступить с мини-представлением на Майском бале, который состоится вот-вот, и оттого вся «труппа» школьных актёров была в волнение, а главный постановщик и организатор всего празднования, Эст-Инджени, вовсе постоянно был раздражен и не устойчив (за последние два месяца подготовок он накричал более чем на тридцать учеников и даже двух преподавателей). Ему все не нравилось, у него все вечно было не так. «Одни инвалидки и шолупня вокруг! Никаких талантов!» – часто восклицал он при малейшем недочёте, однако чаще его раздражало идеальное исполнение присвоенной ученику роли. Следовательно, Эст-Инджени постоянно пытался критиковать Мишель, которая пела и танцевала лучше большинства, пару незнакомых девушке ребят из лиги Искусств, отличавшиеся звонкостью голосов, и, конечно, Рената, который был хоть и крайне хорош по меркам самого Эст-Инджени как в актёрской игре, так и в пении, но порой позволял себе неслыханную наглость – пропустить занятие. Для чего и зачем он это делал – неизвестно, но хорошо понятно, что ему за нарушение дисциплины назначали и уединение в камере, и выговоры, и профилактические работы, которые заключались в собирании опавших листьев на каменных дорожках у школы. Так и репетировали, что не неделя, то наказание.

К тому моменту, как Амос, тихонько отворив дверь, вошёл в большой, затемнённый бокс, ребята проигрывали последнюю сцену, где Мишель, стоя на конце длинного подиума, заканчивала песню, держась одной рукой за Рената и будто падая вниз, она пела:

И если мир рухнет, ты поймаешь меня.

Последние слова слетели с её губ, музыка продолжила играть, и Ренат мигом притянув к себе Мишель, приобнял ее со спины – на долю секунды их глаза встретились – и резко, но осторожно юноша закружил напарницу над собой – пару секунд девушка порхала, широко расправив руки. Тон песни начал снижаться, и Мишель, точно перинка, стала опускаться плавным движением на пол. Оркестр замер. И Ренат с Мишель замерли в лёгком объятье.

Амос рухнул на стул, почувствовав, что что-то рухнуло в нем.

– Неплохо! – с желанием скрыть одобрение, прокричал Эст-Инджени, встав со своего кресла где-то в середине зала. – Сегодня было не так дурно, но работать будете много! Особенно вы, мисс О'Роуз... Не забывайте тянуть слова, а не глотать! – обратился он к девушке с искорёженным лицом.

– Да, конечно, мистер Эст-Инджени, все будет в наилучшем виде, – с её вечной улыбкой ответила Мишель.

– Амг-гхм... – пытаюсь придумать какой-нибудь упрёк,

проворчал преподаватель. – Расходимся!

Труппа зашумела, и тут же вылилась из здания.

– Какой же он забавный! – восторгалась Мишель. – Постоянно так смешно говорит, но, думаю, он крайне одинок.

– Пх, нет, он просто заевшийся грабитель наших денег, не более, – усмехнулся в ответ Ренат, и вдруг увидел сидящего у выхода друга. – О, Амос! Ты сегодня рано. Думали придётся заходить за тобой, – юноша усмехнулся, – а ты уже тут – значит, пойдём за Рафом отсюда, так, в принципе, и ближе... Амос, ты слышишь? – Ренат потрепал друга по плечу, но тот резко скинул руку с себя. – Эй, ты чего?

– А? – опомнившись, ответил Амос. – Да я просто плохо себя чувствую, ничего страшного, – пояснил он.

– Может быть, тебе сегодня остаться дома, Амос, – начала было Мишель, – ты выглядишь болезненно, – но юноша быстро встал со стула и отправился к выходу.

– Нет, спасибо, это пройдёт, – крикнул он. – Я уверен, что смогу проводить вас, тем более что нам ещё нужно взломать шифрование... Так что? Пошлите? – ребята вслед за Амосом вышли прочь.

Они хотели уже отправиться в школу, в ту часть, где был сейчас Раф, но услышали какой-то странный с взвизгиваниями разговор в кустах около бокса и решили пойти посмотреть, что там происходит. Минув пару шагов и убедившись, что никого более из учеников не осталось вокруг, ребята осторожно раздвинули кусты и увидели меж листвой неболь-

шую поляну, где стоял и что-то пил Эст-Инджени, громко крича на телефон, видно, отвечая недовольному собеседнику.

– Я тебе отдал почти все, что у меня было! Какого черта, – он глотнул из фляжки, – ты просишь ещё!? Я и так принимаю все, что мне дают родители этих доставучих пиявок – где я тебе возьму больше?! Где?! Какого конского хвостика я должен тебе столько! Я вообще могу... – как показалось смутившимся ребятам, Эст-Инджени хотел крикнуть что-то, что имело большой вес, чем у его собеседника, но почему-то он резко замолчал, а из смартфона прозвучало несколько непонятных, но громких угроз. – Да... Д... Да, – отвечал преподаватель с небольшими паузами. – Да, конечно, я вас понял. Обещаю, все будет добыто, только никого не трогайте и никому не звоните. Я найду, постараюсь найти все деньги, что вы просили, но вряд ли у меня столько есть... – он хотел договорить, но в телефоне раздались гудки. – Черт! – преподаватель, заплакав, сел на землю в своём малиновом костюме и успел сделать пару затяжных глотков, пока Амос случайно не наступил на ветку.

Раздался треск, Эст-Инджени быстро вскочил и крикнул своим обычным писклявым голосом, предварительно убрав две слезы из-под глаз: «Живо выходить! Иначе отправитесь под замок на век!» – поняв, что им некуда бежать, да и незачем, ребята зашли внутрь. На лице преподавателя выразился дикий гнев, и точно стало для всех, что сейчас их накажут

на несколько десятков недель, но чтобы этого избежать Мишель первая прервала молчание.

– Подождите, мистер Эст-Инджени, мы не должны были так поступать: подслушивать нехорошо, но, как оказалось, мы оказались там, где нужны. Вы же говорили, что у вас проблемы, не так ли? – быстро протараторила Мишель, не давая вставать и слова.

– Вас это не касается, мисс О'Роуз!! – прогремел преподаватель, но девушка вновь перебила его.

– Подождите, не забывайте, что мы богаты, особенно Амос, да Амос? – она быстро повернулась к Эбейссу и заручилась согласием испуганного её действиями друга. – Если вы расскажете, в чем проблема, мы попытаемся все исправить. Если вам нужны деньги, то мы сможем помочь, – она лепетала так быстро, что, запутавшись в словах и звуках, мистер Эст-Инджени перестал сердиться и лишь оставил выражение презрения на своём лице.

– Что вы предлагаете-с, мисс О'Роуз, – надменно протянул он.

– Расскажите, в чем ваша беда.

– Я не собираюсь вам все рассказывать! – крикнул он в ответ.

– Не все, а самое главное... – не дрогнув ничем, настаивала на своём Мишель.

– Если вы хоть кому-то, хоть что-то!! – хотел разойтись мистер Эст-Инджени, но девушка его успокоила.

– Никогда и не при каких условиях. Мы вам обещаем, да, мальчишки? – удостоверившись, что оба парня покачали для согласия головой, заверила Мишель. – В крайнем случае мы не хотим отбыть долгое наказание в заключении особенно на ваших условиях, так что вы понимаете, что мы будем молчать.

– Хорошо... Но если только что-то просочится! Вы у меня будете просить прощения и спасения, стоя голыми коленями на горохе! Но я вам откажу! – начал, разгорячившись, он, да сменил свой тон на более тихий, вспомнив, что от «этих дрянных детишек» можно получить что-то выгодное. – Ладно, слушайте... черт, – он хотел глотнуть из своей фляжки, но обнаружил, что все выпил, – коньяк закончился! Да и даром! Слушаем сюда-с, – действие крепкого алкоголя начало постепенно проявляться (ну кто же пьёт без закуски!). – Давным-давно родился я, ваш непокорный и не слуга, мистер Эст-Инджени, прошёл через этот чёртов Выбор (тогда-то я думал, что это хорошо все, так и должно быть, но...), стал учиться в лиге Сбыта и Добычи, думал, мол, стану лучшим бизнесменом моего века, но-о... как оказалось, таких там с лишком. Ай! – преподаватель отчего-то поморщился, – Хе-хе, нет, так не пойдёт, они узнают это, и вам ничего не изменить, – и поднял голову вверх; ребята хотели уточнить, что это значило, но мистер Эст-Инджени настойчиво продолжил рассказ, постепенно размариваясь под действием этилов. – Так что? Да-с, в Средней школе второго этапа ещё ничего

было, хоть уже начинало не хватать средств на существование, не говоря, что учиться оказалось слишком непросто. Ай! – он снова поморщился.

– С вами все хорошо? – с тревогой спросил Ренат.

– Ха, ещё бы, они сейчас ещё мощностъ прибавят! Но не об этом. Учился вот, учился, да доучился – выпуск, и я свободный человек. Думал сейчас возьму небольшой кредит, открою торговую марку. Хоть правильно и думал, но оказалось, что нельзя долго существовать владельцем, если ты не из вас, не из Высших, – по лицу мужчины пробежал презрение вперемешку с завистью. – Отобрали все, что было, такие же, как твой отец, – и он указал на Амоса, отчего юноша даже смутился. – А главное – как! Просто бумажки не те, пришёл не туда – вот и банкрот. А есть-то... Ай! Нет-с, месье, вы меня не дергайте; я все расскажу: мне терять нечего... Так о чем я? Точно. Есть хочется, жить негде: как оказалось и с семьями там беды.

– Где «там», – спросила тут же Мишель.

– Да ты сама все знаешь! – воскликнул Эст-Инджени в ответ. – Смотри, чтоб не пришли... – и он указал пальцем в небо; мальчишки подумали, что это так на него действует алкоголь. – Вот, значит, ик! Оу, прошу прощения! Значит, остался под мостом, на картонке, без гроша денег... – мужчину передернуло, точь будто вспомнил все, что его мучило тогда. – А они меня и нашли! Говорят: «Получишь место в одной школе, будешь присматривать за всеми – нам до-

кладывать, а ещё и отчисления делать. В худшем же случае семью твою под серебряный град пустим, а тебя отправим на наш любимый рынок Абсурда». Мне же не хочется так. Вот и согласился. Ибо рынок тот – жуткое место, лучше и не знать о нем... Потом они меня одели, отмыли, научили, что и как стоит говорить, что делать, и отправили сюда, в Высшую школу. Ай! Так годы и шли. С ролью свыкнулся, да и нравится мне таким быть, да и приходится, но вот последние недели звонят мне, просят больше, а у меня теперь семья, – все крайне удивились. – Да, раньше здесь работала одна женщина, но её выгнали из-за каких-то потерянных бумаг, а мне она приглянулась, да и я ей. Так и вышло, что теперь есть чем дорожить. Но просят они заоблачно. Что делать – не знаю, не могу столько: жена привыкла жить в достатке, скоро и сын появиться. Вот, остаётся только пить непомерно. Ик! Главное, чтобы никто не узнал, иначе за такое точно выгонят.

– Нате, смесь таблеток вызовет обратное действие – вы протрезвеете, – достав из сумочки какие-то белые ампулы, протянула их преподавателю Мишель.

– Не думайте, мисс, что после этого что-то измениться, но, спасибо, это будет кстати, – мужчин быстро проглотил таблетки, и вдруг раздался звонок – мистер Эст-Инджени взял трубку. – Что? Ус... – он хотел что-то сказать, но, как было понятно, ему запретили; пару минут стояло молчание, лишь глаза преподавателя быстро бегали туда-сюда. – Вы сейчас серьёзно? – спросил спустя время Эст-Инджени, и отвернул-

ся от ребят. – Нет, нет, мистер... я не могу так. Вы не расскажете, что будет после?.. Хорошо, хорошо... я согласен. Всё будет сделано. Но зачем?.. Ладно, понял. Все будет выплачено? Тогда я абсолютно ваш. Спасибо, – он взволнованно положил телефон в карман, и, в минуту протрезвев, надел свой обычный облик недовольства и лицемерия. – Так, все, дети, расходимся, – он махнул из кустов.

– Что это значит, мистер Эст-Инджени? – выйдя за ним, полюбопытствовала с беспокойством Мишель.

– Это означает, что я сделал большую ошибку. Лучше забудьте и никому не рассказывайте, что узнали. И уходите. Мне больше ваша помощь не нужна.

– Но как же, мистер Эст-Инджени? – остановил его Амос.

– Хм, очень просто, мистер Эбейсс. Кто-то более, чем вы, повлиял на все мои проблемы, так что... живо уходите! – сменив радость на презрение, крикнул он и направился в бокс.

Ребята застыли в непонимании: что произошло, никто не мог объяснить. Только Ренат, не любивший долгое бездействие, почти тут же решил идти к Рафу, который, скорее всего, уже освободился после занятия, и Мишель с Амосом, выйдя из помутнения, последовали за ним.

– Как думаете, – начал с осторожностью Амос, прервав продолжительное молчание, – что или кто смогло изменить намерения Эст-Инджени? И о чем он нам рассказывал... Ду-

маете, все правда или он был просто пьян? Да и в конце концов почему он нам рассказал? – их троица свернула за угол в то время, как юноша, восклицая, спросил обо этом.

По затемненному коридору школы пронёсся скрип: где-то закрылась коморка.

– Думаю, – мягко ответила Мишель, – он был честен; я даже в этом уверена. Изменила же его решение весьма влиятельная фигура, обладающая властью и могуществом... – девушка замолчала, но тут же поправилась, – иначе бы, мне кажется, ему бы не удалось переубедить преподавателя.

– Весьма с тобой согласен, – вмешался Ренат, – но, кажется, он преувеличивал на счёт всех своих «страданий». Это же бред чистой воды, что такое случилось с ним: у нас есть гарантии на рабочие места и прочее, – с негодованием лепетал он.

– Нет, Ренат, не все то, чем кажется, – остановила его Мишель.

– Чушь, – настаивал на своём рыжеволосый и пылкий друг, – есть заверения, документы, слова магистров...

– Не верь магистрам, и все! – вскричала на него недовольная чем-то отягощающим девушка.

Ренат хотел сгоряча ответить ей, но Амос успел прервать их разговор:

– А-а что по поводу причины его откровения? Неужели так быстро сработал алкоголь, но это – бессмысленно, так как в этом случае ему пришлось бы начать употребление ещё

с утра... – удивлялся он.

– Ах, разве это важно? – тут же спросила Мишель. – Мне вот интереснее, почему открыта дверь в лабораторию Рафа, смотрите! – девушка указала на единственный освещенный объект в этом коридоре, на кабинет для повышения мастерства, который обычно всегда закрыт: и с учениками внутри, и без них.

Мальчики перевели все свое внимание на эту странность.

– Хм, думаю, стоит зайти тихо: вдруг что, – предложил Амос – друзья согласились.

Метров пять до двери они шли на носочках, совсем не говоря. Кругом не было ни души. Только они, и кто-то внутри. Но кто – они не знали. Ренат, вызвавшийся идти первым, вёл их уверенно к двери. Минув расстояние, он остановился. Решив, что проход достаточно велик, юноша осторожно, напоминая краба на морском пляже, проскользнул в проем; Амос и Мишель – за ним.

Им открылась странная картина: пустой кабинет, почти никого нет, только один Раф сидит на полу возле приоткрытой двери коморки. Увидев друзей, он мигом прислонил палец к губам: главное – чтобы ребята не говорили. Но Ренат решил все же любопытствовать о происходящем здесь. На всеобщее же счастье, Мишель быстро закрыла его рот своей ладошкой – он быстро сменил свое решение. Неловким движением Раф позвал друзей к себе. Они подкрались и сели рядом с юношей. Ребятам было интересно, зачем он так

поступает, и хотели спросить его об этом, но в этот же миг сами все поняли: через стену от них разговаривал с кем-то по телефону Клерк Грид, один из страшнейших преподавателей школы.

– Что? – хрипло, но размеренно и тихо спрашивал он. – Да, я знаю, что ей пришлось многое пережить... – кто-то вперемешку с гневом тоскливо кричал в трубке телефона. – Подождите, не горячитесь, я знаю, что мне не понять всего, что с ней случилось после того случая, но, пожалуйста, подождите... Я лишь хотел сказать, что очень виноват... Да, вы правы, я виноват безмерно, я пытался все исправить, но, к сожалению, – мужчина помедлил, – уже поздно... Да, я знаю, что слишком поздно. Просто примите мои соболезнования. Я очень виноват. Простите. Больше я... я не буду вам досаждать. Прощайте, – голос грозного мужчины дрогнул, после чего он попытался глубоко вздохнуть, но волнение помешало ему.

Амос, Мишель и Ренат сидели недвижно, временами переглядывались, пытались найти ответы друг в друге, и, в итоге, одновременно решили найти их в сидящем неподалёку Рафе. Он, однако, лишь указал на выход, не подняв на них даже глаз. Ребята не поняли поначалу, что это означало, но тот стал их подталкивать и гнать движениями рук прочь отсюда, так как в любой момент, как он предполагал, мог выйти Клерк Грид, и их участь была бы непредсказуемо печальнее любой существующей. Все четверо, опасаясь раскрытия,

тотчас же двинулись к выходу. Кто-то оборачивался, кто-то следил за тем, чтобы случайно ничего не сказать или не уронить, кто-то просто следовал вперёд. Так медленно, но верно доползли до коридора. Раф, не произнеся ни слова, сразу же двинулся подальше от этого места – ребята, не утратив всего терпения, мирно отправились за ним.

– Что это было, Раф? – впад в неразумение, крикнул вдогонку Рафу Ренат.

Но юноша продолжал идти вперёд, уже подходя к парадному залу близ главного выхода.

– Да стой же ты! – негромко окрикнул его Амос, и вновь безуспешно: друг не останавливался.

– Раф, подожди! – более звонко позвала его Мишель, и юноша замер на месте, держа на плече портфель, но все ещё не оборачиваясь.

Ребята быстрым шагом подошли к нему.

– Что это... – Ренат хотел возмущённо договорить «значит», но увидел покрасневшие глаза Рафа и остановился в испуге. – Ты плачешь? – спросил нерешительно он. В ответ лишь увидел, как у Рафа задергались ресницы и задолжала нижняя губа.

– Что с тобой? Это он сделал? – взяв руки юноши, не торопясь, спрашивала Мишель. – Или ты... что-то услышал? – Раф посмотрел ей в глаза, и по его лицу тут же полились до сих пор ещё сдерживаемые слезы – девушка приобняла его. – Пойдём в корпус, здесь совсем чуть-чуть осталось, – маль-

чик в ответ едва кивнул головой, и они пошли.

Ренат с Амосом молча двигались сзади. Хоть юноши и переживали за Рафа всем своим сердцем, но ничего не могли сделать ни с тем, чтобы помочь ему, ни самими собой: ребята были не в силах смотреть на слезы друга.

– Как думаешь, это серьёзно? – шёпотом спросил Ренат у Амоса, заходя в комнату 223.

– А, не знаю. Но Мишель разберётся, – очнувшись от раздумий, ответил он. – Мы же здесь вряд ли что сделаем.

Мишель действительно смогла разобраться, чем их общий друг так огорчен. Но перед тем она аккуратно посадила его на диван, укрыла одеялом и налила кружку мятного чая. Ей не пришлось даже спрашивать Рафа о чем-то еще: он сам начал говорить.

– Я же думал, что он плохой, думал, что он злой, ужасный человек, – у юноши слегка тряслись руки и голос, – который умеет исключительно насмеяться и кричать... Какой же я отвратительный! – всхлипывая, заключил Раф.

– Нет, это не так... – хотела уверить его Мишель, но он ее прервал.

– Нет, это так! И знаете почему? Потому что я воистину ужасен, как и говорили мне, – юноша затих.

– Кто говорил? – с некой печалью спросил Амос.

– Неважно... – сказал Раф и сделал глоток чая; друзья решили не мешать его рассуждению. – Важнее то, что он не такой, каким мы его видели столько лет. Представляете ж, у

него есть сердце!.. Он не так просто был с нами груб... Как оказалось, даже очень непросто. Вы, наверное, и не догадывались, а у него была много лет назад одна ученица, как я понял, очень талантливая. Он говорил о ней: «Лиличка стояла всех моих учеников и самого меня! Такая умница, такой гений своего дела. Что она только и не напридумывала за те года, эх! Она была... не превзойдена». Его грубый и такой постоянно мрачный голос, да такие слова! Оказывается, раньше он был другой: добрый, радостный, очень любил помогать ученикам и... давал много воли на их творения, так много, что однажды не уследил. Вообразите, два десятка своевольных учеников, творящих шедевры кулинарии, кругом посуда, ножи, включённый огненные столбы для максимально обжарки и лишь чутка дисциплины. Один толкнул другого – полетели нож, посуда, на пол упали пачки и бутылки с ингредиентами. Девочка шла с подносом, на котором стоял ещё не запечённый пирог – не увидела под ногами ничего и наступила, а напор в них был сильный, такой сильный, что даже струя со смесью из этих самых странных специй брызнула наискось в другую девочку. Подумаешь, был бы там кетчуп или горчица – ничего, но там была какая-то органическая пыль, о которой нам даже и не рассказывали, не помню названия, но что-то связанное с пероксидами. Как оказалось, её излишек в сочетании с тут же попавшим под огонь лицом вызывает внутренние взрывы. Просто увидите это: стоит Клерк Грид у своей коморки, смотрит на учени-

ков и замечает, что на одну девочку попала давно известная ему приправа с взрывным характером, он бежит к ней, чтобы помочь и спасти ее, но девочка, ничего не видит: пыль же не почувствуешь на себе, да и в таком беспорядке хоть что могло упасть на неё (не привыкать!), и решает отнести свой десерт на поджарку. И что интересно – все это время качающаяся на краю бутылка масла вдруг падает и разливается прямо под ноги той девочке. Она скользит, пытается остановиться, но не может. Преподаватель все ещё проталкивается через горы учеников и посуды. Девочка – от роду лет четырнадцати, совсем как ты, Мишель, – проскальзывает к включённому огню, пылкому и огромному, и взрезается телом в обжигающую основу, а лицом – в сам огонь... Она могла бы и вся в него попасть, но мистер Грид успел схватить её за ворот рубашки. Вроде бы, вот и все: обошлась лишь ожогами, но – нет. Только преподаватель повернул её к себе, как кожа покраснела, девочка начала пронзительно кричать: пыль скучилась в небольшие кружки и начала взрываться. Представляете? На его глазах взрывался человек. Все, кто там был перепугались. Но, и будучи перепуганным, мистер Грид не спасовал – сразу же накинул специально антипожарное покрывало, чем предотвратил сожжение, или точнее, полный взрыв девочки, и вызвал спецслужбу... – допивая последние капли чая, Раф замолчал; давно уже присевшие к нему ребята не могли найти ни слова, чтобы хоть что-то ответить на это – юноша продолжил. – Приехали специалисты – госпи-

тализируют её. И снова-таки можно было рассчитывать на спасение, но... оказалось, что пыли было слишком много, и была она с какого-то подпольного рынка, следовательно, являлась опасной и без того. Девочка выжила, но пыль модернизировалась, приспособилась и оказалась в подкожной ткани, обвернутая слоями жировых структур – получились шарообразные гранулы со смертельным веществом: оболочка едва треснет, и пострадают вся кровеносная система, следовательно девочка умрёт... Было решено не делать операций: слишком опасно даже с новейшими технологиями, и стали поддерживать её жизнь за счёт аппаратов, совмещая с попытками внедрить какие-либо лекарственные препараты, по мнению врачей, способные растворить содержимое «гранулы смерти», но очень дорогие... После случившегося мистера Грида выгнали из какой-то там школы, было составлено множество протоколов, но он все же остался на свободе, ибо прямо не был виноват. Но сам он думал наоборот, потому все двадцать лет (!) навещал Лили и просил каждый раз прощения, так же помогал её семье, спонсируя средствами на лекарства и оборудование – это помогло дожить девушке до 34... Вы же знаете, что он вечно был несносный и раздражительный, но сегодня весь день он молчал и не показывал никаких эмоций, кроме глубокой печали, струящейся из его глаз... Оказывается сегодня перестали действовать все препараты, и девушка умерла... – юноша убрал давно опустевшую кружку из рук и закрыл ладонями лицо. – Когда я за-

держался, собирая учебники в портфель, прошло уже много времени, и он, наверное, думал, что все ушли, потому со всей злости бросил из своей коморки журнал, не увидев меня, к счастью. Там, как я узнал позже, было её дело. Оттуда мне все и стало известно. Какой я ужасный! Я прочёл чужую жизнь! Какой я ужасный! – юноша вскричал и из-под ладошек вновь полились слезы. – Знаете, – через пару минут убрав руки от лица, сказал Раф, – а ведь он уже оплатил её похороны и заказал в память о ней четырнадцать тысяч лучших десертов с алмазным порошком на бело-золотых обертках. Эти десерты будут разосланы по всему миру, и на их эксклюзивной упаковке напишут: «Ни одна крошка не сравнится с мастерством и талантом, который я погубил в моей Лили; она была...» – а на самих десертах укажут, какой она была... – юноша глубоко вздохнул и с дрожью в голосе продолжил. – А я его считал ужасным! Это я ужасный, а не он... – Раф тихонько заплакал.

В комнате стояло молчание: никто не знал, что на это ответить. Так прошла пара минут.

– Раф, – решила нежно начать Мишель, переведя дыхания от его рассказа, – не угнетай себя. Ты не знал, что на все существуют причины. Это вполне нормально. Ничего не исправить – я знаю, но дальше ты сможешь изменить свое мнение, да ты уже изменил его... Перестань себя карать за то, о чем ты не знал. Главное – это то, что ты осознал. Подними глаза, – слегка приобняв его, сказала Мишель и под-

няла его голову за подбородок. – Вот, давай вытрем твои маленькие грустинки, – девушка, взяв у Амоса платочек, осторожно вытерла с глаз Рафа слезы; он смотрел на неё, как на лучшего человека в этом мире.

– Спасибо, Мишель... – с содроганием поблагодарил её белокурый юноша. – Но, мне кажется, что я виноват во всем, во всем абсолютно... и мистер Грид... Он не заслуживает, чтобы все так думали о нем... Он так несчастен! А я такой... – мальчик вновь хотел сказать «ужасен», но посмотрев на недовольство друзей переменял решение, – глупый! – с улыбкой вырвалось у него.

– Всё, друг, переставай. Мы знаем правду о мистере Гриде, ты знаешь правду о мистере Гриде, значит, все хорошо: о нем будут жить правильные воспоминания... А ты не плачь только, а то нам... как-то неудобно, – с желанием приободрить друга, выпалил Амос.

– Да, очень неудобно, – подтвердил Ренат и неказисто похлопал Рафа по плечу.

– Мальчики, – с укором посмотрела на них Мишель.

– Да ничего, Мишель. Всё хорошо. Давайте лучше обсудим, когда выдвигаемся на очередное приключение, – сказал, вставая с дивана, Раф и направился за оборудованием для «путешествия к недрам», как позже окрестили этот поход сами ребята.

Три часа подряд, меняя чашки с чаем, Мишель и Амос взламывали систему безопасности школы, пока в это же вре-

мя Раф с Ренатом приготавливали водоотталкивающие костюмы (на случай, если протекает трубопровод, проходящий там), парящие светоизлучающие шары и некоторое количество закусок, если ребята проголодаются – и вот, шифрование поддалось друзьям, стала известна вся карта подземных ходов и находящихся в них камер слежения. Амос сразу же точно и аккуратно перерисовал изображение с дисплея на голографический планшет и воспроизвел 3D-картинку, указав на все «опасные места» и прочертив наиболее удобный путь между ними. Мишель была удивлена тому, как юноша мастерски нарисовал саму планировку туннелей и даже похвалила его за это, сказав, что из него вышел бы неплохой художник или инженер, на худой конец, отчего мальчик покраснел, как только что налившийся помидор. Смущение прошло, а за ним и ушли из корпуса все четверо друзей, захватив с собой оборудование для полуночного шествия под землёй.

Ребята с помощью антиблокировочного ключа вышли из корпуса, спустились на минусовой этаж, где находились системы управления школой, обогнули работников и, закрыв за собой люк, спустились глубоко в подземелье. Там было крайне темно.

– Достаньте шары, – прокомандовал Амос, и вынул из рюкзака свой. – Отлично. Гори! – прикрикнул он на парящий объект, и тот зажегся; ребята поступили также. – В сле-

дующий раз напомните, чтобы я сменил команду, а то так и голос можно надорвать.

– А ты в следующий раз напомни, чтобы я составлял маршрут. Ибо почему мы не спустились по той удобной горке недалеко от люка, а ползли по тёмной и сырой лестнице? – с недовольством спросил его Ренат, говоривший о специальном капсульном лифте, используемом рабочими для спуска в туннели.

– Хочешь попасться – можешь проехаться под камерами, – твердо ответил ему Амос.

Другу это не понравилось.

– А ты что такой нервный в последнее время? Что-то не нравится? – с каждым словом все больше раздражаясь, говорил Ренат.

– Да, и очень не нравится, – скорчив мину отвращения, буркнул черноволосый юноша.

– И что же? – передразнивая, пропищал другой в ответ.

Амос подошёл к нему вплотную, вероятно, желая ударить Рената, но Раф растолкал их в разные стороны.

– Да что с вами? – не понимая их действий, спросил обеспокоенный друг. – Ни с того, ни с сего начали перепалку. Пожалуйста, перестаньте. Амос пойдёшь передо мной, первым, а Ренат останется с Мишель, будет завершать цепочку, – он осторожно толкнул одного вперед, а другого – назад, и пошёл дальше, подкрепив свое решение согласием Мишель.

Обгибая углы, они долго шли по верному пути. Камеры

встречались не слишком часто, но приходилось их обходить иногда и вовсе странным образом: то проползать по мокрому полу, едва приподнимая головы и проталкивая рюкзаки, то перебегать по потолку, удерживаясь ультралипкими чехлами на ботинках, то попросту свернуть в другую сторону от них. Всю дорогу Раф молча шел позади Амоса, лишь только слушая время от времени как его друзья о чем-то весело шутили сзади, а Амос же, в отличие от него, ещё и часто оборачивался посмотреть, что там происходит, но минув пару тупиков и уйму старых и новых закрытых дверей, ребята сумели найти ту самую, искомую ими комнату, где когда-то располагался бункер.

– Мне казалось, что дверь будет закрыта на ключ или замок, но... – удивлённо произнесла Мишель, увидев новейшую панель шифрования на титановой двери. – Это что-то неожиданное, так как такие, – девушка указала на светившийся экран, – выпущены были только недели две назад. Не уверена, что у меня есть дополнительные приспособления, чтобы взломать его... – она в раздумье отошла от ребят в сторону.

– У меня есть, – буркнул Амос, косо взглянув сначала на Рената, а потом на Мишель. – Подойди, я покажу, – девушка с радостным лицом подлетела к нему и заглянула в только что раскрывшийся чемодан с кучей странных прозрачных фигур и карт.

– Откуда, Амос? – взволнованно спросила она, разгляды-

вая и осторожно перебирая все приборы. – Этого ещё ни у кого нет, кроме сами поставщиков...

– Да, кроме них. Оттуда я и взял, – Мишель посмотрела на него с едва заметным непониманием, но лишь на миг: после ей все разъяснилось, и она в ответ кивнула головой. – Да, ты все правильно уловила: мой отец и есть поставщик, то сеть одна из его фирм...

– Ты это попросил у него? И он прямо-таки выдал тебе столько слеш-ключей? – с пренебрежением поинтересовался Ренат.

– Нет, – отрезал Амос, – отец не знает об этом: отправили мне их с рынка.

– Но на рынках их нет, – мигом отозвался Раф.

– На... на рынке Абсурда есть, – помедлив, признался Амос.

– На том самом, про который говорил мистер Эст-Индженни? Ты с ума сошёл, Амос? – накинулся на него Ренат, но Мишель сразу же встала на защиту друга, хоть это и не особо было нужно.

– Тише, Рен, – нежно прошептала она, отодвигая друзей друг от друга, – он не прав, но не забывай, что и здесь у всего есть уши, – мальчик кинул озлобленный взгляд на Амоса, но отошёл в сторону. – Вот и хорошо, – заключила Мишель и подошла ко второму. – И как давно ты скупаешь контрабанду? – раздосадовано начала она.

– Это единственный раз, – опустив глаза, отвечал маль-

чик.

– Ты лжешь мне? – настойчиво спросила Мишель.

– Да... – с чувством вины ответил он ей. – Это не единственный раз, но я так много выкупил эксклюзивных вещей для наших прогулок, которые помогли нам, даже вот сейчас очень пригодятся эти не совсем законные ключи! – пытаюсь убедить друзей в пользу контрабанды, говорил Амос.

– Нет! – громко отрезала Мишель. – Я думала, что это все законно и приходит в подарок от твоего отца, – юноша усмехнулся в ответ, – но, оказывается, я ошибалась и в этом, – она указала на чемодан, – и в тебе: я доверяла тебе, Амос, а ты, считай, меня предал своим обманом... – девушка опечаленно посмотрела в стыдом покрывшиеся глаза мальчика и отошла к панели шифрования, чтобы закончить начатый путь и открыть дверь.

Раф с Ренатом решили не мешать им и отошли в сторону доставать термосы с чаем.

– Мишель... – Амос осторожно подошёл к занятой дешифровкой девушке и легонько попытался приобнять её за плечи, но она тут же скинула его руку. – Мишель, я не понимаю, в чем виноват... точнее понимаю, что это плохо – покупать контрабанду, но не так уж ужасно... Мишель?

– Дело не в том, что ты покупал, – отвлекшись от работы, со вздохом сказала она, – а в том, что ты обманывал – если тебе непонятно это было из прошлых моих слов. Ты обещал довериться мне, но к чему же тогда ложь, Амос? – с грустью

в глазах посмотрела она на него и отвернулась, не получив ответа. – Я знаю, что тебе нечего сказать. Посиди тогда уж, подумай о том, что ты наделал. И подумай ещё над тем, кого ты спонсировал своими покупками. . .

– Что? – словно выйдя из транса, спросил юноша.

– Ну да, конечно, ты не осведомленно скупал все, что тебе казалось нужным – очень естественно, – расстроившись, девушка затихла на мгновение. – Ладно, – но, собравшись с силами, продолжила, – раз ты не знал, то скажу, что тот рынок намного темнее, чем ты думаешь, и намного опаснее. Прокрастианцы, которые там работают и которые возглавляют его, – настолько потерянные люди, что способны сотворить нечто ужасное. Да и творили уже, но! Никто нам не раскроет синдикат, как говорится, поэтому в учебной литературе ты навряд ли смог бы что-либо прочесть о них. . . – девушка слегка задумалась и точно впала в какие-то собственные тайные рассуждения, но через минуту, вернувшись в реальность, сделала лёгкий поворот куба на панели, и дверь разблокировалась. – Отлично, – шёпотом добавила она. – Мы можем входить! – и крикнула ушедшим куда-то друзьям. – Ах, да, Амос, – обратилась Мишель вновь к нему, – не спонсируй больше, пожалуйста, то жалкое местечко. Хоть и спасибо за все потрясающее оборудование, но заказывай все же у производителей, – девушка, почти перестав сердиться на друга, похлопала его по плечу.

– Спасибо, больше я тебя не разочарую, – прошептал с

трепетом юноша, и получил в ответ порцию весёлого и одобрительного девичьего смеха.

– А ну-ка, ну-ка... – приговаривал подоспевший Ренат, открывая на себя дверь. – Это потрясающе, друзья! – восхитился юноша, когда перед ним появилась удивительно красивая комната, вся тотчас же осветившаяся люстрами и фонарями.

Это было пространство метров в восемьдесят квадратных, круглое, с двумя выходящими из него небольшими коридорами: один в отделение с десятком кроватей, другой – в ванную комнату. Убранство зала поражало всех, кроме Амоса: дома он часто сталкивался с таким стилем. Высокие потолки под тон молочно-бежевым витым колоннам, покрытым венецианской штукатуркой, и насыщенно-изумрудным обоям с шелкографией на стенах, массивные зеркала, обрамленные в тяжелые рамки из натуральных и благородных пород деревьев, стол с мраморной, как и белый с чёрными узорами пол, столешницей, книжные шкафы, большие по размерам и содержащие ценные коллекционные издания, комоды с резными ручками и зеркала, на которых располагались статуэтки, светильники определенных форм, карнавальные маски и сувенирные тарелки, различные вещицы, создающие необходимый антураж, лежавшие и на каминной полке – все это было неотъемлемой частью как этого зала, так и прошлой жизни Амоса.

– Хорошо они тут жили, даже у нас дома не так много

подобных ваз, – подметил Ренат, указывая на большой сосуд с росписью.

– Потрясающе то, что так все сохранилось, – сказал Раф, указывая на подлинники картин прошедших веков. – За эксклюзивными вещами обычно хорошо следят, а тут... – и он провел рукой, тем самым говоря о пустоте вокруг.

– Ты прав: это очень странно, – согласилась Мишель и присела в кресло из белого бархата с золотой росписью, как и все остальные, до этого очистив свой костюм быстросействующим растворителем загрязнений, – но об этом позже...

– Ребята! – крикнул Амос, привлекая внимание к себе. – Мы это сделали: мы вновь открыли нечто необычное, – радостно говорил он. – Давайте ж отужинаем за этим прекрасным столом и разведем, что здесь ещё есть интересного! Ренат, кинь, пожалуйста, мой рюкзак. Он рядом с Мишель, – попросил юноша, стоя по другую сторону стола и заглушая свое раздражение; друг кинул ему большую сумку, но Амос не успел поймать, и она упала – там что-то открылось.

– Ренат! – взволнованно вскричала Мишель, и подбежала к упавшей вещи. – Это мой рюкзак! Нужно посмотреть, что написано на ручке...

– Я же не виноват, что они у вас так похожи, – отмахнулся тот, пока девушка что-то искала в той сумке. – Что ты там делаешь, Мишель? – подойдя к ней, спросил Ренат.

– Нет! Нет-нет-нет... – раздосадовано девушка достала какой-то черный флакон с жидкостью, бывший открытым. –

Ты сорвал своим бездумьем пробку с него... – она, слегка напугавшись, качала головой.

– Ну и что такого? Просто флакон без пробки... Ничего же страшного, – попытался оправдаться Ренат.

– О, нет, не просто флакон, – резко начала Мишель. – Это летучий Концентрат правды, вещество, способное только при одном вашем вздохе выдавить из вас все, что вас гнетет или что вы скрываете... Мы уже отравлены, считайте что.

Всё трое парней тут же настороженно спросили:

– Как это, Мишель?

– Я... я... А-а, он начинает действовать... – девушка схватилась за голову, пытаясь сдержать себя и не говорить чего-то, но она не могла: средство было слишком сильным. – Я тайком от нашей лиги хожу на практику к ученикам с лиги Просвещения и учусь создавать компоненты и сыворотки с разным действием... Этот флакон – моё детище, благодаря которому я узнаю то, что мне нужно для моего сверхсекретного проекта. Этим веществом я опьянила сегодня днем мистера Эст-Инджени... Не специально. Он начал говорить, но мог и не рассказать всего, что я должна была узнать... – видно было, что девушка боролась с действием раствора. – Тогда я открыла флакон за спиной и дала аромату заполнить пространство... А теперь ты, Ренат, его выпустил весь, и любое отклонение от стабильного состояния, то есть любое проявление эмоций, заставит вас говорить и говорить только правду, вашу правду... – договорив предложение, Мишель вы-

дохнула, словно освободившись от тяжёлого бремени. – Всё, я выразила все свои мысли, которые вызывали у меня сомнения. Теперь я чиста, вроде как. Но, если у вас что-то есть, то Концентрат это обнаружит: я его создала слишком безупречным, – девушка покачала головой вновь и вернулась на свое прежнее кресло. – Лучше не сопротивляйтесь, иначе препарат начнёт давить на ваш мозг – будете ощущать жуткие боли.

– Спасибо, Ренат! – с гневом в глазах прокричал Амос. – Доволен теперь?! – и кинулся к другу.

– Не смей кричать на меня, Эбейсс! – и Ренат кинулся в ответ, пытаясь ударить Амос, но тот увернулся.

– Ты... только... все... портишь! – выкрикивая отдельные слова, Амос пытался ударить друга в ответ, но тот уклонялся то в одну, то в другую сторону.

Мишель хотела поначалу помешать им, но, так как знала, что им физически необходимо выговориться, осталась на месте.

– Что я порчу? – все сильнее раздражался сильнее Ренат и толкнул Амоса подальше от себя. – Я не знал, что там! И что кричишь на меня? Есть что скрывать, Эбейсс? – сквозь зубы выпалил юноша, покрасневший от гнева, и тут же получил удар по щеке.

– Есть! – в этот момент прозвенел Амос. – Чёртов... угодник! – растерявшись от того, что он навредил другу, выдал мальчик.

– Что?.. – начал было Ренат, вытирая кровь от перстня с щеки, но тут же услышали, как вдали от них прогрохотал стул: Раф упал в конвульсиях на пол.

Всё трое мигом кинулись к нему.

– Что с ним? – испуганно спросил Ренат, пытаясь то ли нащупать пульс, то ли придержать дергающиеся руки.

– Амос! Живо из сумки шприц с красной пометкой! – крикнула Мишель другу, повернув Рафа на бок и подкладывая под голову подушку, найденную на кресле. – Ренат, держи руки и все оставшееся туловище! Амос, живее! – девушка прижала рукой голову Рафа, и открыла от костюма шею; Амос быстро распаковав шприц, дрожащей рукой подал его Мишель.

Девочка резким движением вонзила острую и едва заметную иглу в пульсирующий сосуд на шее, так, что даже мальчишки вздрогнули от такого молниеносного решения – светло-жёлтая жидкость полностью влилась в кровь Рафа, и тот перестал шевелиться.

– Мишель... что ты сделала?.. – с круглыми от ужаса глазами спросил Амос. – Он же не двигается... Он... жив? – помедлив, проронил он.

– Ах-ха-ха, – девушка залилась перед окаменевшими лицами друзей звонким смехом. – Вы действительно подумали, что я его убила? – с удивлением поинтересовалась Мишель и на что получила лишь пожимания плечами и какие-то невнятные ответы. – Превосходно. Я ему жизнь спала, а вы

думаете, что я его убила, – ребята вопросительно поглядели на неё. – Мне казалось, он вам рассказал, что болеет неким расстройством, – юноши не понимали, о чем она говорит. – Раз нет, то теперь знаете. И, давайте, переложим его вон туда, – девушка указала на большой бархатный диван с несколькими подушечками.

Ребята перенесли Рафа; он спал.

– Черт! И как у него это давно? – задавшись вопросом, Ренат сел за мраморный стол.

– Если вы не знали, уже семь лет, но только... в редких случаях, – пояснила Мишель. – Странно, что он вам об этом не поведал.

– Мы знали, что Раф болен, но он не говорил, что так серьёзно... Думали, обычная простуда, вот и ходит на процедуры, – объяснился Амос, присев на другой конец стола, подальше от Рената.

– Да, всё так, – подтвердил небрежно он.

– Ладно, пока Раф спит, поговорим о вас, ребята. Почему в последнее время вы такие раздраженные? – Мишель отклонилась на спинку кресла, запрокинула одну ногу на другую, сложила руки у груди и стала ждать откровения друзей.

– Тебе показалось, – буркнул Ренат, и тут же закричал: его поразила невыносимая головная боль.

– Не надо, Ренат, говори правду – все пройдёт, – ласково посоветовала девушка своему рыжеволосому другу.

– Чёрт! А ведь и правда больно! – претерпевая муче-

ния, усмехнулся юноша и вдруг заметил беспокойный взгляд Амоса, направленного на него. – Это он, – и указал пальцем на другую сторону стола. – Он все дни зачем-то пытается вывести меня из себя, грубит, насмехается, а теперь вот, вырезал прямо по лицу, – отметил Ренат. – И кто же знает, что с ним происходит. Ну, а я... – юноша поморщился, – я такой давно и не знаю, что с этим делать, – он сделал глоток чая.

– Хорошо, с Амосом разберёмся позже. А ты, почему ты такой? – глубоко заинтересовавшись, Мишель под села ближе Ренату – у Амоса искривились губы, но он промолчал.

– Я... Я... Я не знаю, – пытаюсь бороться с Концентратом, тянул юноша с огнём в душе.

– Говори, Ренат. Препарат не перестанет действовать, пока ты не раскроешь все свои тайны, – девушка чуть-чуть улыбнулась.

– Да... хорошо. Всё началось ещё на первом курсе. Тогда у моего отца и его компаньона сорвалась крупная сделка с отцом Амоса, – на другой стороне стола громко был поставлен стакан. – Да, Амос, она действительно планировалось, но... кто-то вмешался и заключил с Авраамом Эбейссом более выгодный контракт. Точно не знаю, что обсуждалось, но, говорят, рассматривался некий проект по перестройки чего-то там. В общем, не имеет значения: сделка не состоялась. Отец готовил бизнес-план годами, и этот бизнес-план мог значительно помочь нашему материальному положению, но, видно, не судьба. Отец с того дня стал темнее тучи, никуда не

выходил, мало говорил. Мать ничего не могла с этим сделать. Семья постепенно теряла доходы – приходилось продавать акции и недвижимость. Мы были на грани. Не могли оплачивать счета. Отцу пришлось влиться в какие-то подпольный аферы, спасая свое положение. Он месяцами не появлялся дома. Жил на производстве, точнее далеко под ним: продавал какой-то товар, но какой – мы не знали. Кругом пошли слухи. Мать говорил, что в неё стали тыкать пальцем и о чем-то шептаться за спиной. Один раз даже под ноги плюнули. А она из благородной семьи родом – тонкая душа. Меня нет, отца нет – не выдержала, ушла из семьи: вернулась в родовое гнездо далеко отсюда. Через пару месяцев я приехал на каникулы – дом пуст, только я и водитель. Ещё через два дня пришёл отец: постарел за год сильно, поник. Я его обнять хотел, а он меня оттолкнул, сказав, что я во всем виноват. Я тогда подумал, что это он временно такой, после ухода матери все же. Но оказалось, что это только начало. Он работал все каникулы дома (по закону же я должен быть под присмотром), много курил, постоянно стал на меня кричать. Что-то не так сделаю, совсем чуть-чуть не так – сразу же придёт, разведет вопль о том, что я такой противный ребёнок, не могу ничего сделать, чтоб не сломать, не разрушить. Кричал и порой, что моя вина, что мать ушла от него. Со временем я так и стал думать, что это все из-за меня, но вы говорили другое... И я тогда понял, что он просто на меня все сваливает, все свои проблемы. Сначала обижался на него каждый раз, когда он

на меня кричал (чуть ли не плакал), а потом стал злиться, жутко злиться, видя это гневно распухшее лицо перед собой. Он кричал, кричал, что я мерзкое отродие, не способное чего-либо добиться, унижал меня на глаз своих друзей, которые смеялись с этого, говорил столько гадостей обо мне и о вас... Я очень был зол. Так зол, что однажды ударил его, когда он назвал нас «шайкой щенков помойных». Не понимаю, что тогда случилось, но я не сдержался и ушёл из дома. К ночи вернулся и с утра уехал в школу. Это было минувшим летом. Не знаю, что сказать. Всё каникулы, проведённые с отцом, я ненавижу. Все эти девять лет он только издевался надо мной морально... Знаете, один раз он даже перешёл к действиям: хотел, как он сказал, показать, что такое взрослая жизнь, и утопил мою Мечту, мою собаку, которую я так хотел. Он купил её, бросил мне (дал поиграть и возыметь надежды), а на следующий день я не нашёл собаку у себя в комнате, но нашёл свежевскопанную землю... Надеялся, что это шутка – раскопал её, но оказалось, что это была не шутка, а пакет с мёртвой Мечтой. Мне было девять. И никто об этом не узнал. Только вечером за ужином отец с ухмылкой сказал: «Теперь ты понял, какого, когда твои мечты уплывают от тебя», – у Рената слегка покраснели глаза. – Я тогда думал, что убью его; даже ночью к нему с ножом пришёл, встал над ним, но не смог... А он проснулся, увидел все это и смог, смог меня избить ремнем с железной пряжкой... Потом я долго нормально не сидел на стуле, да вы и сами помните... – он

усмехнулся. – Я тогда приехал сюда с большими ягодицами и весь злющий.

– О, да... – с теплом вспомнил Амос и затих, обнаружив, что друзья его услышали.

– А тут вы. Такие добрые и хорошие. Я не мог с вами быть тем, кем был дома. Не мог. И не хотел. Начал пытаться избавиться от гнева или, хотя быть, уменьшить его, но не получалось. Наверное, я слишком долго был под влиянием отца... Спустя два года безуспешных попыток самообладания мне стало страшно, что я такой же, как он. Тогда-то и пришлось обратиться к тебе, Мишель, – юноша улыбнулся тому, как Амос смешно поперхнулся, когда услышал это. – Да, я тогда сказал, что мне нужны терапии, и ты свела меня с хорошим психологом. Он помог, но не так много, как хотелось бы. Я стараюсь покорить мой недостаток, хоть недостаток этого и не хочет. С каждым годом я становлюсь все более агрессивным... Сложно временами сдерживаться. Порой боюсь стать таким, как мой отец, таким же безрассудным... Фух, – Ренат смущенно выдохнул, – похоже, это и было то, что меня волновало. Даже, вроде как, полегчало...

– Ты молодец, Ренат, – подбадривая друга, говорила Мишель. – Теперь-то, зная все, думаю смогу тебе помочь.

– Да? – с удивлением спросил юноша. – Это было бы чудесно.

– Да, я же создала Концентрат, создам и какой-нибудь Антиагрессин, – пожав плечами, в ответ засмеялась та.

– О, Мишель, я тебя так люблю: ты мой лучший друг! – обняв крепко девушку, сказал Ренат.

– Я тебя тоже люблю, как друга: ты хороший человек на само деле, – уверила его Мишель.

– Что... – в слух, размышляя, проговорил Амос.

– Что, Амос? – увидев это, спросила Мишель.

– Я... Я... – начал с придыханием юноша, но вдруг на диване произошло движение: Раф начал просыпаться, и друзья, забыв обо всем, устремились к нему.

– Что происходит? – полусонным голосом, пробормотал он. – А, точно, простите... – Раф хотел встать, но руки не слушались его, и юноша упал назад на подушку. – Вот же наказание... – закатив, а после и совсем закрыв глаза, добавил он, но больше не уснул.

– Лежи, Раф. Тебе нужно отдохнуть, – отозвалась на шептание своего имени Мишель и протянула ему красноватые таблетки. – Выпей их – станет легче, ну, ты знаешь... – и мило улыбнулась, смотря на его растрепанный вид.

– Да знаю... – юноша попытался чуть-чуть посмеяться, но пока что на это у него не было сил.

Он взял таблетки, проглотил их и запил водой, которую принёс ему Ренат.

– Не все же так плохо? – спросил растерянно Амос. – Или нам придётся вызывать медотряд?

– Нет, все хорошо. Приступ был несильный: проспал он всего немного, значит через пару минут сможет уже встать.

Я дала ему необходимое количество мегапрепарата из Естественно-научного комплекса. А они там знают свое дело, – отрекомендовала девушка и ушла к столу, чтобы налить Рафу чай.

– Эй, парень, с тобой все хорошо? – с небольшим задором прошептал Ренат так, чтобы Мишель не услышала, как он мешает больному восстанавливаться.

– Да... Кхе-кхе, все нормально, – медленно открыв глаза, подтвердил тот. – Минут пять и препарат начнёт действовать окончательно – я смогу продолжить жить спокойно, – успокаивающе дополнил юноша с жемчужным цветом волос.

– Из-за чего это у тебя, Рафи? – Амос говорил так всегда, когда его хрупкому другу было особенно сложно, трудно, крайне больно: Амос желал хоть этим маленьким ласкающим слух словечком, облегчить его состояние.

– Я... Нет... А-а! – Раф пронзительно закричал, схватился за волосы и начал качаться из стороны в сторону; Мишель в миг подбежала к нему, оставив кружку на столе.

– Что вы опять сделали? – тревожно спросила она, обращаясь к мальчикам.

– Да ничего... Я просто спросил: из-за чего это... И все! – выкрикнул в ответ Амос.

– Какой же ты, Амос... Ф-ф, – сдерживая раздражение, проговорила Мишель и тут же обратилась к стонущему от боли Рафу. – Послушай, – он не хотел никого слушать, – послушай меня, Раф, – он до сих пор извивался на диване. – Ес-

ли ты расскажешь, тебе станет легче: это все действие Концентра, не более. Не сопротивляйся, расскажи, – девушка кинула пронзительный взгляд прямо на него и попыталась удержать голову прямо, так чтобы он точно услышал ее.

– Но... – юноша, глубоко дыша, пытался противоречить. – Я... А-а... Ладно, хорошо, только чтобы больше мне никогда не было больно... – прошипел он и мигом изменился в лице: мучения утихли; ребята уселись поудобнее и подали ему чашку чая. – Хорошо, да, я всё расскажу.

И Раф поведал им о своём детстве. Он начал с того, что его семья изначально не была особо богатой – приходилось родителям скакать от одного места деятельности к другому. Они уставали, часто расстраивались, но любили и тешили маленькими радостями и его, и его младшего брата, всегда были рядом. В один момент родителям даже начало казаться, что все может наладиться, стать лучше: что-то крупное, по их словам, должно было произойти, но не произошло. Отец, опустив руки, конечно, продолжал работать то там, то здесь, но и начал много играть в подпольных казино. В следствие чего он пропадал ночами, а на утро приходил хмельной, без монеты в кармане. Маме это не нравилось – она много кричала, может, от безысходности, а, может, от обиды; они ругались. Раф тогда ещё не ходил в школу, когда все стало ухудшаться, и мало чего понимал. Однако уяснил, что лучше в такие моменты не показываться из комнаты. Они сидели с братом вдвоем и слушали давно записанные музы-

кальные записи матери, пока внизу все гремело и билось об пол. Так шли месяцы. Дети прятались, а родители кричали, обвиняя друг друга во всех их проблемах.

Однажды младший брат Рафа захотел попить, и Раф согласился осторожно провести его на кухню, мимо комнаты, где снова билась посуда. Тогда они впервые увидели, как отец ударил мать. Младший брат хотел заплакать, но Раф остановил его и увёл наверх. После этого случая мать начала выпивать, сначала немного, но потом все больше и больше, и все чаще стали слышаться хлёсткие удары о плоть и тонкий женский плач, перемежающийся стоном. От этого маленькое сердечко Рафа сжималось до предела: он любил родителей и не понимал, почему так происходило. Но как-то, когда песня резко прервалась и пришлось ждать перезагрузки плеера, он и его брат услышали, что отец крайне грубо выругался на мать, добавив, что она «мерзкая блудница» и «нарожала неизвестно от кого». Несмотря на все убеждения матери в том, что Раф и Александр его дети, отец сказал лишь одно: «В старшем я уверен и заберу его с собой, а это паскудное отродие можешь оставить себе». Мать взвыла и попыталась накинуться на него, но он оттолкнул женщину к стене – она ударилась и поняла, что по затылку полилась кровь. Тогда мать, рассмеявшись, как сумасшедшая, сказала: «А ты думал, что я не узнаю о всех твоих любовницах? Что так удивился? Да-а, я давно знаю, но долго скрывала это: думала, что одумаешься, но ты не одумался. И стала изменять тебе в

ответ. Ха-ха-ха. Да, Александр – не твой сын, но и Серафим – мой, и ты его не заберёшь!» – она попыталась кинуть в него сначала книгой, потом вазой, но он плюнул ей под ноги и ушёл, забрав старшего.

– Мама тогда стала пить раза в три больше обычного, – говорил, допивая чай, Раф. – Саша часто мне звонил, просил забрать к себе. Я их навещал раз в месяц и постоянно видел одну и ту же жуткую картину: она, обвешанная перегаром, лежит в ванной с бутылкой, кругом бардак, куча окурков и... я все чаще замечал синяки на руках и спине брата, новые и почти сошедшие. Я не мог на это смотреть и в лето перед третьим курсом выпросил у отца забрать Александра к нам (отец был не совсем рад этому, но теперь, вновь став успешным бизнесменом, ему было не солидно оставлять своего формального сына с полусумасшедшей женщиной). За месяц до начала школы мы приехали за братом. Отец остался ждать в машине, а я пошёл в дом; там стоял крик матери. Я осторожно зашёл так, чтобы меня не было слышно, и направился в зал. Там эта женщина вопила на Александра, как я понял, из-за разбитой вазы, ругалась на него, попутно обвиняя брата во всем, что с ней случилось: в том, что отец ушёл, в том, что семья развалилась, в том, что меня, «её золотце», – Раф процитировал эти слова с особым отращением, – забрали от нее, и в том, что он, Александр, родился. Помню, я не мог пошевелиться: страх сковал мои конечности. А брат, – с содроганием продолжал юноша, – брат

недвижно стоял в слезах. Он словно не замечал всех выпущенных в него слов и пытался все же любить мать, хоть она и была такой... такой отвратительной. Не знаю как, но она поняла его мысли, жутко разозлилась и закричала: «Зачем ты вообще уродился, ненужная ты... скотина!» – после послышался сильный удар... Брат упал, стукнулся головой об стол и тут же умер... – наступило минутное молчание. – Я очнулся ото всего этого ужаса, вбежал в комнату – попытался его поднять, спасти, но было уже поздно... Мать стояла в двух метрах от нас и с диким непониманием смотрела на свои руки. Пару минут в полной тишине я тихо плакал над телом брата. А знаете, что сделала она? Она оттолкнула меня, закричав, что я ужасен и что это все моя вина, что это я виноват в смерти Саши, что из-за меня она ударила его, что это я убил её сына, и громко зарыдала... На крики пришёл отец, напугавшись происходящим, вызвал отряд. Отряд приехал, забрал эту женщину, и уехал – осталась только машина скорой помощи... Тогда-то у меня случился первый приступ. Оказывается, я не могу видеть тела моих омертвевших близких... – Раф встал с дивана, отошёл к столу, поставил пустую кружку и вернулся к ребятам. – Меня откачали, выписали таблетки и сказали, что делать, если приступ снова начнётся, но не сказали, что делать мне со своими мыслями: с тех самых пор я почему-то постоянно виню себя в смерти Саши: я должен был вмешаться, я должен был его увезти, я должен был спасти его, я ужасный трус – это все то, что несконча-

емо крутится в моей голове, – на глазах юноши вновь начали появляться слезы, но он их стёр. – И теперь, когда кто-то кричит или обстановка становится опасной, меня охватывает страх, я падаю, бьюсь в конвульсиях и ничего не могу с этим сделать... Да, я определённо ужасен, как и говорила мать: даже сам с собой не могу справиться, – юноша глубоко выдохнул, поняв, что Концентрату больше нечего искать в нем.

– Как это печально, Раф... – удерживая слезы, подметила Мишель.

– Да ничего, обычно я держусь... – желая убедить подругу в обратном, попытался сфальшивить юноша, но Концентрат тут же дал о себе знать. – Ай! Я думал он перестал действовать, – воскликнул негромко он.

– Хах, нет, мой друг, он выбьет правду всю и целиком: я же много пролил, – с сочувствием усмехнулся Ренат.

– Да, точно... – точно подтвердив слова друга, произнёс Раф. – Ах, на самом деле, – более живо, чем при прошлом рассказе, продолжил он, – я не держусь: мне сложно. Я стараюсь, пытаюсь, но это слишком сложно. Усилия над собой отнимают все жизненные возможности – я слабею физически. Даже из-за этого синяки под глазами появились. Эх! Оказывается, очень сложно забыть прошлое и очень сложно изменить себя. Я как в клетке, только психологической: домой меня забирает отец на все возможные выходные, а там фотографии Александра, его игрушки... Мы же после ареста ма-

тери переехали назад, потому что отцу там «выгоднее жить», как он сказал, а мне – нет. Заходя домой, идя по коридору, я слышу те пронзительные крики и тихий детский плач на фоне их, отказываясь в зале – раз за разом вижу, как тело моего брата падает и падает, ударяясь об угол стола, который так и не убрали, как бы я и не просил: «это же не выгодно; мебель эксклюзивная, дорогая» ... С годами, думал, легче станет, но – нет, стало только больней: я же никак не могу расстаться с мыслями, что, если бы я тогда вступился за него, он был бы жив. И что делать со всем этим – я не представляю, – юноша нагнул над коленями и закрыл руками лицо.

– Эй, Раф, ложись, давай, – заботливо кладя друга на диван, говорила Мишель. – Если бы было можно просто сказать: перестань переживать – и ты бы перестал это делать, то мир сразу бы облагородился в моих глазах. Что мои слова тебе? Просто звуки. Но я постараюсь найти профессионалов – мы вместе сможем помочь тебе. Я обещаю. Ты, как никак, не виноват в том, что был тогда ещё ребёнком – ты просто испугался. Вина лежит лишь на исполнителе: если бы она это не сделала, все было бы по-другому... – девушка лёгким движением руки укрыла Рафа одеялом и села на край. – Ты лучше поспи и думай при том, что твой брат сейчас в лучшем месте, что там он счастлив, – нежно пожав руки засыпающего друга, сказала Мишель и направилась к столу.

– Спасибо, спасибо, что вы-ы-ы-слушали, – зевая, протянул Раф и тут же заснул.

– А не странно ли, что он так быстро уснул? – с лёгким недоверием спросил Амос, уже сидевший рядом с Ренатом за столом.

– Обычно – странно, а сейчас – нормально, – юноши впросительно посмотрели на Мишель. – Хорошо, объясню. Те таблетки, которые пил Раф, на самом деле содержали в себе медленно действующее снотворное, – растолковала она и вновь увидела тот же взгляд со стороны друзей. – Не смотрите на меня так. Это для его блага: после конвульсий он испытывал сильную боль и волнение, из-за которого она могла увеличиться. А так как ему пришлось сопротивляться Концентрату и рассказывать нам о его, – девушка на миг закрыла глаза и неодобрительно покачала головой, – страшном прошлом, то боль могла оказаться невероятной величины. Поэтому я и дала предварительно таблетки с красной меткой, как бы с самой сильнодействующей, зная, что у него что-то не так и что ему необходимо рассказать об этом. Вы не читали «Психологию от А до Я», что ли? Там же все понятно написано: «Пусть человек поведаёт вам добровольно о своих проблемах, и это станет первым шагом к исцелению» – то есть пока Раф не произнёс свои проблемы вслух перед нами, он не мог закончить переживать на счёт брата и в какой-то степени даже не хотел начинать свое исцеление от случившегося. Что же непонятного? – увидев недоумение парней, протянула Мишель. – Главное в жизни – это люди, а главное меж людьми – это взаимодействие. И чем его больше, тем

меньше отдельные личности страдают. Конечно, при условии, что взаимодействие здорового характера и основано на просветительских идеях. Вроде бы, все просто – не понимаю, что вас так затормаживает эта информация... – девушка беззвучно отодвинула стул, села на него и начала есть печенки из только что выложенной корзины со сладостями.

– Это означает, что ты, зная всемогущее действие твоего препарата, могла вполне специально навести и Рафа, и Рената на эти речи, угадав, что они нуждаются в помощи? – все более и более раскрывая план девочки, говорил Амос.

– Мишель? – настороженно спросил Ренат, обратив внимание на серьёзность слов друга.

– Ну... да, – чистосердечно призналась она.

– Мишель! – в голос крикнули ребята и тут же замолкли: где-то за спиной на мгновение прекратилось сопение Рафа, но тут же продолжилось.

– Чш-ш-ш! – шикнула девочка в ответ. – Таблетки не всемогущие, в отличие от Концентрата. И да – что? Что такого, что я помогла вам? – с удивлением дополнила она. – Я для вас стараюсь, даже не представляете как, а вы ещё и кричите тут, будя больного человека.

– Ты манипулировала мной! – шёпотом воскликнул Амос.

– Нет, – отрезала девушка в ответ. – Я просто знала, что может случиться, если оставить вас одних, но все мои эмоции были действительно настоящими: не могла же я наверняка быть уверена, что вы случайно не навредите ему. И если

бы я хотела тобой манипулировать, то я бы спросила тебя...

– Не надо... – прошептал испуганно Амос.

– ... что тебя мучит, мой милый друг, – сказала наперекор другу Мишель и была удивлена.

– Ничего, – без боли в голосе и теле, ответил все такой же привычный Амос. – Больше ничего не мучит меня.

Девушка пристально посмотрела на него.

– Хорошо, если не мучит, – заключила она. – Но точно ли всё? – и ровным тоном, без малейшей эмоции дополнила. – Настоящее, может быть, и не беспокоит тебя... пока что, как и будущее, а что же ты скажешь на счёт прошлого? Прошлое тебя не терзает, не приносит боль своими некогда случившимися событиями? – Мишель все глубже погружалась в свои вопросы и приближалась к нему, сопровождаемая любопытным и удивлённым взглядом Рената. – Что же, Амос, ты совсем ничего не помнишь из детства? – через минуту она стояла крайне близко к юноше; он смотрел в её глаза.

– Я... я... Зачем ты так? – пытаюсь отвлечься, говорил Амос. – Зачем ты пытаешь меня, как и их? – и указал на друзей. – У тебя чрезмерное желание всех исправить и всем помочь?

– Нет, Амми, – убедительно говорила девушка, – тебе я давно помогла – твоя чаша склонилась к лучшей юности, – она медленно села рядом с ним, приложила ладонь к его щеке и продолжила. – Мне нужно знать, что ты помнишь из детства: мне нужна информация, Амми, – девушка с надеж-

дой смотрела в его ослепительно красивые голубые глаза и нежно говорила о том, чего и не понимал Амос, но хотел во что бы то ни стало совершить.

– Да... – в беспамятстве согласился он, не зная с чем.

– Что – да, Амос? – шёпотом переспросила Мишель.

– Да, – быстро исправился юноша, выйдя из помутнения, – я расскажу, что помню.

– Спасибо, Амос, – с естественной радостью поблагодарила девушка.

– Да не за что... – пожал он плечами в ответ и начал свой рассказ. – Помню, – говорил Амос, – ещё будучи совсем маленьким, часто ходил с родителями гулять... Они были тогда никак сейчас – они были лучше... Мама меня часто целовала в щёчку, – потеряв место, где только что лежала рука Мишель, вспоминал юноша, – брала на руки и кружила, прижав к себе, а я через её плечо глядел на развивающийся от ветра нежно-розовый подол с какими-то красивыми цветочками, которые мне так хотелось оторвать и подарить ей... – Амос печально улыбнулся. – Она учила меня, что женщины заслуживают цветы, как минимум, по тому, что они так много терпят, скрывая свои чувства от мужчин... Я тогда её не понимал, а сейчас уж и поздно... Она ещё говорила, – с улыбкой дополнил он, – что когда я найду в себе любовь к другому человеку, то гореть сможет даже вода, что в ней засияют звезды... Бессмыслица какая-то, но почему-то мне всегда нравилось слушать, как она рассказывает о чем-то непонят-

ном для меня тогда... Помню, мне нравилось, как она пишет картины. Да, она художник по профессии и натуре, чего я долго не понимал, ибо папа... папа всегда говорил, что это бесполезная трата времени. Сначала он говорил, потом стал осуждать маму из-за её выбора, дальше – запретил рисовать в доме (мне тогда семь было уже), а под конец и вовсе, как мне известно, убрал все картины из дома. Странно, но это его выбор, как и дом... Раньше же он был не такой: в тот момент, когда меня кружила на руках мама, папа играл на фортепиано что-то плавное, текучее, как медленная река, но порой с порогами... – Амос вновь печально усмехнулся. – Он был любящим отцом, который помогал мне учиться писать и читать, а потом стал прократианцем, который показывается раз в год из проектора или вообще забывает о моем дне рождения... Помню, ещё не уехав в школу, где-то за пару месяцев до этого все чаще стал слышать, как они громко о чем-то спорят – меня это всегда пугало. Не знаю почему, но это было так. Они говорили о какой-то работе чего-то, что я всегда не мог расслышать, говорили и обо мне что-то, но, так как был на этаж выше, я не слышал всего. Удалось однажды только разобрать, что ничего, кроме лиги отца, я выбрать не должен и не могу, и что при любых затруднениях определённно не будет Лиги Искусств. Тогда я не понимал, о чем идёт речь, да и не хотел. А как они отдали меня в школу и больше не навещали никогда, вы и так знаете. С отцом у нас встреча была лишь через экран в тот раз, когда меня

поймали на улице, а подарки он отправлял через учителей. Ну, про смартфоны вы знаете: никаких гаджетов в школе, хоть и у некоторых учителей я все же замечал их... ну, вы знаете. Вот, вроде бы, и все, – со вздохом завершил Амос.

– А на счёт чего ругались твои родители? – с интересом спросила Мишель.

– Да не помню: давно же было... А зачем тебе? – насто-рожившись, прошептал Амос.

– Да неважно. Расскажи лучше, почему твой отец так не любит Лигу Искусств?

– Если честно, не особо знаю: при мне не говорилось на такие темы... – юноша грустно посмотрел вдаль комнаты и вдруг заметил, что на висевших там часах уже 3:30 утра. – Мишель, черт! – выругался он, начав быстро собираться.

– Что такое? – растерянно спросила она.

– Время! – посмотрев на те же часы, воскликнул Ренат. – Мы можем не успеть! – и побежал будить Рафа.

Мишель оглянулась, чтобы увидеть, который час.

– Вот же договорили! – ошеломленно крикнула она. – Через полчаса придёт охрана сюда, а мы ещё не успели уйти! – девушка мимолетно начала помогать Амосу собирать рюкзак. – Ренат! – позвала она юношу, который не мог разбудить спящего друга. – Прижми это к его носу! – кинув какой-то пузырёк с жидкостью Ренату, выкрикнула Мишель; юноша поймал его.

– Что это? – спросил он.

– Концентрированный нашатырь – поможет в момент; только закрой нос перед тем, как открывать, – ответила девушка, уже собрав все со стола и настраивая костюм.

Ренат поднёс открытый флакон, предварительно задержав дыхание. Раф, проснувшись от жуткого запаха, тут же закашлялся.

– Что такое? – отдыхаясь, говорил он. – Почему, кхе-кхе, эта жидкость так пахнет?

– Ну, – закрыв флакон, отвечал Ренат, – этого я не знаю, но знаю, что, если ты сейчас же не настроишь костюм, то поползешь по грязи с открытой головой и точно уж не будешь благоухать ближайшие пару дней.

– Неужели я проспал? – испуганно вторил Раф.

– Нет, мы все просмотрели и проговорили... – объяснял ему друг, уже полностью обличенный в защитное одеяние.

– Давайте живее! – крикнул от выхода им Амос, уже готовый к возвращению.

– Идём! – ответил ему быстро собравшийся Раф через пару секунд.

Четверо ребята стояло у двери.

– Жаль, что мы не успели ничего посмотреть, но хоть поговорили, – подметила верно Мишель и открыла дверь. – Пойдёмте: нам пора, – девушка вышла, а за ней вышли и остальные.

Минув туннели и не попавшись охране, которая в четыре утра уже шла на дежурство, друзья за полчаса преодолели

несколько коридоров до восьмого курса. Там юноши тихо попрощались с Мишель, заранее отдав ей защитные костюмы, и направились в свой корпус, щеголяя разноцветными пижамами. Устав за долгий день, трое друзей, придя в 223-юю комнату тут же разошлись по кроватям, пожелав друг другу выспаться за оставшиеся два с половиной часа и не проспять начало занятий.

Глава десятая

– Кто-то сверху нынче омрачён печалью, – говорила месяц спустя, озираясь на небо, Мишель О'Роуз, пред которой по стеклу балкона медленно прокатилась капля дождя. – Надеюсь, кто-то там печален лично, а не общественно, иначе – это дурной знак... – удалившись от своего класса, в межурочное время она перебирала стопку бумаг с различными схемами, чертежами, множеством знаков вопросов и некоторыми видневшимися досье. – А знаки в этом мире – крайне важная вещь... Так, – девушка достала из толстой близ лежащей папки пустой листок и стала в него всматриваться, – это определённо то, что мне нужно. Да, это именно то... – не успев заключить, она дернулась, чуть ли не уронив всю стопку бумаг: в тишине дальнего угла коридора какой-то мальчик громко открыл дверь и вышел из класса. – О, ужас. Ах-ха-х, – рассмеявшись над своей реакцией, продолжила Мишель. – Что же я говорила? А, точно, – девушка вновь взяла тот чистый лист и, оглядываясь по сторонам, сунула его в самую глубь папки. – Надеюсь, к вечеру успею все перевести в новый формат... Можно, наверное, попросить Амоса помочь... Нет, определённо нельзя. Никто здесь не должен знать, особенно он... Ему не пережить такое: он слишком ранним, – умиленно улыбнувшись, Мишель стала собирать все свои бумаги в чёрный саквояж средних размеров с малень-

кой красной меткой в виде громкоговорителя на ручке. – Но мне нужен свой человек на тот случай... если что-то пойдёт не так... Все же придётся ему рассказать, но кто же сказал, что все? Да, так и поступлю: поведаю лишь самую малость.

Аккуратно положив последний листок, девушка подняла сумку с пола, чтобы застегнуть, и тут что-то коснулось её плеча.

– А-а! – вскрикнув, Мишель захватила то, что дотронулось до неё, и собиралась перекинуть это через себя, но тут оно закричало от боли: этим чем-то был Амос. – Амос! Что ты делаешь тут? – с недовольством прикрикнула девушка.

– А-ат-пусти, – протянул юноша, не в силах вырвать себя из рук хрупкой Мишель.

– Оу, прости, – она отпустила его, и Амос рухнул на пол. – Вставай, давай, – девушка подала ему руку.

– Спасибо, что не убила, – поднимаясь, удивлённый голосом говорил юноша.

– Да это так... Ты неожиданно появился, а я тут занята была... – девушка, скрывая за собой саквояж, приснилась к плазменному окну балкона.

– Откуда ты так хорошо знаешь приёмы захвата?! – говорил Амос, переживая произошедшее. – Я думал, что ты не ходишь ни на один вид борьбы... Я чуть не умер от страха, когда ты меня схватила!..

– Что ты здесь делаешь, Амос? – протяжно спрашивала Мишель, умеряя взволнованный тон друга.

– Да... я как бы хотел узнать на счёт сегодняшней прогулки: пойдём мы или нет, так как завтра ты же знаешь... бал уже... – юноша опустил глаза, едва заметно покраснев.

– Думаю, – она задумалась, – думаю, да. Но у меня есть одна просьба: сегодня только вдвоём.

Юноша, тотчас же взбодрившись, быстро заморгал и не мог долго сказать что-нибудь дельное: одни несвязные звуки вперемешку с вопросительной интонацией – девушка положила ему руку на плечо, ласково улыбнулась и ответила на его непонимание:

– Так нужно, Амос, – говорила она полушепотом. – Возможно... возможно, мне нужно кое-что рассказать... Оно личное, очень личное и очень тайное. Амос, ты понимаешь, что они не должны знать о том, где ты будешь этой ночью? – девушка с серьёзным видом взяла свой саквояж и поднесла к Амосу. – То, что здесь лежит, – стоит не миллионы, миллиарды или квадрагинтиллионы – оно стоит жизни. И тот, кто владеет этим саквояжем, находится в опасности, ибо содержимое имеет историческое значение: с помощью него я могу изменить мир... в самом прямом смысле, – юноша смотрел на неё не то со страхом, не то с паникой, не то с непониманием. – Ты даже не представляешь, что я узнала за эти года, ты не представляешь, кто и зачем создал все это, – и она обвела взглядом вокруг себя. – Только ничего не говори ни сейчас, ни потом и никому. У меня через минут пятнадцать начнётся урок – я не могу спрятать эту сумку, но ты сможешь...

Да, Амос, спрячь её так, чтобы никто не знал, где она, кроме тебя. Я её заберу вечером, как подготовлю все к завтрашнему балу, но потом снова отдам, а ты снова её спрячешь и принесешь её уже только к полуночи в Естественно-научный комплекс: мы должны будем кое-что сделать, – девушка подняла саквояж, нажала на красную метку, и он исчез – Амос удивился, ибо все ещё его чувствовал. – Не переживай: это мой новый прогрессик в защите информации. Так никто не увидит её. Просто возьми за ручку и, ничего не говоря, иди и прячь его. Если понял, кивни, – юноша смиренно кивнул в ответ. – Хорошо, спасибо, до встречи... – они пожали друг другу руки, Амос, порой оглядываясь, пошёл в сторону от Мишель. – Отлично, – оставшись одна, девушка от усталости присела на балкон и протерла глаза. – Теперь дело за малым: перенести документы на телефон и отдать его мисс Хидден...

Отдавшись слабости, девушка хотела оставшиеся пару минут провести в молчании и тишине, но тут её курс вышел из-за угла и с хохотом и криками направлялся к кабинету близ неё.

– Ты точно фрик! – слышалось в метрах двадцати от неё.

– Тебе наряд-то кто подбирал? Бабушка? Ах-ха-ха, – гудела толпа, шедшая вокруг одного темнокожего мальчика в полосатом жилете с бабочками и в серых штанах с маленькими цветочками в самом низу штанин.

– Ах-ха, – искусственно отсмеивался он, – точно бабуля...

Прямо с того света! Хах...

– Во-оу, – протянул кто-то сзади, – да твой юмор темнее, чем... чем ты! Ах-ха-ха, – на миг затихшая масса школьников вновь залилась смехом.

Тот юноша казался весёлым.

– Что происходит? – ровным тоном спросила Мишель подошедших ближе однокурсников.

– Да ничего... – все замялись, пытались что-то ответить, но лишь мямлили, как и всегда, когда Мишель указывала им на их неправоту.

– Не надо, Чарльз, – остановив объяснения голубоглазого блондина со смазливой внешностью, быстро проговорила она. – Я знаю, что что-то не так. Что это за глупые шутки? – продолжила девушка твёрдо и не терпя пререканий.

– Да мы просто пошутили: он же выглядит, как не знаю кто! – встрял в разговор высокий кареглазый брюнет, точно с такой же смазливой внешностью, как и тот блондин, по совместительству главный разжигатель смешков в сторону милого мальчика в полосатом жилете.

– Что значит: «он же выглядит, как не знаю кто»? Тебя безусловно не должно волновать, Дигс, то, как он выглядит, то, что он носит, и то, каким ему быть. Это его выбор. Если он так хочет, если ему так нравится, то вы все, – Мишель указала пальцем на сконфуженную толпу школьников, – вы все не имеет права его осуждать: это его жизнь.

– Да ничего, Мишель... Это же просто шутки... – запинаясь,

ьясь, говорил тот мальчик в жилете с бабочками.

– Нет, Ник, – девушка аккуратно взяла его руки. – Это – не «просто шутки». Это – то, что тебя расстраивает, то, что тебе не нравится, – мальчик с легким испугом отпрянул от неё. – Не надо, Ник, – Мишель продолжила с тем особым тоном, который словно указывал всем, что стоит делать и как, – они тебя больше не будут задирать. Да, ребята? – ей не решительно кивнула пара людей. – Ты прекрасен по-своему. Помни это. И вы, – девушка вновь обратилась к толпе, – вы тоже прекрасны по-своему, но, пожалуйста, уважайте прекрасное в других; не надо самоутверждаться за счет оскорбления и унижения – пусть и не специального – более уязвимых. Я знаю, что вы лучше и выше всего этого... Тем более все помнят, что произошло в прошлый раз... – погрузившись в воспоминания, Мишель с однокурсниками поникли на какое-то неизвестное для них всех время: может, час, может, два, может, на те действительно оставшиеся две минуты.

По коридорам пролетел звон, сообщающий о преддверии урока (время, чтобы ученики зашли и приготовились к занятию).

– Ладно, не будем о грустном, надеюсь, мы все всё поняли, – с доброй и живой улыбкой заключила Мишель, пропуская ребят вперёд.

– Спасибо, Мишель, – сказал ей Ник, проходя в класс, и за ним же эхом звучали вновь и вновь эти слова от всех тех, кто переступал порог кабинета, заходя внутрь: все они знали,

что без неё каждый мог бы был оказаться на месте Ника, и никто бы им не помог, никто бы не вступился: все бы либо наблюдали, либо терзали насмешками...

– Будьте добрее – это важно, – завершив свои рассуждения, светлоголовая девушка вошла в класс.

Прозвенел второй, начинающий занятия, звонок.

Урок прошёл незаметно для неё, как и последующие часы после него и после всей учёбы. Также незаметно для себя она пришла к Амосу, не отвечая на его вопросы, забрала сумку, лишь сказав: «Позже, все позже» – незаметно оказалась в своей комнате и незаметно перевела информацию с листов на телефон. Посмотрев в окно, она поняла, что незаметно наступил вечер, так же незаметно, как наступит и конец её жизни: быстро и бессмысленно... И она очнулась: в комнату зашла соседка.

– Эй-й, – задорно протянула невысокая полненькая девушка с фиолетовыми волосами, – Мишель! – окликнула она одноклассницу, заметив, что та, не слышит её.

– А, точно! – радостно отозвалась девушка. – Привет, Викки, – и обняла подругу.

– Я захожу, а ты тут в темноте стоишь со страшной сумкой в руках и меня в упор не слышишь. Что за безобразие? – притворно рассердилась Викки.

– Ах-ха, да я так... задумалась что-то...

– Ой ну и ладно! – вскрикнула от нетерпения та в ответ. – Смотри, что у меня есть! – девушка достала из громадного

пакета какие-то две длинные запечатанные вещи.

– О, боже! – весело выпалила Мишель. – Это же они? – с восторгом спросила она.

– Да! – ответила ей также Викки.

Девушки завизжали от радости.

– Я бы так хотела его поскорее надеть... – сменив настрой прошептала Мишель. – Оно такое красивое...

– Да... – подтвердила подруга. – Моё хоть и красивое, но твоё – безупречное... восхищаясь вторила она.

– Ну что ты, – считая платье Викки таким же красивым, как и свое, сказала Мишель.

– Ой, перестань! – отнекивалась та. – Все и так понимают, что вы с Амосом будет прекраснейшей парой на балу, – Викки, улыбаясь, подтолкнула подругу локтем. – Ну, а мы с Ренатом так, ничего особо пышного: просто красивые! – девушки захохотали.

– Какая же ты забавная, Викки! – нежно приобняв подругу, подчеркнула Мишель и получила новую порцию «ой, ну ты!» в ответ. – Ты же знаешь, что с Амосом мы не пара. Он всего лишь пригласил меня на бал...

– Ну конечно! – будто обиженно, но по-доброму фыркнула девушка. – Будто не видишь, как он смотрит на самого уникального и непревзойденного человека в этом мире, на тебя, Мишель? – нежно продолжила Викки. – Будто не знаешь, что этот чёртов юный Эбейсс по уши влюблен в тебя? Ты ли, мой вечный Концентрат правды, не замечаешь

его чувств к тебе? – в её глазах читалось непонимание вперемешку с удивлением и заботой.

– Знаю, Викки, знаю... Именно поэтому я согласилась пойти, но и именно поэтому мы всего лишь друзья... – взяв пакет с запечатанным платьем и прочими украшениями, Мишель встала с дивана близ окна и направилась в гардеробную.

– Тогда я тебя не понимаю! – крикнула ей подруга вслед и пошла за ней. – Лучший парень всей школы, да и всего мира, наверное, готов сброситься ради тебя с крыши, пойти против устоев отца и постоянно висеть в той жуткой клетке наказаний, а ты: «Мы с ним просто друзья!» – дразня соседку, пылко говорила она. – Что за безрассудство?

– Викки... – глубоко вздохнув, Мишель села на маленький пуфик в гардеробной. – Ты пойми: во-первых, я иду против его семьи – вряд ли она одобрит такие отношения их ребёнка; во-вторых, он заслуживает того, кто будет любить его больше, чем свои дела, а я люблю больше то, чем я занимаюсь: оно важнее для меня, чем Амос... хоть я этого долго и не могла признать; и в-третьих, моя жизнь слишком опасна, чтобы я втягивала кого-то в неё, тем более чтобы втягивала туда такого хорошего и удивительного Амоса. Он мне дорог, но... это не судьба. После завтрашнего бала все закончится: он уйдёт в другую страту, а я – нет, – лицо девушки омрачилось, а губы налились алым цветом. – Ах, теперь всё понятно, Викки? – собравшись, тепло спросила она.

– Да-а, – довольно протянула подруга в ответ.

– И что же тебе понятно? – переспросила её Мишель.

– То, что ты все же любишь Амоса! – завизжала Викки и подпрыгнула от радости.

– Викки! – в комнате разлился девичий смех.

– Жаль, конечно, но вот мы с Ренатом... – подруга задумалась. – Думаю, он предложит мне жениться! Завтра же! А если нет, то я сама предложу! – импульсивно вскрикивала Викки. – Что ты смеёшься? Ну что смешного?! – смотря на задыхающуюся от смеха Мишель, вопрошала она.

– Да ничего... Ах-ха-х... Я думаю, что все будет хоро... – но девушка не успела договорить: на столе зазвенел телефон. – Подожди, Викки, – Мишель вышла из гардеробной и настороженно взяла трубку. – Алло, – тревожно слетело с её губ.

– Здравствуй, Мишель О'Роуз, – послышался на другом конце глубокий, спокойный голос.

– Как вы нашли меня? – переминая пальцы спрашивала девушка.

– Тебе известно это – не притворяйся, Мишель, – все также спокойно звучал голос из телефона.

– Я догадывалась, что рано или поздно, но вы поймете, насколько я близка к победе... Всё же, я надеялась на лучшее... Как же мне вас называть?

– Можешь просто мистер, мисс О'Роуз, – плавно ответил ей мужчина.

– В таком случае, вы можете называть меня Мишель, – твёрдо, без единой нотки сомнения прозвучали слова девушки.

– Вам известно, что мы давно узнали, кто и когда декодировал наши архивы, мисс О'Роуз. И также вам известно, что вы зашли слишком далеко. Так далеко, что нам придётся действовать во благо сохранения информации.

– Да, мне это известно, но ещё мне известно, что школа – единственное защищённое в нужной степени место.

– Хах, – усмехнулся мужчина с каким-то злобным оттенком, – вы даже не представляете, насколько вы заблуждаетесь... Вы не подумали над моим предложением... – он хотел договорить, но Мишель его перебила.

– Я знаю, что в ближайшие два дня я определённо не изменю своих решений, мистер.

– Жаль, что вы так и не поняли, Мишель, очень жаль. Но я даю вам последний шанс: вы согласны отдать всю информацию нам и позволить совершить операцию? – прошипел мужской голос в телефоне.

– Нет, – однозначно заявила девушка.

– Тогда прощайте. Прощайте навсегда, мисс О'Роуз, – с мёртвым спокойствием завершил разговор прокрастианец по другую сторону экрана и сбросил звонок.

– Черт! – прошептала Мишель, громко положив телефон на стол.

– Мишель! – зайдя в комнату, удивился Амос. – Ты же не

выража...

– А ты что тут делаешь, Амос? – шёпотом перебила его девушка, все ещё озадаченная звонком.

– Да как же? Время выходить... Я вот и пришёл за тобой, – ответил смущенный Амос и обратился с приветственным рукопожатием к Викки. – А ты почему еще не у Рената? Он тебя там ждёт и ждёт... – сказал он ей.

– О, боже! – завопила та. – Я совсем забыла! – и начала быстро собираться. – Пока туда, пока сюда, вот же!.. Всё, прощайте! – девушка мигом вылетела в открытую дверь.

– Они собирались посмотреть вместе фильм, – пояснил Амос, увидев недопонимание Мишель.

– А, точно, – вспомнив, поморщилась та в ответ. – Ладно, минуту подожди: я переоденусь из школьного, и пойдём.

– Хорошо... – протяжно проговорил Амос и сел на кресло в ожидании девушки.

Мишель зашла в гардеробную, с тяжестью в голове и бессилием в руках сняла с ближайшей вешалки платье и рухнула на стул, стоящий недалеко от шкафа с одеждой. «Надеюсь, они не станут действовать открыто, надеюсь, они подумают о других школьника и сделают то, что хотят как-нибудь тайно, не на виду у всех...» – думала про себя девушка, надевая белые оксфорды, шурованные алыми лентами. «Думаю, нужно верить, что я успею отдать телефон мисс Хидден, и тогда, может быть, мне выпадет шанс остаться в живых...» – застегнув платье, говорила она своему отражению в зеркале,

которое заплетало ей косу.

Мишель собралась, оделась и вышла к Амосу. Ещё не услышав слов восхищения её внешним видом, девушка поняла, что для него она сейчас прекрасна. И вправду, длинное непышное белое платье с полупрозрачным воротом и кружевами, словно из девятнадцатого века, шло ей бесподобно. «Что может быть лучше, чем вечная классика? Только её возвращение в моду» – сказала она ласково другу и, взяв принесенный саквояж, вышла из комнаты; Амос вышел вслед за ней.

Они – по просьбе девушки – шли молча, ни о чем не разговаривали и постоянно обходили камеры слежения. Саквояж им не особо мешал, но при встрече с другими курсантами приходилось прикладывать усилия, чтобы выглядело естественно то, что в руках у них его нет; на их счастье, мало кто скитался по коридорам в столь позднее время.

По прошествии получаса они оказались у входа в Естественно-научный комплекс. Амос думал по-обычному зайти через главные ворота, но Мишель повела его вокруг ограды. Так им пришлось ещё полчаса провести в хождениях. Юноша уже хотел было заговорить, но девушка остановила его, покачав головой в разные стороны – он замолк с негодованием. Тогда она, достав из сумочки маленькое зеркальце, присела на землю и положила круглый предмет близ ограды. Амос не сразу понял, что делает Мишель, но, увидев, что ограда начала подниматься после её действий, осознал, что

это её очередной метод взлома системы. Но зачем – он пока что не понимал.

Девушка осторожно взяла Амоса за руку и, отодвигая ветки, направилась в гущу выстроившихся кустов. Куда же они идут? Кусты, кусты и деревья – ничего не видно. Некоторое время казалось, что ребята ходят по кругу. Но вот! Амос видит, как вдали, там, куда они идут, что-то ярко светится. Что же это?.. Светильник? Фонарь? О, нет, как бы не так. Это луна! Такая ослепительная и завораживающая, с жемчужным отсветом плыла над тёмным морем перед ними.

– Где это мы? – тихо, едва шевеля губами, спросил юноша.

– Остров Ваадху, Амми... – стараясь не нарушить минуту восхищения, прошептала Мишель. – Ну, почти...

– Ослепительно... Что значит «почти»? – оторвавшись от полуночной красоты морского пляжа, спросил Амос.

– Это... – подбирая подходящие слова, пыталась объяснить девушка, – это модель своего рода, то есть это не остров, а лишь имитация. Ты же видела, что мы шли через перелесок, не окружённый водой. Следовательно, это не остров...

– Мишель, – тепло улыбнувшись, перебил её Амос, – я знаю географию..., и ты тоже, поэтому скажи, что ты имела в виду.

Девушка смутилась.

– Ладно, – прервав молчание, заговорил юноша, – если ты не хочешь, можешь не говорить, – и ласково улыбнулся, мягко пошлепав её по плечу.

Девушка кивнула головой в ответ и сбросила невидимый режим в настройках саквояж, просто приложив свою руку ко дну.

– Мы пришли сюда именно из-за этой сумки, – начала она, видя, что друг был весь во внимании и специально для большего понимания присел на имеющуюся здесь одинокую скамью. – Как я говорила, сумка имеет великое значение, настолько масштабное, что я боюсь, что может случиться что-то непоправимое из-за той информации, за которой я охотилась все эти восемь лет. Я не могу рассказать, что именно тут, но ты должен мне довериться и помочь... – присев рядом с юношей, Мишель поставила саквояж меж ними и, взглянув прямо в глаза, спросила его: – Ты сможешь мне, Амми?

– Я хотел открыть его, – начал юноша в ответ, – думал, что пойму, почему все так скрытно...

– Ты открыл?

– Нет, – негромко произнёс Амос.

– Почему?

– За эти года я научился тебе доверять, и, если ты говоришь, что это надо спрятать два раза за день, я спрячу, а если потом попросишь молчать, я буду молчать. Если ты, Мишель, что-то просишь, то значит, что это действительно необходимо. Я принял это не так давно, но на данный момент я уже весь в твоём распоряжении... – юноша лучезарно улыбнулся. – Так что от меня требуется?

– Ты... молодец, Амос, молодец, – девушка хотела сказать что-то другое, но понимала, что не могла этого сделать, и потому лишь печально вздохнула. – Да, – собравшись с силами, говорила она, – ты нужен мне для очень важной миссии: сегодня мы должны сжечь эту сумку.

На минуту юноша впал в ступор.

– Да, Амос, ты прятал сумку для того, чтобы я её сейчас сожгла... Но это не то, чем кажется, – друг вопросительно посмотрел на девушку. – Здесь оригиналы той информации, за которой я охотилась. Они в своём бумажном виде не читаемы, но являются переносчиками кодов. То есть, если я хочу понять, что там написано, то я должна считать код благодаря специальному устройству и воспроизвести его в голографической проекции. Но есть один минус: на бумаге остаются незаметные для глаза штришки, которые говорят, что и кто переводил с этих листов. Таким образом, я нахожусь под подозрением, но, если нет оригиналов, то нет и факта взлома сверхсекретной информации. Ничего сложного. Нужно просто сжечь оригиналы, а то, что мне нужно, останется на вот этом телефоне, – достав небольшой сенсорный экран, отметила девушка.

– Ты определённо гениальная и сумасшедшая одновременно, – заключил в ответ Амос. – Не знаю, что и зачем ты делаешь, но я готов помочь сжечь эту сумку.

– Хорошо, большое спасибо, Амми, – обняв друга, продолжила Мишель, – но это не все.

– Что ещё? – настороженно спросил он.

– Тебе придётся забрать телефон.

– Зачем? – с непониманием поинтересовался юноша.

– Я не могу оставить его у себя: моя комната не так защищена, как твоя – на меня могут напасть... – Амос подумал, что это шутка, но, увидев серьёзное лицо девушки, понял, что это не так.

– Ты ещё и в опасности! – резко встав со скамьи вскрикнул он.

– Амос, не переживай... – хотела объясниться Мишель, но юноша её перебил.

– Не переживай?! – встревоженно выпалил он. – Ты не говорила, что делаешь что-то настолько опасное! Я сейчас же сожгу и телефон! – Амос разгоряченно кинулся к Мишель, желая забрать телефон, но девушка уклонилась и отбежала от него. – Отдай его! – крикнул тогда Амос.

– Нет, – спокойно, но твёрдо отрезала Мишель. – Ты хоть и стал другим, но в тебе осталась эта пылкость, точно Ренат! – с упреком прозвучавшие слова остановили юношу в паре шагов от нее. – Вот и хорошо, – она указала на скамью, блестящую под лунным светом, – садись, – и они сели. – Я хотела сказать, что телефон опасен для меня только тогда, когда он рядом. Если он будет у тебя, мне ничего не угрожает.

– Почему? – растерянно спросил Амос.

– Там долгая история, на которую у нас нет времени...

Просто доверься мне ещё хоть раз, Амми... – протянула Мишель.

– Хорошо. Пойдём, – Амос уверенно взял её за руку и направился ближе к морю, прихватив попутно саквояж.

Он развёл костёр. Она обработала сумку горючим.

– Бросай, – ровным тоном сказал ей юноша.

И она бросила – саквояж поглотили языки пламени.

«Он тает и горит, тает и горит... Я ли этот саквояж? Или кто другой?» – подумала про себя Мишель и невзначай посмотрела на Амоса – юноша безмолвно наблюдал за движениями огня. «А он? Он тает и горит? Содержит он в себе столь много, как этот саквояж? Или, как все, лишь плавит что-то ценное?.. Он прекрасен – он горит. Он раним – он тает. В нем любовь... – он саквояж» – и девушка невольно рассмеялась.

– Что с тобой?.. – не понимая ее неожиданное действие, спросил Амос.

Она вновь рассмеялась.

– Мишель?.. – обеспокоенно продолжил юноша и услышал лишь беззаботный хохот в ответ. – Да что с тобой? – тревожно воскликнул он. – Ты так... переживаешь?

– Ах-ха-х, н-ничего, все хорошо... Вух, – выдохнув, успокоилась девушка. – Просто очень забавно это... – нежно улыбаясь, объяснялась она.

– Точно? – серьёзно был дважды задан вопрос.

– Да, Амос, точно... – уверила она, но юноша все равно

недоверчиво качнул головой.

«Он хороший. Жаль, что просто друг... – переливалось в голове Мишель. – Он так смотрит, что многие бы отдали за такой взгляд жизнь... я бы безусловно отдала... но моя жизнь давно мне не принадлежит – я не могу... Вот сейчас, сейчас смотрю на огонь, но чувствую, что он смотрит на меня. Не надо. Мне и без того больно... Как жаль, что он просто друг! Как жаль, что ничего не изменить...» – гремело вновь и вновь в её душе.

– Пройдёмся, может быть, по берегу? – предложил Амос, угрюмо отвернувшись от Мишель.

– Пройдёмся, – коротко ответила девушка и взяла его под руку.

Они зашагали вдоль побережья.

– Сегодня, когда ты отдала мне саквояж, – начал огорченный чем-то юноша, – я сначала ушёл, даже успел дойти до комнаты... но потом вернулся и...

–... что-то услышал? – продолжила его мысль девушка.

– Да, – подтвердил он, – я услышал, как ты говорила с Ником и с остальными. Я лишь хочу сказать, что очень рад, что существуют такие люди, как ты: вы делаете жизнь лучше.

– Спасибо, – поблагодарила его Мишель и увидела в глазах мальчика желание сказать что-то, что волновало его еще. – Это все? – спросила она.

– Нет, – слегка застенчиво и сомневаясь, ответил юноша. – Ещё я слышал, как ты упомянула про какой-то «тот раз».

Мне показалось странным, что после этих слов все изменились в лице... Если тебе нетрудно, ты расскажешь, что это значило?

– Хорошо, – согласна отозвалась девушка и тут же дополнила: – но, если ты вдруг увидишь, что из моих глаз полились слезы, просто подай мне платок: никаких слов, никаких эмоций – просто платок, – юноша однозначно кивнул ей в ответ. – Прекрасно, тогда начнём. Тебе, верно, известна история двухлетней давности про девочку на год старше меня?

– Та, которая сошла с ума, а потом изуродовала себя?

Мишель досадливо усмехнулась его словам и поправила друга:

– «Сошла с ума» ... Нет, Амос, она была вменяема.

– Но она же... – хотел договорить что-то юноша, но Мишель резко прервала его.

– Нет, Амос, она не была сумасшедшей. Я знаю, потому что я говорила с ней.

– Ты не рассказывала, что была близко знакома с этой девочкой... – озадачено промолвил юноша. – Я думал вы не общались.

– Да, мы редко беседовали с ней. Наверное, это было ошибкой, но тогда меня интересовало совсем иное. Хоть иное интересует меня и сейчас, но теперь я понимаю, что стоит уделять внимание мелочам.

– Ты это к чему? – перебил её любопытствующий Амос.

Девушка тяжело вздохнула.

– Однако, я надеялась, что ты будешь более терпеливым, – отметила, ничуть не рассердившись, Мишель и увидела, как мальчик покраснел. – Если ты хочешь услышать что-то, то просто слушай... – переключив внимание на блистающую луну, она заговорила медленнее. – Школа, седьмой курс. Мы уже образованы, но ещё неопытны, потому совершаем ошибки. Я, как ты знаешь, слегка отличалась своими предпочтениями и вкусами в вопросах отдыха и развлечений, – юноша улыбнулся. – Да, в то время мне нравятся испытания, но моим сверстникам уже нравятся мальчики... В этом и была беда: маленькая девочка Олисавья влюбилась в старшеклассника. Ей – тринадцать, ему шестнадцать. Каковы успехи получить взаимность? Нулевые... как мне казалось. Но – нет. Открытки, валентинки, маленькие подарочки и редкие возможности подойти к тому юноше наедине, чтобы никто не знал, дали почву его влюблённости. А знаешь, почему никто не должен был знать? Правильно, потому что пошли бы слухи, а девочка их жутко боялась. Ведь кто она? Какая-то жалкая, некрасивая семикурсница, которой повезло заполучить внимание такого ослепительного старшеклассника, как думала она! Да, юноша действительно был красив и изящен, но к тому же и изрядно зависим от мнения окружающих. Понимаешь ли, невыгодно ему с ней даже общаться: высмеют же! Но... юноша, похоже, и вправду тогда влюбился... Или ей все казалось? Вот в чем вопрос. А знаешь ли, Амос, откуда столько известно? Да, ты знаешь. И я знаю: до всех до-

шли слухи. Только большая часть, как ты, я и Ренат с Рафом не реагировали на всякие мелочные сплетни юных девиц и разглагольствующих парней. Но были и те, кто желал, кто горел желанием посмеяться над чем-то необычным, например, над чувствами маленькой, застенчивой девочки с седьмого курса... – девушка прошла пару метров в раздумьях. – Я тогда не подходила к ней с помощью: надеялась, что она справится сама, ведь видела, насколько она сильный человек. Но! жизнь удивляет. Оказалось, за маской безразличия девочка скрывала гору угнетающих её комплексов. Ты, скорее всего, в то время хоть раз слышал, будучи неподалёку от моего курса, как на девочку «в дешёвой школьной форме» при любом её появлении вблизи от одноклассников того парня сыпались упрёки и издевки. Ты, скорее всего, даже помнишь, как она выглядит: слегка засаленные волосы, убранные в низкий хвост, простенькая местами изношенная одежда, на лице неудачно нанесённый поверх прыщиков тональный крем (он, казалось ей, придаёт лицу хоть какую-то ровность), очки в большой оправе, а за ними – удивительные глаза, которые, к огромному сожалению, никто почти что и не замечал... У неё действительно были очень красивые глаза, но всем и дела не было до них, ибо сначала они видели «поношенную одежду и кривоватые ноги», а то, что они видели, то и кричали ей вслед. «Тебе на голову вылили масла?», «Ты родом ни из курятника случайно?», «О, а мех на твоих руках согревает в холодные зимние вечера?» – слы-

шала Олисавьѣ постоянно, изо дня в день. Это задевало её сильно, но не ранило. Ранило же другое: когда издевки над внешностью мешались с тем чистым и настоящим, что она так бережно хранила и лелеяла, с её любовью к тому старшекурснику. «Ты, Боб, – так звали парня, – уверен, что встретишься с девушкой?» – бух! Удар. «Она же комплекцией, как какой-нибудь задрот!» – бух! Ещё удар. «А щетина на её лице не мешает вам обжиматься?» – бух! Рана. И так постоянно. «Тебе не стоит с этим отрепьем таскаться!» – бам! Больно. «Ты что, серьёзно говоришь, что она милая? – надежда. – А, ты пошутил! Вот это я понимаю!» – бам! Вдвойне больно. «Она же уродка! – бух! – Правильно, что бросаешь эту замарашку,» – бух! Бах! Бам! Конец. Её это убило. Вечные издевательства, насмешки, ложь, как ей казалось, со стороны человека, который был для нее смыслом жить – все это убило её внутри... – девушка перевела дыхание и продолжила. – В начале мая (да, столько месяцев ей пришлось жить в своём собственном аду) кто-то выкрал из лаборатории в Естественно-научном комплексе флакон, но не раскрыли с чем он был. Так как кругом камеры, все сразу узнали, что похитительницей оказалась Олисавьѣ. Флакон сразу же хотели забрать, но определённое нахождение девочки не смогли отследить, потому весь курс, включая меня, бросили на её поиски, предварительно сказав, чтобы мы никому ничего не говорили, а в случае обнаружения тотчас же сообщали куратору по делам о преступлениях в школе (тебе же из-

вестно, как все у нас строго, особенно с воровством). Разделившись, каждому пришёл приказ в каких местах смотреть: по камерам отследили слепые зоны, где могла бы прятаться Олисавя. Действовали быстро, ибо все понимали, что ни к чему хорошему это не приведёт. По стечению обстоятельств или по велению самой судьбы выпало найти её мне. Девочка стояла на балконе близ запасного выхода с открытой бутылочкой в руках и будто знала, что приду именно я. Она, услышав шаги, повернула в мою сторону свое заплаканное лицо и сказала: «Привет, Мишель, однако ты долго, – я не поняла. – Мне крайне хотелось, чтобы это была ты, – я снова не поняла, но уже попыталась сказать, что лучше ей отдать флакон и пройти со мной; тогда-то я все и загубила. – Жаль, очень жаль, что ты, как и все, не способна принять мои желания, – качая головой, отвечала она. – Я надеялась, что ты, может быть, постарайся мне помочь, но – нет: ты на стороне садизма, – я попыталась уверить её в обратном, и это было ещё одной ошибкой. – Смешно, что самая успешная ученица до сих пор боится стрессовых ситуаций и не умеет говорить с будущими самоубийцами, – я испугалась: мы были на третьем этаже, а в руках у неё неизвестная жидкость. – Ты, наверно, думаешь, что я спрыгну, – почему я раньше не знала, насколько она хороша в психологии поведения. – Но можешь не бояться: это не стало бы уроком для всех тех, кто еще не понимает, что нельзя считать человека куском мусора. Из-за его вида или проблем – хоть из-за чего. Мой

же урок покажет, что действительно уродливо, – я хотела подойти, но страх неминуемого сковал мои ноги. – Они говорили, что я страшная, – я терпела; они говорили, что от меня ужасно пахнет, – я молчала, пыталась простить их, но, когда они заставили поверить в это Боба, так что он прямо в лицо сказал мне: «Ну ты и правда мерзкая» – на мои слова о любви, тогда-то я поняла, что должно стать их расплатой, – я ждала, что она будет делать. – Сзади тебя записка – ну, ты знаешь, как поступают суицидники – отдашь её, кому надо – пусть все узнают, что стало причиной моего сумасшествия, как скажут потом. Но я хочу, чтобы ты знала правду: в тебе есть силы все изменить». Она тогда так светло улыбнулась, что более красивой я её ещё никогда не видела... Но, не успев опомниться, мой взгляд застыл на том, как она подносит к лицу флакон со словами: «Наше геройство не пройдёт мимо – люди будут помнить. Прощай,» – и резким движением руки выливает все его содержимое себе на лицо, – на минуту голос девушки задрожал. – Она жутко закричала... А я не могла и сдвинуться с места... Помню, тогда забежала толпа людей – все были в ужасе от увиденного, но кто-то все же смог вызвать медпомощь. Как позже выяснила экспертиза, Олисавья вылила на себя едва ли ни смертельный раствор серной кислоты. Все думали, что она умрёт, но она выжила... оставшись навечно, как она после попыталась сказать, «тем самым уродом» ... – Мишель невольно присела на песчаный берег.

Юноша, поражённый рассказом, аккуратно приобнял её и подал обещанный платок.

– Нет, все уже хорошо, – сказала та в ответ, пытаясь улыбнуться, но взяла предложенный лоскуток ткани из его рук. – Просто... мне очень больно от осознания, что время идёт, я пытаюсь что-то исправить, а мир все равно до сих пор отягощается жестокостью ежедневно; насилие и расправа являются чем-то обыденным, чем-то привычным для нас, и мой час уходит, а людей, желающих помочь в этом деле не прибывает, – девушка смотрела на него с искренним беспокойством и надеялась, что он сможет её понять, но Амос не понимал. – Смотри... – окончательно увидев безвыходность своего положения, Мишель лишь только указала на разгоревшееся всей гаммой цветов море. – Звезды пали с неба... – сказала она и предрекла: – Падём же с ними и мы.

Глава одиннадцатая

Белые костюмы с ядовито-цветастыми полосами в соответствии лиге курсанта, чёрные туфли и точно такие же, чёрные, перчатки, присланные каждому ученику его семейством в индивидуальных застекленных шкафчиках, парящих рядом с комнатами, предвещали скорое начало майского бала. Что же такое – этот бал?

Пять утра. Школьникам даётся полчаса на личные сборы (посещение ванной и гардеробной); ещё полчаса – на путь до своего комплекса. Шесть утра. Все на месте: десятикурсники разошлись по своим занятиям мастерствами – тренировка. Девять утра. Подготовка к церемонии закончена. Репетиций больше не будет. Курсантам вновь даётся полчаса на путь до своих комнат и полчаса – на повторные сборы. Десять утра. Почтмейстеры семейств выпускников декодируют отпечатками ладонь владельцев-курсантов заблокированные парящие шкафчики и вынимают оттуда костюмы, не забывая выложить украшения – приглашают для каждого ученика собственного слугу их дома. Слуги наносят макияж девушкам и слегка припудривают юношей, помогают обоим надеть праздничную одежду, уложить волосы и подобрать аксессуары, располагающиеся выбором в виде различных серёжек, шляпок-вуалеток, цилиндров и запонок. Первый час. Курсанты выглядят безусловно идеально. Им даёт-

ся тридцать минут на повторение речи Великим магистром; ещё тридцать – на дорогу до Аллеи цветов (места празднования). Два часа. Выпускники там, где и должны быть, но пока что одни: двести двадцать три курсанта молчаливо и бездвижно стоят в семи колоннах, разделившись на девушек и юношей внутри каждой группы. За ними – зелёный газон и каменные тропинки, школа. Перед ними – желто-красный лес, раздвинутый надвое недлинной, широкой дорожкой из плит белого мрамора, по краям усаженной розовыми, гранатовыми, бежевыми цветами и темноствольными деревьями им под тон. Путь усыпан лепестками, а в конце его сверкает белизной тринадцатиметровый пьедестал с беломраморным столом, который постепенно занимает для себя собрание Высших магистров. Два часа двадцать две минуты – небо потемнело. В разгар дня наступила ночь, но курсанты не переживают: им известно, что это и есть начало их последнего выпускного экзамена, начало их торжественного конца.

Издалека, оттуда, где заняли свои места все Высшие магистры, точь из-за их спин, начали выходить преподаватели, кои встречались школьникам в течение всей учебы. Они стали выстраиваться по окружности пространства где-то далеко от учеников. Курсанты понимали, что пора идти вперед. Благодаря специализированному костюму, созданному на заказ у самого Вердолча, который умудрился превзойти самого себя и спроектировал на основе прогресса инженерии такую ткань, что она не деформировалась при любом воздействии

на неё, ученики могли двигаться так, как им было угодно, потому шествие обещало быть энергичным.

Первой двинулась колонна Лиги Министров. Возглавил её ослепительно красивый Амос в белых перчатках. Он быстрым движением вынул из внутреннего кармана своего пиджака небольшой револьвер и выстрелил по направлению к магистрам. Из дула оружия вылетела пуля. Но это была непростая пуля: она в полете начала раскручиваться вокруг себя и тем самым раскручиваться сама, что в итоге превратило её в несколько широких длинных лент разного цвета и формы. Магистры поначалу обеспокоились, увидев, как в них выстрелили из настоящего оружия, но спустя пару секунд они расплылись в улыбки, когда их лица едва задели ленты с какими-то цветами на концах. Так было положено хорошее начало.

Из задних рядов стали выпрыгивать акробаты, выпуская под звездную крону деревьев светонесущих лавгуд разных оттенков, по бокам растянулись конные колонны, с которых то и дело соскакивали всадники и всадницы, перелетая с одних жеребцов на противоположных, тех, кои гарцевали по другую сторону шедшей толпы. Где-то в середине первой колонны поднялись две девушки и юноша, которым приходилось удерживать выплеснутую одноклассниками воду в виде летающих драконов, бегущих анибир и маленьких бабочек с помощью радиоволновых устройств на их руках, а откуда-то, из второй колонны, идущей впритык к первой, были выпу-

щены десятки механических золотых и серебряных жучков, парящих рядом с их «водяными друзьями».

Как только последний курсант Лиги Министров перешёл на мраморную дорожку с каменной, сразу же за ним направился первый из Лиги Сбыта и Добыч, потом последовала вся Лига Разрешения и Подсчетов, далее – Лига Просвещения, за ней – Оздоровления и Образования, предпоследней шла Лига Персонала, а заканчивала шествие Лига Искусств с их белыми, как и у всех, костюмами, но светло-голубыми и нежно-розовыми «фейерверками» по всей одежде, включая брюки и чёрные туфли.

Со всех сторон летели блёстки, расстился цветной дым, впереди гремел оркестр нечто мажорное и запевали выученную наизусть песню некоторые, самые одарённые голосом, курсанты. Идти до «широкой зоны», как называли ученики огромное округлое пространство близ пьедестала Высших Магистров, усыпанное лепестками белых и красных роз, оказалось утомительно и долго, но спустя некоторое время они колоннами заняли места, указанные их руководителями. Наступила тишина.

Огромный шатер, растянувшийся над головами курсантов и преподавателей, на мгновение померк в ночной мгле и вновь зажегся, но не тем теплым свечением лавгуд, а новой гаммой кислотных цветов: красным, желтым, зеленым, фиолетовым и синим; откуда-то из поднебесья клубами повалил дым. В темноте показался спускающийся диск с неизвест-

ной фигурой человека. Неопределенной она оставалась до тех пор, пока полигамный свет не перестал литься, и вместо него снова не зажглись фонари и лавгуды – в поблескивающем незнакомце каждый присутствующий узнал того самого громкоголосого Райтера Власовича. Он спустился в центр образовавшегося круга прокрастианцев и прокричал:

– При-и-и-вет, выпускники! – толпа загудела и спустя полминуты одновременно замолкла. – Как потрясающе, молодцы! – воскликнул игриво посыльный им в ответ и продолжил более спокойным тоном. – Мне крайне радостно, что вы научились всему, что следовало узнать. Мне крайне радостно, что, минуя столько лет, мы снова встретились с вами, – Райтер обвел всех выпускников взглядом, – но не радостно, что с вами, – и брезгливо указал на магистров и преподавателей, быстро обойдя некоторых. – Каждый год одни и те же прокрасты, представляете? – дерзко и наигранно сказал он и тут же изменил выражение на более невинное. – Так о чем мы?.. Точно. Выпускники, – ярковолосяый мужчина присел на парящий близ него диск и совсем серьезно начал объяснять. – Сегодня, как всем известно, вы должны без происшествий, – он загадочно улыбнулся, – закончить проживание и обучение в этом мире. Могу сказать, что в этот прекрасный вечер вы точно получите свой последний урок и перейдете в Краптитлэнд, каким способом – увидите сами... – посыльный медленно прокрутился, сидя на диске. – Хм, что интересно – так это моя работа здесь. Мне платят за то,

что я связываю вас с Инвизибильей, как они говорят, но... Думаю, я многое сказал – кто понял, тот понял, – соскочив с места, мужчина быстрым движением достал из внутреннего кармана своего пиджака небольшую темно-бордовую ручку. – Итак, ребята, – он обвел рукой всех учеников, – преподаватели, – кивнул учителям, – и мои высокоуважаемые магистры, – и отвесил низкий поклон в сторону мраморного стола, – начнем же! – воскликнув с особой саркастичностью, Райтер встал на диск и подлетел к левому краю столешницы. – Уважаемые друзья и поклонники, ха-ха, сейчас внимательно слушаем, что я буду говорить. Всё ясно? – спросил он у курсантов и, получив единовременное согласие, поднял ручку выше. – Это – особый предмет не для вашего понимания, это – Перо вечности. В случае, если вы ограниченный прокрастианец, не любящий изучать что-то новое, поясню: данный объект, скоординированный по вашим заслугам и отметкам, нанесет каждому из вас на запястье некий шифр, код, похожий на вероформов ваших лиг и содержащий некие штришки, по которым, если отсканировать их, можно узнать, кто вы и как вы обучались. В течение жизни будут проявляться новые штришки и отметинки – это нормально, поскольку вы же будете еще учиться, потом работать и так далее. Таким образом, ваше запястье – ваше досье. И если хотите оставаться инкогнито, то советую прикрывать до поры до времени. Во-от и всё, – растянув последние слова, сказал Райтер Власов, тем самым обращаясь к Высшим ма-

гистрам. – Любезнейшие, прошу.

Из-за мраморного стола поочередно начали вставать прокрастианцы в абсолютно ядовитых цветом костюмах и черных мантиях, практически закрывающих их белые перчатки и черные туфли. Они друг за другом называли лиги, которые возглавляли, должности, которые занимали, свои имена и имена тех курсантов, кто к ним приближался, следуя так называемому списку в Пере вечности.

Первым оказался Амос и его лига. Он, высоко подняв голову, подошел к Райтеру, подал оголенную левую руку, громко объявил себя, имена своих родителей, и, пока посыльный наносил ему обжигающим концом ручки рисунок в виде огромного клубка, катающегося на весах около сердца и мозга, образуя собой цифру восемь, юноша прочел выученную наизусть клятву Высшему магистру. Амосу было больно, но он не стал показывать вида, как не стали и все остальные ученики его и других лиг, которые сначала подходили к своим магистрам, а потом направлялись к Райтеру и жгли свою кожу, оставляя на ней все те самые символы, что однажды уже видел Амос в день перед принятием в школу; все, кроме одного: вероформа лиги Рената не было тогда. Но сейчас, по прошествии нескольких часов, на последней руке, руке искусника, появляется небольшая луна, окруженная несколькими звездами. «Так вот что должен был увидеть я тогда! Как все-таки ослепительно-завораживающе!» – воскликнул про себя юноша, мигом взглянув на запястье ухо-

дящего к совей колонне ученика Лиги Искусств. Но недолго могло длиться его восхищение: Высшие магистры разом поднялись со своих мест – пора произносить окончательную клятву.

«Дарованное нам, предвещенное нам мы сложим и обуздаем. Сложенное нами и обузданное нами мы обратим в пользу. Все обращенное в пользу нами за годы мы сохраним навек. Вечность – это лишь слово; оно покориться нам. Я клянусь, мы клянемся!» – заученные наизусть предложения мигом слетели с губ нескольких сотен прокрастианцев и разлетелись по ветру. Последующее секундное молчание было нарушено резким взрывом фейерверков и звонким голосом посыльного.

– Прекр-р-р-асно! – прогремел, улыбаясь, Райтер Власов и взлетел еще выше. – Дорогие курсанты, оставляю вас здесь праздновать ваш первый и последний выпускной! А я удаляюсь! – крикнул он и растворился в дыму зажжённых цветочных хлопушек.

Кругом послышались аплодисменты, заиграл оркестр, в центр выкатили огромную блестящую сцену, на верху которой запел какой-то артист, по сторонам расставили столы с закуской и напитками, к ним придвинули диванчики, магистрам принесли отдельные угощения, по всей площади разошлись курсанты и слуги, следящие за порядком – началась вторая часть празднования.

Выпускники перекусили, отдохнули и были готовы продолжить официальное представление для гостей и преподавателей, чтобы в скором времени, после традиционного вальса и ухода магистров с большей частью учителей, спокойно повеселиться, не думая о внимании со стороны. Они стояли по краям площади, ожидая начала музыки и тех, кто должен был подойти на танец.

– Смотри, смотри... – шёпотом вдруг начало вториться со всех сторон.

Что же там? Кто же там?

По мраморным плитам и лепесткам роз грациозно двигались две девушки, приковывая к себе все внимание расступившихся курсантов. Это Викки и Мишель небыстро шагали чрез толпу.

В тот момент, когда они поочередно вошли в «широкую зону», Амос, Ренат и Раф стояли у одного из столов на окраине площади, поглощая все, что попадалось под руки.

– Ох, ребята, как я рад, что наконец могу поесть, – говорил Амос, закидывая к себе в рот очередную виноградину.

– О, да. Я тоже очень рад, – отвечал ему Раф, поедая пирожное.

– Я, парни, был настолько голоден, что дай мне живую птицу, то... – но что бы он сделал, Ренат так и не договорил: в это мгновение перед ним появилась Викки. – Хэ-э-эй, моя фиалочка, какая ты сегодня краси... – но как только юноша хотел мигом обнять свою девушку, из толпы засматриваю-

щихся однокурсников вышла Мишель, и Ренат потерялся. – Амос, – окликнул он друга, – ты должен это видеть...

– Чт..., – не успев договорить, юноша повернулся и был поражён. – Вау, – из-за спины Викки, одетой, как большинство девушек курса (в белое платье, но с нежно-фиолетовым полосами) показалась Мишель.

Яркое красное платье, величественно сидящее на ней, переливалось всеми оттенками цвета. Алые подолы, рюши и кружева под тон ее червонным губам гармонировали с редкими линиями белой ткани, придавая светлой коже с легким румянцем отдельное изящество. Ровно севший, но несильно затянутый корсет на ее хрупком теле искусно подчеркивал линии открытых ключиц, багряные ленты, вплетённые в распущенные волосы лаконично развевались от легко ветерка, оживляя в образе девушки нежные черты. Белые блестящие туфли, порой выглядывающие из-под платья, были украшены красными и чёрными полосами, а прекрасное, исключительно красивое лицо с небольшим количеством праздничного макияжа становилось все ближе и ближе к восторженному лицу Амоса. И вот оно тут, в нескольких сантиметрах от него, так близко. Чуть-чуть и можно коснуться губами... Но нет, она что-то говорит, а он не понимает. Сказать бы ей о чувствах, так сильно терзающих юношеской сердце. Но что? Что ты говоришь ему и зачем? Все же и так ясно. К чему слова, когда он тебя не слышит. Когда он мечтает открыться тебе.

– Амос... – Мишель осторожно потрясла друга за плечо. Юноша очнулся.

– Что? Ч-что? – пытаюсь вспомнить, что ему говорили в последние минуты, вторил он.

– Мишель спрашивала: не опоздала ли, – помог ему недавно подошедший Раф.

– Да, Амос, я это и говорила, – с лучезарной улыбкой подтвердила девушка.

– Прошу, прости, – обратился к ней растеряно Амос. – Я слегка утомился и...

– ... замечтался? – дополнила неспешно Мишель.

– Да, да... – отвечал покрасневший юноша.

– А еще она спрашивала, как скоро мы пойдем танцевать, но, думаю, уже и так понятно... – вновь напомнил другу Раф и мигом направился в другой конец площади, туда, где была его пара для вальса.

– Черт! – негромко воскликнул Амос, увидев, что все уже расходятся по своим местам, а он так и не поговорил с Мишель. – Как же так! – возмущался юноша, услышав первые ноты из композиции Фридриха Шапана, под музыку которого им следовало танцевать.

– Может, ты все же пригласишь меня? – шепотом спросила его девушка.

– О, да! – тихо воскликнул Амос, перейдя на свое место где-то в центре, и, сделав поклон, предложил ей руку – она согласилась.

Сто тринадцать пар закружилась под звуки известного композитора.

– Мне интересно, – шептала Мишель другу, – где ты оставил телефон, – и подбрасывала лепестки роз своим подолом.

– За картиной Рената в той древней подвальной комнате, – тихо отвечал Амос и направлял её вправо.

– Не думаю, что это лучшее место, – лицо Мишель выразило переживание. – Сегодня я должна его забрать и отдать тому, кто сможет во всем разобраться, поэтому после моего выступления мы пойдём за ним: к шести часам прибудет куратор.

– Куратор? – удивился Амос.

– Да, но я не могу пока что рассказать большего... Я бы хотела, но это уже не моя тайна.

– Хорошо, я все понимаю, – с радушием улыбаясь, отвечал Амос. – И прости, что не спрятал телефон лучше... – он виновато посмотрел в голубые глаза Мишель. – Я не знал куда.

– Ничего. Возможно, это и правильно, но – потом: на нас смотрят, – слегка наклонив голову в сторону седовласого преподавателя географии, которой пилил их глазами уже минуту, прошептала Мишель и аккуратно присела на пол, как и все остальные девушки.

Курсанты кружились и кружились, следуя звукам фортепиано и блеску собственных праздничных костюмов.

– Смотри, какие они счастливые, – по-доброму говорила

Викки, танцую с Ренатом в паре метрах от друзей. – У них были бы красивые дети.

– Ах-ха-х, – негромко рассмеялся юноша в ответ на глупые, по его мнению, слова, – у нас тоже будут красивые дети, – прошептал он ей на ухо. – Как только мы закончим практику и устроимся работать...

– Ахах, конечно, да... Но они... – продолжила о своем девушка.

– Что они? – терпеливо спросил Ренат.

– Они созданы друг для друга. Это судьба. Они были бы прекрасной парой. Ты видел, как они смотрят друг другу в глаза? Это просто что-то... Но я никак не понимаю, почему они не вместе. Все же так просто: взять и быть рядом... – быстро проговорила Викки в тот момент, когда всем девушкам следовало присесть. – Надеюсь, у них все получится, – и замолкла, видя осуждающий взгляд того учителя географии.

– И я, – тихо согласился Ренат.

Музыка играла, переливалась и струилась прямо через души курсантов. Она двигала их телами и соединяла их судьбы. Музыка вела этих детей к далеким мечтам и вселяла надежды.

– Мне бы хотелось тебе кое-что сказать, – начал вновь Амос, оставив страх осуждения позади.

– Хм, что же? – отвечала ему Мишель, собирая подолом платья лепестки.

– Ты... – он замялся. – Ты очень красивая сегодня, – и

выпалил не то, что хотел.

– Спасибо, – нежно улыбнувшись, поблагодарила девушка. – Ты тоже сегодня отлично выглядишь.

– Благодарю, – юноша отвёл взгляд и вновь попытался: – Я ещё хотел сказать...

– Что же? – с осторожностью спросила Мишель.

– Я хотел сказать, что ты мне... ты мне нравишься, – закружив девушку, говорил Амос.

– Ах, Амми, ты тоже мне нравишься: ты хороший человек и отличный друг, – словно пытаясь что-то скрыть, прошептала быстро она.

– Нет, я не об этом... – он поклонился Мишель в ответ на её заключительный реверанс и схватил за руку, пытаясь удержать на месте.

– Амми, мне пора! – воскликнула негромко девушка и указала на группу людей, зовущих её.

– Но я хотел сказать...

– Амми, – торопливо говоря, обратилась она к юноше, – я до глубины сердца понимаю, что ты хочешь мне сказать, и я бы с великой радостью приняла твои чувства, но я не могу. Пойми, что у меня другая цель, и что я должна уйти не только сейчас, но и навсегда...

– Мишель! – выпалил Ренат, подбежавший к ним. – Живо пошли: ты же знаешь, что оркестр не будет ждать, – и выхватил её руку из руки Амоса. – Пошли!

– Стой! – окрикнул его Амос. – Почему, Мишель? – спро-

сил он встревоженно у девушки.

– Ты все сам должен понять, – ответила, остановившись она, – прощай... – и направилась в сторону сцены.

– Ну хоть что-нибудь оставь для подсказки! – с криком последней надежды обратился вдогонку он.

Мишель остановилась, неожиданно развернулась и с грудью полной тоски бросилась к Амосу.

– Только не верь отцу, – прошептала быстро она крепко обнявшему ее юноше и тут же направилась бегом к сцене, попутно крича:

– Только помни – остальное неважно!..

– Что?.. – одурманенно произнес Амос, глядя ей вслед.

Что-то внутри юноши умерло, не успев ожить.

– Пойдём, друг, – неожиданно прозвучал из-за спины голос Рафа, – у них скоро начнётся выступление, как только половина присутствующих уйдет. А мы пока что можем спокойно поесть.

Амос, не до конца осознавая происшедшее, как в тумане последовал за другом.

В то время, как четверо ребят разделились по парам, и одни ушли подкрепиться, а другие – подготовиться к следующему номеру, большая часть преподавателей и все, без исключения, магистры поспешно удалились за тот мраморный стол, откуда и появились пару часов назад. Что было там: тропинка, дорожка или дверь – никто не знал: белая пелена густого дыма обволокла эту часть площади беспро-

светно. И так получилось, что наблюдать за выпускниками осталось от силы двадцать учителей. Но никто не задумывался: смогут ли они защитить или уберечь курсантов в случае опасности, ведь это казалось бессмысленным. Кто, будучи в здравом уме, попытается напасть на самое защищённое место в Лэндсдриме, да и как? Высшая школа – единственное заведение с супермощной охраной в виде президентских войск, прибегающих при первом зове, и сверхинтеллектуальной блокировочной оградой, благодаря которой ни одна душа не пройдёт незамеченной.

– Как Ренату все же повезло с Викки, – говорил, слегка краснея, Раф.

– Ну, да, я думаю: они хорошая пара, – отвечал ему потерянно Амос, поглощая очередной кусочек грейпфрута. – Но к чему ты это? – он посмотрел на друга с подозрением.

– Да я так... Вот, оглянись, – Раф указал ему на место близ сцены, туда, где стояла Викки, придерживая парадный костюм Ренат, пока тот переодевался в примерке, – она так осторожно его взяла и сейчас следит, чтобы не появилась ни одна складочка, хоть костюмы и модернизированные, и она это знает. Викки... так мила, – с ужимкой объяснил Раф.

– Да, Викки действительно забавная и очень хорошая девушка. Я бы и не подумал, что... Мишель окажется так права, познакомив их для взаимной помощи, – Амос по-доброму ухмыльнулся. – Но я все же не понимаю, почему ты об этом заговорил. Мне казалось, что тебя не интересуют отно-

шения... Только не говори, что она тебе понравилась...

– Нет, Амос, – печально начал Раф, повернув голову к сцене: впереди друзей загремел оркестр и полилась музыка. – Хотя ты и не прав в одном, но третье из двух ты угадал. Веришь ли, иногда каждому – даже самому независимому и сильному – хочется, чтобы рядом был человек, для которого стоит жить. Тебе ли не знать? – юноша однозначно кивнул туда, где появилась группа курсантов в концертных костюмах.

Парами юные артисты поднимались на верх сцены, напевая что-то замысловато-задорное. В блестящих костюмах красных, розовых, голубых, зелёных, серебристых цветов они, прищелкивая пальцами и подпрыгивая, как на батутах, шли все выше и выше. Но вот миг – и они наверху кружат вокруг себя и друг друга, кружат так, что становятся все ближе и ближе. Что там? Кто там? Кто внутри этой толпы? Да! Это Мишель...

– Ей не нужны мои чувства, друг, – вспомнив слова Рафа, Амос, сдерживая слезы, едва покачал головой, но все равно улыбнулся: он увидел, как девушка выбежала из центра и начала сольно петь в такт музыке.

– Тебе так кажется, и только, – уверенно говорил ему юноша.

– Не-ет, – еле продолжал Амос, – мне это не кажется: это правда...

– Друг, – хотел приободрить его Раф, – это же сама Мишель. Если она тебе даже это сама сказала, не значит, что это полностью так. Кто может знать наверняка, что происходит в душе простого прократианца? А тут непревзойдённая Мишель... Задал бы ты вопрос: дорог ли ты ей. Я бы точно ответил: да. Спросил: неужели она так нуждается в тебе. Я бы снова ответил: да. Даже если ты спросишь: любит ли она тебя – я вновь скажу: да. Но не мне говорить, почему ей нужна такая любовь, не мне объяснять, почему Мишель избегает твоих чувств: я определённо этого не знаю. Да и знал бы – не сказал. Если она что-то делает, то так надо. Не забывай этого.

– Хах, – не желая обидеть друга, попытался закончить Амос, – ты научился так разглагольствовать от неё? – и поддружески толкнул Рафа.

– Да, – юноша резко покраснел и опустил голову. – Единственное, что меня ждёт в этой жизни, – это мои слова и размышления; с ними я и умру...

– Эй, к чему так печально? – Амос удивился тому, как свободно и уверенно прозвучало это от Рафа. – Разве ты не собираешься начать отношения? Пойти на работу? Создать семью? – он попытался отвлечься проблемой друга.

– Работать, может и буду, – отвечал юноша, – но в отличии от Рената я никак не преуспел с преодолением своих страхов и апатий... – медленно проговаривая каждое слово, Раф будто усиленно пытался сжать стакан с соком так, чтобы тот

разбился, но у него не выходило. – Я думаю, мне и не побороть то, что так мешает быть счастливым, – тогда юноша залпом выпил все его содержимое.

– Эй, не переживай, – почти не расстроенно говорил Амос. – Ты все сможешь, и я обещаю, если что, то мы всегда тебе поможем. Не забывай: я, ты... Мишель и Ренат – мы всегда будем друг у друга несмотря ни на что, – и подал ему руку, тем самым подтверждая свои слова.

– Спасибо, – Раф крепко пожал ему руку в ответ, но, коротко улыбнувшись, не стал смотреть в глаза; Амос же, на счастье друга, местами был не наблюдателен, и потому подумал, что все теперь хорошо.

Под мишурой и багровым дымом, на высокой спиралеобразной сцене в этот момент выступали двое их друзей – ребята решили, что не должны пропустить финал номера и подняли головы выше, туда, где девушки и юноши в поблескивающих костюмах вторили в такт двум главным певцам: Ренату и Мишель. Юноша выпускал темно-синих бабочек из чёрных широких рукавов и подхватывал на руки девушку в белоснежном костюме с кружевами. Он поднимал её над собой и кружил под звёздным небом мира Абисмунди, признавая, что самой яркой звездой навсегда – для него и всех – останется Мишель.

Амос не отрывал взгляда от той, с которой вместе хотел прожить вечность. Он следил за каждым её движением, словно пытался найти в них ответы для успокоения своей возбу-

дображенной молодой души, но ничего не выходило: ответов не было, а сомнения и надежды продолжали терзать его изнутри. Почему она так сложна – он не понимал... А может не хотел понимать? Может, Мишель его привлекала только потому, что он не смог познать её полностью? Потому что она – вселенская загадка, тайна и бесконечный ребус без решения? Что было бы, если бы он, один из умнейших юношей того времени, приложил чуть больше усилий и попытался её понять? Любовь бы прошла? Завяли бы сады?..

Говорят, что, когда разрешимым становится последний вопрос, тогда перестают существовать интрига, увлечение и страсть – синонимы, объединенные общим желанием всепознания и обладания. Если есть у человека завораживающая тайна, личная и сокровенная для него, его маленький секретик в спичечном коробке или большой секрет под грудой одежды на чердаке, она всех манит, привлекает и возбуждает желание приобрести, рассмотреть. Хорошо, когда другой человек, открывший вашу коробочку, лишь полюбуется содержимым и аккуратно положит назад, стараясь сохранить первозданность, но плохо, когда, по неопытности или, к сожалению, по глупости, бывает иначе: за ненадобностью «чужого хлама» этот человек публично выкидывает все булавочки, фантики да кружева, которые вы с таким трудом собирали и прятали внутрь бумажного ларца, когда он даёт свободу подкравшимся воронам раскидать ваши сокровища по ямам и дорогам, когда он, вместо коробочки с секретика-

ми, возвращает лишь обрывки бумаги, подмокшей и бесполезной. Тогда-то вы и понимаете, что слишком опасно хранить булабочки да кружева, и опустошаетесь, оставив одну оболочку на память.

Но хорошо бывает тоже нехорошим. Порой случается, что зрители полюбуются, рассмотрят, даже аккуратно сложат назад, но уйдут и больше не вернуться: им покажется скучным то, что для вас ценно. Наверное, Амоса это и пугало, потому что для него желанен другой исход: он откроет, погрузиться с головой и поймёт, что коробочка-то бездонна: она пусть мала, а вмещает в себя отдельный мир. Но любить такое просто! Да и не любовь это. Совсем другое дело, когда немножко вещиц в вашем тайнике, и смотреть особо не на что, а тот человек все равно любит, не уходит. День, два, неделю, месяц, года любит, но постоянно находит, чему ещё удивиться – вот такое и есть любовь. А смотреть на что-то непривычное всегда интересно, хоть зачастую и недолго.

Пока Амос в своей голове переживал и прокручивал все моменты, связанные с Мишель, Раф, неожиданно для себя перевёл взгляд на толпу: что-то в ней было не так. Он пробежал глазами по однокурсникам, посмотрел по сторонам – все в порядке: ничего странного нет. Но почему тогда его сердце забило со скоростью разгоняющейся машины? Что же пряталось среди сотен людей? Взгляд – туда, взгляд – сюда – и вот оно, вот что не даёт юноше покоя! Ах, боги, что же это!

– Амос, – тихо слетело с губ побледневшего мальчика.

Раз...

– Что, Рафи? – почти не грустно отозвался Амос, поворачивая свою натянутую улыбку к другу.

Два...

– Передай Ренату, что я всегда буду следить за ним, – на глазах мальчика наворачивались слезы.

Три...

– Что? Ты о чем? – хлопая друга по плечу, насторожился Амос.

– И знай, что ты был мне и будешь всегда очень дорог, – его руки тряслись.

Четыре...

– Хорошо, но к чему это? – голубоглазый юноша сконфузился.

– Но главное – спаси Мишель, и прощай!

– Чт... – Амос хотел подойти ближе и спросить, что все это значит, но был опережен: Раф кинулся на него грудью.

Пять – бух!

– А-а-а! – прозвучал оглушающий выстрел, и мёртвое тело беспомощно пало на плечи друга.

В то время, когда толпа подпевала юным артистам, танцевала и шумела так, как никогда ей не позволяли раньше, светловолосый юноша краем глаза заметил маленькое мигание красного индикатора на руке «прозрачного» незнакомца с оружием. Юноша посмотрел на него и все понял, но через

пару секунд, к сожалению, тот незнакомец посмотрел на Рафа в ответ и – бух! Выстрел в спину, прямо меж лопаток – мальчик сразу же умирает. Вновь – пам! бум! бах! Со всех сторон затрещали автоматы, и загрела земля, покрывшаяся дымом. Что же это? Почему это?

Тот момент, когда Раф пытался закрыть друга собой, ознаменовал начало операции по захвату и расстрелу школы – десятки вооружённых прокрастианцев, одетые в специальные невидимые костюмы и наделённые страшнейшим рычагом воздействия, оружием, открыли огонь по простым школьникам. Разом рухнули на пол сотни учеников: кто-то замертво от страха, кто-то от пуль. Предполагаемые террористы бросили несколько дымовых бомб, тем самым декордировав всех безоружных, пытающихся убежать людей. Но, план захватчиков был несильно продуман: их костюмы сбросили хамелеоновую расцветку, как только они воспользовались автоматами, и ученики вместе с оставшимися преподавателями стали видеть, как те подходят к ним (данную особенность, видимо, не успели проработать перед нападением на курсантов в их выпускной).

– Раф! Рафи! – задыхаясь от наступивших слез, шёпотом кричал Амос. Он сидел за опрокинутым столом и держал голову друга на коленях. – Ну как же... Не-е-т... – юноша плакал и пытался прикрыть рану, но понимал, что уже поздно. – Ну зачем... ну кто же эти... – он хотел было что-то ещё ска-

зять, но не мог: рыдания перекрывали все слова.

Как только в Рафа и в десятки других людей были подло выпущены пули вооружёнными захватчиками, откуда-то со стороны леса вылетели несколько некрупных, но мощных бомб: они взорвали местами мрамор, уронили бегущих в панике курсантов и выбросили из своих отсеков сотни кубических метров серого дыма. Когда он мигом охватил стоявшего в ужасе Амоса и мёртвое тело Рафа, то видимость полностью исчезла, как и исчез тот уже не прозрачный террорист. Амос не стал медлить и, тая надежду, мигом перевернул стол, желая укрыть друга. Но он тогда не знал, что люди умирают в момент.

Пять, десять или двадцать минут прошло, как темноволосый юноша рыдал над бездыханным телом Рафа. Бледное лицо казалось ему все ещё живым – будто спящий человек лежит рядом и вот-вот откроет глаза, пошевелиться, что-то скажет. Но он не шевелился – просто лежал и истекал кровью, пачкал белоснежный костюм и не давал никаких надежд на чудесное пробуждение. «Нет, его больше нет, – крутилась в голове Амоса. – Но зачем? Но кто? Но как? Кому нужны жизни школьников?.. Кому? – он сидел в тумане и слегка покачивался уже в течение пары минут, но вдруг, после непродолжительной тишины, вновь раздался выстрел: кто-то был обнаружен в дыму – Амос очнулся от размышлений. – Ми-

шель! – мальчик тут же впал в гнев. – Черт, да это из-за неё! Из-за неё он мёртв... из-за неё? – его слова прозвучали растянuto. – Мишель! – понял наконец Амос. – За ней... Они же за ней! Черт! – он быстро вытер слезы из-под глаз, поклонился другу и хотел сразу же отправиться на поиски, но остановился: перед следующим решительным действием ему следовало сказать последние слова: «Прощай, Серафим. Пусть другой мир встретит тебя лучше, чем этот,» – и, сдерживая нахлынувшие вновь слезы, юноша торопливо оставил его.

Начав пробираться гуськом чрез белую завесу, где то и дело встречались все ещё тёплые трупы и маленькие столики официантов, служащие укрытием испуганным до смерти детям и учителям, Амос пытался разглядеть Мишель и не попасться террористам. Юноша, в силу образования, двигался профессионально, отточено, так, что даже единожды встретив захватчика, он умело обогнул его и сумел продвинуться дальше незамеченным.

Прячущиеся курсанты вздрагивали каждый раз, когда он беззвучно подкрадывался к ним, и начинали тихо всхлипывать, поняв, что это очередной школьник, желающий лишь выжить, а не тот образ с красной мигающей лампочкой на руке. Все были в ужасе и по локти в крови: видно, многие пытались спасти пострадавших из толпы, но не могли – куча пугающих тел окрасила когда-то белый мрамор в алые цвета.

Пока Амос небыстро продвигался к сцене (он думал, что Мишель могла спрятаться внутри), из дальних углов площа-

ди послышалось ещё два выстрела. «Если они пришли за ней, – думал про себя юноша, подходя к гримеркам, – то зачем убивают других?.. Что-то не так... Надо будет сообщить отцу и президиуму: кто-то должен разобраться, почему все это происходит». Амос обогнул ещё пару стоящих вразброс кабинок и собирался рвануть ко входу внутрь сцены, но, не осмотревшись заранее, врезался в одного из захватчиков. «Ну, все. Вот и конец», – успел подумать про себя он, когда террорист уже поднёс к его груди дуло автомата. Мгновение – выстрел. Громкий шум заложил уши. Кругом потемнело... но юноша все ещё дышал.

– Что? – слетело с губ Амоса, как только он понял, что не упал замертво. – Почему? – зрение начало возвращаться, и юноша увидел перед собой какого-то прокрастианца, державшего в руке непонятный продолговатый предмет с острым окончанием.

– А! Ты уже видишь, – раздался из защитного костюма грубый голос. – Ну, поздравляю.

– В-вы м-меня убьете? – растерянно протянул Амос.

– Хах, – надменно усмехнулся тот с автоматом за спиной. – Нет, считай, тебе повезло вдвойне.

– Что?

– Говорю, что, пока заряжается адетализатор, могу рассказать тебе интересный факт, – захватчик провел перед глазами Амоса тем странным предметом, острие которого становилось все краснее, – юноша застыл. – Ладно, если ты та-

кой не разговорчивый, объясню. Ты – один из тех, кто есть в базе бесполезных или защищённых, то есть тебя убивать не было приказа.

– Приказа? – удивлённо переспросил Амос – захватчик наклонил голову и громко вздохнул.

– Тебя не касается. Этот рассказ – моё развлечение на этом кровавом игрище. Приказ есть приказ – мы его исполняем. Но ты об этом сейчас забудешь, – захватчик направил покрасневший предмет на голову юноши.

– Как же... – Амос хотел спросить, но грубый голос оборвал его.

– Стой! – захватчик резко опустил острие и поднёс вторую ладонь к ладони юноши – тот вскрикнул от боли: что-то обожгло его. – Черт! – протянул террорист. – Живо отправляйся в гримерку и сиди там! – прокрастианец толкнул его в сторону кабинок.

– Что? – Амос не понимал. – Нет!

– Живо в гримерку, Эбейсс! – крикнул на него тот с автоматом.

– Откуда вы знаете, кто я? – остановившись, удивлённо и испуганно спросил юноша.

– Не... – захватчик собирался договорить, но кто-то внутри костюма прервал его: «2332. Код 2332» – Да е... – как понял Амос, террорист разозлился, но не стал продолжать. – Живо в гримерку и сиди там! – вместо задуманного, повторно крикнув на юношу, отрекомендовал он и побежал в сто-

рону сцены.

– Куда? Что?.. – Амос опешил, и хотел было уже послушаться захватчика, но вдруг понял, что забыл о главном: – Мишель! – он осмотрелся по сторонам, пригнулся и, набрав обороты, рванул к двери.

Слева раздался выстрел, справа послышалось громкое переговаривание и топот тяжёлых сапог, но миг, и Амос уже внутри – никто не заметил его. Но где же он? Почему так темно? Момент, и глаза привыкли – они видят, как местами прорывается солнечный свет сквозь продырявленные бомбами стены, как пространство заставлено высокими колоннами для поддержки конструкции, как где-то совсем недалеко, под светом фонаря в центре, стоит несколько вооружённых террористов.

«Что они здесь делают?» – подумал про себя мальчик и медленным шагом, не понимая зачем, направился к ним. Что-то тянуло, двигало его продрогающее от ужаса тело, что-то вело его помутившееся сознание к пяти прокрастианцам, точно прячущим за своими широкими спинами нечто важное от него.

– Я понимаю, что и кто просил вас сделать, – подходя ближе, стал слышать все яснее Амос. – Могу же уверить, что вы это делать не обязаны и даже не должны, – раздавался голос позади спин. – Мы можем попытаться изменить мир, и даже вместе.

«Всё же за ней...» – проскочило мигом в голове мальчика,

когда он, находясь в метрах двадцати, меж расступившихся террористов, разглядел образ Мишель.

Она в тот момент была как никогда уверена и сделала шаг навстречу захватчикам, меж тем бесстрашно объявив: «Вы можете поступить по-человечески и быть награждены», – но они в ответ лишь подняли автоматы.

– Не шагу с выделенного места! – прогремел крайний захватчик и оттолкнул её в круг, намеченный вырезами ножа.

«Что она делает!?» – воскликнул про себя мальчик, увидев, как пошатнулось хрупкое тело Мишель. Ему подумалось, что она тут же попытается спастись и обмануть захватчиков, но она, на общее удивление, спокойно начала о совершенно другом:

– Хорошо, как скажите, – слегка отодвинувшись назад и удивительно тепло улыбнувшись, говорила Мишель. – Но что же вы ответите мне и что ответите ей? – тянулись плавно её слова.

Мужчины опустили оружие, но не выпустили их из рук.

– Ничего, – твёрдо уверил один из них, стоящий в середине. – Нам платят тут больше, чем может пообещать ваш предводитель. И наш наемщик, хотя быть, может спокойно дать гарантии нашей безопасности, а ещё дать гарантии опасности наших семей.

– И все же, вы боитесь за них или за свое имущество? – с лёгким непониманием прозвучал вопрос, таивший ловимые ноты укора.

– Нет, – жестко отрезал на это захватчик и подошёл к ней ближе, – мы ничего не боимся и в первую очередь мы делаем то, в чем хороши: мы боремся за правду.

– И за какую же правду вы боретесь? – с убедительным интересом спрашивала Мишель.

– За самую истинную.

– А, ну, если так, то да, то, что вы делаете, – крайне важно и полезно, – усмехнулась в конце она, не имея больше сил сдерживать свой задор.

«Да что она творит!» – мальчик, все времядвигающийся медленно вперёд, тут же застыл, как только на безрассудное поведение Мишель тот главный террорист гневно взревел на нее:

– Мисс О’Роуз, сейчас же либо соглашайтесь, либо вы знаете, что произойдёт! – девушка на это печально опустила голову, но тут же плавно подняла её и посмотрела назад, туда, откуда шел Амос. – Даже не думайте бежать, – высокомерно проговорил террорист, направляя на Мишель оружие.

Но она в ответ лишь улыбнулась.

– Забавно, что вы боретесь за «истину», не зная абсолютных основ психологии и не умея трезво размышлять. Что уж говорить о ваших знаниях в истории и политике? – захватчик на это дёрнул головой – остальные пять – подняли автоматы. – Конечно, если вы носите автоматы, значит, у вас и на все остальное есть право! – голос девушки ожил и звонко

прозвучал, поминутно теряясь в углах стен. – Если вы думаете, то вы думаете правильно! Абсолютно верно! Все так и обстоит! Если вы до чего-то дошли своим сгустком мозгов, притом, не осмотревшись по сторонам, то безусловно вы нашли истинный путь! Почему бы и нет! – она грохотала потоком своих мыслей; она металась из одной стороны в другую и больше не казалась Амосу хрупкой.

– Либо да, либо прощайте. И на этом точка, – грубый голос, полный ненависти, резко остановил её на одном месте.

– Хорошо, я скажу. Но сначала давайте поговорим о том, что вы делаете и почему. Ибо, мне кажется, что это не то, до чего дошёл прогресс. Вам так не кажется?

– У нас есть приказ – мы его выполняем. Больше никаких слов... – гремящий все это время захватчик, хотел закончить с ней, но Мишель хотела говорить.

– А мне кажется, нет. Нужно больше слов! – радостно улыбаясь, она воскликнула так, что никто не заметил её дрожащей руки – только то, что девушка была громка. – Здесь! Там! Везде! Люди должны говорить! И ничто тогда не будет обречённо на крах! – уголки её рта слегка дергались при каждом новом слове. – Но главное – говорить честно! И знаете, что честно с моей стороны? – в тот момент, когда девочка, ослепляя грозных захватчиков с оружием своей лучезарной улыбкой, остановилась, по всей площади разошёлся гул от разрывающейся серены. – Прекрасно... – в сторону сказала она и продолжила начатое: – Честно с моей стороны

то, что я никогда не пойду против простых людей и не при-
мкну к тем, кто посягнул на их жизни. Никогда и ни-за-что.
Вы можете отправиться к черту! Но сначала, – останавливая
приготовившихся захватчиков, помедлила она, – подумайте:
действительно ли правильно то, что вы делаете, то, чем вы
живёте, то, что вами движет. Действительно ли так и должно
быть? Подумайте сейчас и научиться думать всегда, ежели
не хотите ошибиться!.. Прошу вас, просто подумайте, – из-
менившись в лице, девушка с тоской посмотрела на тех лю-
дей, которые нынче грозно переминались с ноги на ногу пе-
ред ней.

– Шестьдесят шестой, мистер, – нервно прервал секунд-
ное молчание менее объёмный захватчик по правую руку от
среднего, того, кто говорил, – м-может не надо?

– Что не надо, третий? – отвечал ему грубо 66-ой.

– Оставим её... Нам стоит уходить: серена воеет – за нами
вот-вот придут... – стараясь пригородить дорогу старшему,
быстро изрекался третий.

– Отцепись! – крикнув с презрением, 66-ой оттолкнул
третьего и направил автомат прямо на тело Мишель, после
– заорав во все горло: – На раз, два, три – стреляйте!

– Но я не буду! – резко возразил ему третий.

– Либо стреляешь, либо стреляют в тебя! – отрезал гнус-
ным и писклявым голосом прокрастианец полевую руку от
66-ого.

– Чего стоишь! – крикнул на остановившегося захватчика

старший.

– 65-ый все сказал!

– Но как... – растерялся третий.

– Головой твоей тупой об косяк! Живо выполнять приказ! – 66-ой резко повернулся к молодому прокрастианцу, приставал дуло автомата к его горлу и, кивнув в сторону Мишель, поднажал на костюм. Третий осторожно отодвинул оружие, направленное на него, печально поднял свой автомат и прошептал напоследок:

– Прости... – на что Мишель кротко улыбнулась и негромко добавила напоследок: «Удачи вам в пустоте».

– Раз! – отдал начало отсчёта 66-ой. – Два! – хотел быстро закончить он, но Амос, все это время прячущийся за колоннами, кинулся на них.

– Не-е-т! – глупо пытаюсь предотвратить грядущее, взревел темноволосый мальчик: он хотел прыгнуть на них, но... упал, споткнувшись о собственные ноги.

– Черт! – поругался быстро 66-ой и, не раздумывая, выдал окончательный приказ: – Три-и!

Юное тело в красно-белом одеянии, ещё мгновение назад бывшее частью живой и прекрасной Мишель, мигом, получив свою не минуемую участь, окрасилось кровавыми брызгами от пуль протрещавших автоматов.

– МИШЕ-Е-ЕЛЬ!! – оглушающе взвыл в неумолимой беспомощности Амос, но – стук и в секунду он впал в небытие: 65-ый выполнил приказ: убрал «лишнего зрителя из зала».

Не дожидаясь исхода своих действий, террористы решили отступить, но вдруг со стороны площади послышались выстрелы. Бух! Бух! Трях! Прозвенело совсем близко от центра затемненного помещения. Грохот, шум, беготня окружили их: десятки вооружённых спецслужастих взорвали вход и вбежали под сцену. Они выглядели точно так же, как и те, кто в миг позволил себе убить гору людей; лишь только на их руках были зелёные индикаторы, которые разгорались все сильнее при приближении к намеченным объектам – террористам.

Люди в более светлых костюмах мигом заполнили собой все пространство. Ещё только начиная продвижение внутрь, пара снайперов из спецслужбы метко выпустили длинные усыпляющие дротики прямо в руки захватчикам, и те, мгновенно свалившиеся в кучу прокрастианцы, спокойно теперь уж давили друг друга во сне.

Минуя виды, как снайперы метко вонзают дротики в террористов, и как санитары бездушно складывают кучу мёртвых тел, истоптанных возней и опороченных происходящим, в отдельные мешки чёрного цвета, Амос очнулся, лёжа на кушетке близ разрушенной сцены.

– Что, что вы делаете? – просыпаясь и глубоко глотая воздух, мямли Амос.

– Вставайте, мистер Эбейсс, – ласково говорил ему какой-то голос вокруг, осторожно дергая за руку.

– Что происходит? – воскликнул тут же мальчик, когда мутный образ перед ним обрёл чёткий форму.

– Всё хорошо, мистер Эбейсс, это медпомощь и ваша охрана, – неожиданно появившись откуда-то из-за спины Амоса, спокойно объяснил мужчина в красных туфлях и чёрном костюме, попутно указав на людей в белой и тёмной формах.

– Что? Где... те с автоматами?.. Где Мишель!? – опомнившись, юноша хотел соскочить и бежать куда-то, но господин в красных туфлях остановил его моментально.

– Сидите, мистер Эбейсс, – крепко держа Амоса, спокойно тянул он. – Захватчики нейтрализованы – вы в безопасности.

– Отлично, но где Мишель? – мальчик пытался вырваться, но хватка того мужчины была сильнее его. – Она жива?.. Вы ей... помогли? – рассеяно помня, что было пару мгновений назад, Амос надеялся на лучшее.

– Нет, мистер Эбейсс, мы ей не помогли, – спокойно отвечая мальчику, господин в красных туфлях неожиданно сжал его руки сильнее.

– Что? Почему? – в ушах что-то зазвенело, Амос начал вырываться все сильнее.

– Мистер Эбейсс, она подверглась череде выстрелов. Естественно, мистер Эбейсс, она мертва, – все так же спокойно заключил тот мужчина и со всей силы прижал Амоса к кушетке.

– Нет... Не-ет!.. Не-е-е-ет! – пытаюсь вырваться из застегнутых только что ремней, кричал и вопил сквозь нахлынувшие в миг слезы побледневший мальчик. – Вы могли! Вы должны!.. Вы должны были её спасти!! Я должен был её спасти... – он бился головой о спинку кушетки, он сжимал кулаками ремни, он царапал ногтями ладони, он выл от беспомощности.

– Тише, мистер Эбейсс, вы привлекаете внимание, – негромко сказал ему тот господин в красных туфлях и тут же вколол успокоительное в его шею.

– Что вы делаете?.. – замедляясь от действия препарата, проговаривал Амос. – Кто вы вообще?

– Я ваш сопровождающий. Меня прислал ваш отец.

– Что, зачем?

– Нас нанимают для выпускников с целью помощи курсантам в доведении до места следующего обучения. Обычно мы ждём вас после бюрры, но из-за сложившейся ситуации нас направили сразу же сюда.

– Да... хорошо... – мальчик постепенно начал засыпать. – Вы вкололи мне снотворное? – спросил он, не понимая, почему его глаза закрываются.

– Нет, мистер Эбейсс, вы просто устали.

– А, хорошо... – юноша практически заснул, как вдруг по площади раздался громкий гудок и разбудил его. – Что это? – вскочив с кушетки, спросил Амос у сопровождающего.

Тот нахмурился, но тут же принял свое обычное, спокой-

ное выражение лица.

– Ничего, вам придётся привстать, скорее всего, – юноша недоверчиво посмотрел в его чёрные глаза. – Не переживайте, это прибыл президиум.

– Что? – не успел воскликнуть мальчик, как перед ним расступились спецслужащие, стоящие на каждом шагу, и начали пропускать сквозь себя группу из пятнадцати человек.

– Её Величество Президиум! – огласил впереди шедший небольшой прокрастианец.

Изысканно одетые люди в одинаковых синих костюмах окружили кушетку, где лежал Амос, и отстранили всех стоящих рядом прокрастианцев, тем самым оставив юношу одного в этом оцеплении.

Высокая немолодая женщина прошла внутрь образовавшегося круга. Она выглядела статно, красиво и что-то в ней привлекало Амоса, что-то необъяснимо величественное.

– Здравствуй, Амос Авраам Эбейсс, – ровным тёплым тоном обратилась она к тут же поклонившемуся юноше с голубыми глазами.

– Здравствуйте, Ваше Величество, – опасаясь сказать чего-то лишнего, быстро ответил юноша и слегка отсел от неё.

– Мне очень жаль, что так вышло с твоим курсом и твоими друзьями. Прими мои сожаления, – с печалью прозвучали слова президиума, не долетая до ушей посторонних. – Как ты сам, Амос? – обратив свои добрые, усталые глаза на мальчика, женщина ближе подошла к кушетке.

– Спасибо, Ваше Величество, я... я держусь, – он замялся: все силы ушли, а нужно было не показывать наступающих от горя слез.

– Не стоит, Амос, слезы – помощники в наших бедах: они выводят боль из наших сердец, – женщина, достав платок и грудного кармана, осторожно подала его Амосу.

Юноша на мгновение отвернулся.

– Мне известно, Амос, – продолжила она негромко, так, как говорят близкие родственники, чьи голоса – улада для души в моменты грусти, – что в этом ужасном событии ты испытал многое, и я не вправе просить о помощи, но, может быть, ты ответишь на некоторые вопросы? – кто-то ещё вошёл в круг.

– Да, да, конечно, – начал говорить Амос, поворачиваясь медленно к президиуму, но, подняв глаза, замер в удивлении. – Мисс Хидден?

Близ Её Величества стоял мастер по фехтованию, скачкам и стрельбе.

– Здравствуй, Амос, – покрасневшими, печальным глазами она посмотрела на него и обратилась тут же к президиуму.

– Ваше Величество, могу ли я узнать те положения, о которых мы говорили?

Женщина с добрыми глазами и в белом костюме нежно, но недоверчиво улыбнулась мисс Хидден и дала разрешение.

– Амос, – заговорил тогда мастер, – мне крайне важно

знать: где Мишель.

– Я... – мальчик быстро заморгал глазами и не знал, что ответить. – Она... Её...

– Да, – с пониманием и жуткой тоской отозвалась мисс, – нам сообщили тут же, как включилась серена... Мне так жаль... – она подняла голову к небу и пыталась говорить о чем-то важном в то малое время, что у неё есть.

– Я не знаю, что делать, мисс... – дрожа от нахлынувших воспоминаний, мальчик хотел ей ещё что-то сказать, но вдруг прервался, увидев, что Её Величество Президиум слегка приобняла мастера.

– Спасибо, мама, – обратилась мисс Хидден к высокой и статной женщине, к правительнице всего мира Абисмунди.

Амос замер от непонимания.

– Да, Амос, твой мастер – моя дочь. Её полное имя – Теона Хидден-Маат. Хидден – от меня, Маат – от Президиума, – пояснила юноше Её Величество. – Но ты не должен об этом говорить никому: дочь предпочитает оставаться обычным мастером.

– Что? Как? – удивлённо спрашивал Амос, оглядываясь по сторонам.

– Не переживай: никто не слышит, о чем мы говорим: спецхрана поставила звукоизолирующую защиту над нами. Но мама права: никому не говори... – мисс осторожно под села к юноше на кушетку. – Пожалуйста, Амос, совсем никому.

– Конечно! – удивившись всему сразу: и тому, что мастер

– дочь самого Президиума, и тому, что ему доверили охранять эту тайну – уверил их буйно юноша. – Вы можете не беспокоиться!

– Спасибо, Амос, мы надеемся на твою порядочность, – поблагодарила его мадам Хидден. – А теперь ты должен ответить на вопросы Теоны: это очень важно, Амос – будь честен, – юноша настороженно кивнул головой.

– Амос, – начала девушка, – когда я спрашивала, где Мишель, я имела в виду не знаешь ли ты, где её тело, – юноше покачал головой в ответ. – Ладно, – продолжила тогда мисс, – не знаешь ли ты ничего про её проекты или дела?.. – мальчик смутился– Амос, все её проекты – мои проекты, – юноша тупо посмотрел на мастера. – Сейчас объясню: я в течение многих лет сотрудничала с её родителями, великими учёными. Мы строили планы и улучшали мир, благодаря науке, но в один день по стечению обстоятельств самолёт мамы Мишель разбился, после чего разбились и наши планы: отец Мишель не захотел подвергать себя опасности, помня, что дома его ждёт беззащитная дочь. Я согласилась отпустить его и стала работать одна. Мои поиски привели к некоторым не состыковкам планирования и функционирования бюджета и, как ни странно, Высшей школы. Тогда я пошла работать сюда и стала следить изнутри. И как-то так случилось, что я забыла о семье Роз, – мисс Хидден непроизвольно улыбнулась, – но тут, появилась она, моя милая Мишель. Я сразу же вспомнила, как любила её мать, как уважа-

ла и ценила её отца, какими мы были хорошими друзьями, как я растила её ещё маленькую... Я не смогла удержаться и взяла её под свое руководство... Я и не надеялась, что она будет продолжать дела родителей, но! – девушка с искренней улыбкой возвела руки к небу. – Удивительно! Она сама нашла меня, она помнила меня и знала, чем мы занимались с её родителями... Такая маленькая, а такая удивительная... Да-а, – протянула Теона. – Она предложила сотрудничать, потому что желала безопасного и доброго мира вокруг... Она понимала все и всегда. Ей не было равных... В течение долгих восьми лет мы работали с ней над одним проектом, который мог бы доказать вину многих замешанных в чёрные делишки прокрастианцев. Этот проект должен был быть закончен по моим подсчётам только через пару лет, поскольку информация такого уровня слишком закодирована и защищена, но! Мишель смогла собрать все документы ко вчерашнему вечеру... Этот удивительнейший человек сделал то, что не смогли спецслужбы за десятки лет... Я очень опасалась, что ей могут навредить, очень... Я предлагала ей укрытие, но она говорила, что те прокрастианцы найдут её везде, а здесь хотя бы быть она оттянет неминуемое. Я думала, что она так шутит. Но нет... – мисс Хидден осторожно привстала с кушетки. – Я ей вчера позвонила и просила её укрыться у меня, но она напомнила, что перед Майским балом закрывают все входы и выходы и что без сопровождения ее никуда не выпустят ни при каких условиях, а я была в то время в Краптитлэнде...

Мне ничего не оставалось, Амос, я не могла пройти через эту чёртову бюрру до недавнишнего момента!.. Я должна была забрать у неё сегодня всю информацию, все ключи, все, что я бы смогла отдать Президиуму, и таким образом доказать виновность многих прокрастианцев, но... её теперь нет... Мишель теперь нет..., и я не знаю, что делать... – мисс Хидден больше не могла сдерживать слез.

– А телефон... – неуверенно предположил Амос. – Она говорила, что на нем вся информация...

– Да? – резко очнулась Теона. – Где он? – и с огромной надеждой в глазах припала к мальчику.

– Я... Я оставил его в картине Рената в подвальном помещении, – немедля проговорил Амос, желая помочь хоть чем-то.

Юноша думал, что женщины будут рады такому известию, но это оказалось не так: мадам и мисс Хидден мгновенно поникли, осунулись и сели на пол.

– Чт-то? – растеряно вопрошал мальчик и перебегал глазами с одной на другую.

– Все кончено, Амос, – пояснил опустошенно Президиум, – на школу напало тысяча террористов – телефон исчез. Мальчик понял, как он прогадал.

Глава двенадцатая

Пурпурные полупрозрачные стены, казавшиеся в детстве более яркими, пропускали сквозь себя палящие лучи солнечного света, делая нахождение внутри бюрры невыносимым. Ни открытые окна, ни работающие на полную мощность кондиционеры не спасали от мучительной духоты на любом этаже; исключение составляли шестой, где проходил приём курсантов, и седьмой, где по обыкновению своему останавливались проезжающие мимо магистры и парламентареры. На первом из них – по неизвестной для многих причине – никто и никогда не жарился от жгучих потоков света, даже наоборот – некоторые, одетые по-привычному прохладно и зашедши впервые, крайне мерзли на шестом этаже (ежели говорить про седьмой, то единственное, что было известно точно, – он существовал), но недолго: после проведения череды осмотров и соотношений каких-то непонятных показателей со статистическими нормами дети по одному заходили в единственное затемненное место в этом громадном помещении – в комнату, как называли её работники, «под номером НА». Они заходили туда и более никогда не возвращались в земли Лэндсдрима.

– Великий Господин! – отрапортовал сопровождающий в красных туфлях, доставив Амоса Эбейсса в день после событий Майского бала в громадный кабинет здания бюрры на

седьмом этаже, – Ваш сын прибыл, – сказал он и чеканным шагом направился к двери.

– Впусти, – послышался в ответ грубый голос Авраама Эбейсса, видимо, бывшего не в лучшем распоряжении духа сейчас.

– Так точно-с! – непривычно громко и твёрдо прозвенели слова сопровождающего и тут же сменились резким скрежетом массивной серой двери.

Медленным, спокойным шагом, высоко подняв голову, в кабинет царственно вошёл Амос Авраам Эбейсс.

– О, сын мой! – воскликнул высокий, голубоглазый мужчина с прямыми засаленными волосами, увидев, как единственный наследник его империи, будущий владыка, остановился в шести шагах от него.

– Отец, – едва кивнув головой, отдал ему приветствие Амос.

– Я рад, что ты невредим, – метнув оценивающий взгляд, безразлично продолжил Авраам. – Неплохо выглядишь: и походка, и манеры, даже взгляд – школа пошла тебе на пользу, – лукаво подметил он и указал Амосу на кресло близ своего импровизируемого трона из шаров и лент.

Они одновременно сели за чёрный мраморный стол с бело-золотой оправой.

– Благодарю, отец, – отозвался минутой позже юноша и принял из рук Авраама Эбейсса бокал с темно-красной жидкостью, попутно взглянув в его ледяные серые глаза, – мне

приятно, что я не разочаровал вас.

Авраам коротко кивнул в сторону – и сопровождающий тут же удалился прочь.

– Для чего же вы меня отвлекли от процедуры идентификации? – наигранно улыбаясь, поспешно спросил Амос, чем перебил настрой отца.

Мужчина судорожно сжал кулак.

– Именно об этом я хотел сейчас сказать, но... – грубо протянул он и переметнул взгляд в сторону двери: толпа прокрастианцев в форме, сопровождаемая шумом, неожиданно ворвалась внутрь.

Авраам неспешно встал из-за стола.

– Стоять! – громко, уверенно, по-командирски прозвучал приказ от особы в красном латексном костюме, идущей во главе отряда.

Женщина в чёрных лаковых сапогах на высоком массивном каблуке мигом обогнула Амоса и вплотную приблизилась к трону Великого Господина.

– Мама?.. – сорвалось с губ юноши, удивленного неожиданным явлением.

– Мель.

– Дарагой! – начала чуть ли не судорожно она, но, почувствовав на себе пронзительный взгляд Авраама, уменьшила свой пыл. – Я все принимаю, что ты говоришь, и все делаю, но не всегда понимаю...

Она не хотела заглядывать в его грифельные глаза, но что-

то подтолкнуло ее на это – и вот проявившаяся в них тьма опустила женщину на колени.

– Почему ты врываешься в мой кабинет? – удушающе спокойно произнес Авраам Эбейсс, не обратив и внимания на нее, устремив свой взор куда-то вдаль.

– Прошу прощения, Великий Господин. Я виновата, – женщина резким движением достала из своего ручного арсенала черный кожаный кнут и подняла над собой, – мне остаться здесь?

Авраам едва кивнул страже пред собой и отправился к высокому панорамному окну; люди в форме удалились.

– Скорее всего, – начал он минуту спустя, – стресс и возмущения посетили тебя на операции, и потому некоторые датчики вышли из-под контроля, – он медлительно выпил из стакана, бывшего в его руках. – Я не виню тебя сегодня: исключительно программистов. Но тебе следует зайти в отдел, где тебя осмотрят, – он слегка, не оглядываясь назад, дернул рукой – и женщина мигом встала с колена.

– Благодарю, Господин. Все будет выполнено.

– Но что же тебя возмутило? – вяло, но уверенно продолжил мужчина, точно не слыша никого, кроме себя.

– Вашего подчиненного... не было на месте.

Мелисса опустила голову, а Амос по привычке зажмурил глаза.

– Что?! – гневно взревел Авраам Эбейсс, резко повернувшись от окна. – Что ты сказала?

Женщина ровным тоном повторила свои слова.

– По какой причине? – изменившись в лице, спокойно спросил он.

– Неизвестно.

– Он был убит?

– Неизвестно.

– Его тело, получается, – растянул последнее слово Авраам и отвернулся, – должны в скором времени найти, дорогая.

Мелисса осторожно подняла голову и посмотрела на Великого Господина с легким испугом.

– Да, мне кажется, вы правы, – согласилась она после секундного молчания. – Иначе он должен был быть там – другого вывода нет.

– Твой отряд цел? – спросил утомленно сероглазый мужчина и собрался отпустить женщину прочь.

– Да.

– Принесла, что требовалось?

– Да.

– Превосходно, можешь уйти, – он легким движением опустошил стакан, и женщина, отдав поклон, вышла.

Амос перевел тревожный взгляд с двери, где только что пропал навсегда ушедший образ его детской любви и преклонения, на личность грозного отца.

– Что? – обманчиво улыбаясь легко спросил он, видя взгляд Авраама Эбейсса.

– Тебе это ни к чему, – заверил его твердо мужчина, по-

вернувшись назад к окну. – Мне казалось, из тебя все это вывели во время обучения. Мне лишь казалось?

Амос насторожено опустил голову.

– Нет, отец. Во мне нет ничего лишнего. Прошу продолжить наш разговор, если вы все еще намерены.

Авраам довольно улыбнулся.

– Подойди, – сказал он и достал из рукава небольшую сенсорную панель.

Мальчик покорно последовал приказанию.

– Что ты видишь? – спросил его вдруг Авраам, указывая на виды Лэндсдрима.

– Пейзаж, – без доли сомнения ответил мальчик.

– Возможно, – с ухмылкой согласился мужчина. – Но это не так.

– Картина, – не смотря на отца, продолжил юноша.

– Нисколько.

– Аквариум.

– Ещё.

– Голограмма.

– Мне нравится, – довольно пояснил Авраам, – но гадать ты можешь вечно, не угадав никогда.

– Отец?

– Большие тайны потому и тайны, что спрятаны мастерами.

Юноша стоял смирно, не подавая виду, но Авраам все понял – и сказал:

– Смотри, – аристократически улыбнувшись Амосу, он провел рукой по сенсорной панели вниз – тропические деревья и небольшие ручьи, обрамляющие вид из окна, вдруг исчезли – перед Эбейссами открылась панорама шестого этажа.

– И что это значит? – осторожно подбирая слова, слегка поинтересовался Амос, за спиной пальцами перебирая окаймление пиджака.

– Отсюда удивительный вид, – с удовольствием обратился к нему Авраам, выглядевший нынче особо загадочно, – не находишь?

– Все как на ладони – да, думаю, удивительный, – точно подметил юноша и увидел группу курсантов, по одному выходящих из лифта и следующих в отдельные, маленькие комнатки по распределению выпускников.

– Отсюда удивительный вид, – остро подметил Авраам, выглядевший нынче особо загадочно.

– Вы, отец, следите за ними? – уверенно продолжил он. – Довольно забавно.

– Мне нравится, – сказал в ответ мужчина, – наблюдать за тем, как начатая когда-то мной работа нынче совершается сама. Знаешь, как мед на душу.

– Думаю, я вас понимаю, – склонив набок голову, согласился юноша. – Но все же, что это? – он был необычайно самоуверен.

– Еще мне нравится, – повернувшись к сыну, продолжил Авраам, – что с тобою сделала школа, – он поднял бокал и радостно вскричал: – За тебя! – и только что налитая жидкость мигом исчезла в его устах.

– Благодарю, Великий Господин, – спокойно отозвался через секунду Амос и ответно сделал небольшой глоток.

К мужчинам – по приказу Авраама – подъехали два черно-красных трона.

– Присаживайтесь, Юный Господин, – неприятно улыбаясь, лукаво пролепетал старший Эбейсс. – Вам пора вступить в должность владельца моей корпорации.

Амос слегка повел бровью и решительно спокойно произнес:

– Господин, я рад в высшей степени, что достоин вашего одобрения, – он едва поклонился и сел вслед за отцом. – Я счастлив, что буду творить от вашего лица.

Авраам ухмыльнулся, посмотрел на наследника и изменился в лице.

– Теперь же о главном, – подытожил он и расставил все точки над *i*.

– Ты хочешь сказать, что мужчина действительно все ему рассказал? – надменно, будто не заинтересованно, уточнил молодой человек, выглядевший всегда на двадцать семь лет и не минутой позже.

– Конечно, все так и было... – здесь спутница нашего

неизвестного ответчика на долю секунды помедлила и вновь продолжила, – бы, если бы в тот далекий, навсегда ушедший от них летний день Амос не пошел бы за бабочкой.

Молодой человек раздраженно всплеснул руками.

– Ах-х-х, – брызнул он, – снова твои уловки, – и отвернулся.

– Ха-ха-ха, – весело отозвалась спутница, – продолжим?

Неизвестный чуть повернул голову и незаметно кивнул.

Пурпурные, полупрозрачные стены, казавшиеся в детстве более яркими, давили теперь на Амоса всей своей мощью и вызывали отвращение в его груди; высокие потолки спускались на его плечи волнами и подталкивали упасть; длинный, широкие коридоры сковывали его тело и не пропускали вперед: силы, что были в мальчике, бесследно исчезли.

– Юный господин, – обратился сопровождающий к Амосу, увидев, как тот резко пал к стене, – вы в порядке? – спросил он, но не сдвинулся с места.

– Да, мистер Ён, – тяжело дыша, отвечал юноша, – со мной все хорошо, – он попытался встать – соскользнул, и вновь попытался.

На третий раз ему удалось.

– Пройдемте же в лифт, – ровным тоном указал ему сопровождающий, – вам пора, – и зашел после него.

Стоит сказать, что мистер Ён по обыкновению своему и правилам не обращал никакого внимания на тех редких кур-

сантов, которых ему доводилось отправлять: его устав был строг, а личность крепка, потому диалоги между ним и выпускниками никогда не происходили, но сегодня случилось нечто странное:

– Великий Господин встретит вас на той стороне, – сказал он, еле заметно смотря на мальчика, – вы должны принять более достойный вид.

Бледное, истощенное бессонной ночью тело Амоса нежеланно выпрямилось и на минуту застыло не в силах поднять головы.

– Вам не стоит смотреть куда-либо, кроме как в пол, – спокойно заверил его мистер Ён, – иначе Господин будет расстроен вашим состоянием, – он резким движением достал платок из кармана своего пиджака.

Тут лицо юноши резко исказилось в сумасшедшей улыбке.

– Ха-ха-ха, – надменно, заглатывая звуки, рассмеялся он и поднял красные, наполненные слезами глаза на сопровождающего – и вновь замер: юноша хотел вскричать о том, как ему даром на отца и как он ненавидит его и его возможности, как он проклинает все, что их объединяет, но тут перед ним впервые открылся весь образ сопровождающего: мальчик наконец-то увидел, кто перед ним стоит.

– Ахрон? – сильно удивившись, Амос невольно пошатнулся.

И вправду, этот большой, сильный человек в абсолютно

черном костюме, черной хомбург-шляпе, красных туфлях и ярких, красных перчатках никак не мог являться обладателем тех добрых, заботливых глаз, кои видел Амос, каждый раз выезжая на прогулку с родителями. Как тот благодушный ранее взгляд стал нынче пронзительно-холодным и полуживым?

– Да, Юный господин, это я, – подтвердил мистер Ён и указал на давно предложенный белый платок. – Вы должны привести себя в порядок, – порекомендовал он.

– Но как ты здесь?.. – изумленно спрашивал Амос, попутно смахивая слезы предложенным подарком.

– Я давно здесь: я всегда здесь, просто вы много не знали, не знаете и... не узнаете, – мужчина устремил свой взгляд вперед и не хотел продолжать.

– Ты работаешь на него? Кем? – настаивал на своем юноша.

– Я делаю много неприятной работы, мистер Эбейсс, крайне много, – сопровождающий осторожно поправил перчатки.

– Почему? Я знаю, кто мой отец, и вряд ли он предложил тебе нечто хорошее. Почему? – встревоженно вопрошал Амос, перекидывая взгляд из стороны в сторону.

– Это моя работа, – твердо заверил Ахрон, – я должен следовать приказаниям.

Глаза Амоса неожиданно замерли на месте, и он с опасением произнес:

– Откуда?.. Ты был там?

Мистер Ён в ответ сурово посмотрел на юношу и хотел что-то сказать, однако тут отворилась дверь лифта, и он замолк. Перед ними образовалось две фигуры безликих управляющих роботов.

– Вам пора, – уведомил Амоса сопровождающий, и передал мальчика им, – мне жаль... что вы опоздали.

Юноша хотел еще раз обратиться к нему, да не успел: широкоплечий мужчина навсегда исчез за титановым полотном. Исчез там, но появился минуту спустя на седьмом этаже, закрытом и полностью отданном в распоряжение семьи Эбейссов. Он, размеренным шагом, ровно держа голову, спокойно подошел к массивной серой двери и, выждав мгновение, постучал в нее.

– Зайди, Ахрон, – послышался бас оттуда.

Мистер Ён тотчас оказался внутри.

– Великий Господин, – отрапортовал он, – мальчик доставлен по вашему приказанию, – и увидел, что Авраам Эбейсс, сидя у панорамного окна, уже наблюдает за сыном.

– Да, Ахрон, я заметил, – пусто отозвался мужчина с грифивно-серыми глазами. – Подойди.

Сопровождающий отточенным шагом направился к нему.

– Знаешь, Ахрон, – начал спокойным, вялым голосом мистер Эбейсс, – я ужасно не люблю тратиться на то, что не приносит плодов, ужасно не люблю выходить из игры побежденным и крайне ужасно не люблю, когда мои надежды

и ожидания, мои расчеты, подводят меня, – он нервно сделал глоток из своего большого бокала. – А эта выскочка, это отродие, это ничто... – его глаза налились кровью, – этот чертов Амос до нуля обесценил все мои вложения, наплевал на меня и все господство Эбейссов!.. Щенок, – он дьявольским взглядом окинул сопровождающего и спокойно задал вопрос: – Как скоро его отведут в иницилирующую комнату?

– Он уже там, Великий Господин, – послушно ответил сопровождающий.

– Что? – недовольным тоном произнес Авраам и неслышно добавил: – Как я мог не заметить... Да и черт с ним! – выругался он уже в полную силу. – Ты посмотри, – левая рука Великого Господина едва приподнялась и палец, увенчанный черным перстнем с огромным кровавым камнем во главе, указал на маленькое тело, вновь припадшее к стене и не желающее вставать, – понял же все, этот мальчишка, но и не понял ничего, – мужчина сделал еще один глоток. – Пять языков знал к семи годам – это я ему обеспечил, в Высшую школу поступил, в лучшую, – это я его устроил, а он, смотри, сидит и рыдает, как последний неудачник, имея-то за спиной все мое могущество и власть! Почему?! На кой черт ему сдалась эта девчонка? Умерла и умерла – ныть по этому поводу не стоит: невелика потеря, а он рыдает и портит моих роботов, наскакивает на них... дурак какой! Ну ничего, отправь к нему наряд – пусть забросят его в НА, да начинайте инициацию: медлить бессмысленно; только смотрите, чтоб

не изуродовал себя, – мужчина с отвращением покачал головой.

– Да, Великий Господин, все будет исполнено, – заверил его Ахрон и собирался уже выйти, как вдруг Авраам остановил его.

– Подождите, мистер Ён, – произнес твердо Господин. – У меня еще к вам есть вопрос.

Ахрон остановился на месте и тяжело вздохнул.

– О чем вы говорили с ним в лифте, мистер Ён? – удушающе спокойно прозвучал низкий голос Великого Господина. – Мне очень интересно – отвечайте.

– Ни о чем особом, Великий Господин: я заверил его в том, что вы встретите его на стороне Краптитлэнда; не более, – ответил спокойно сопровождающий.

– Жаль, – быстро вылетело из искажённой улыбки Авраама, – крайне жаль: мне казалось, что вы нарушили кодекс, но раз так, то идите, мистер Ён, – сообщил он сопровождающему, отчего тот решил наконец выйти, но тут Великий Господин неожиданно, надменно добавил: – не забудьте только зайти в обслуживающий центр: похоже, что вам это необходимо, – и мистер Ён, опустив голову, мгновенно исчез за большой серой дверью.

– Глупцы, – заключил про себя Авраам Эбейсс, оставшись наедине со своим бокалом и бесконечно наполненной бутылкой вина, – постоянно надеются, что смогут обыграть мои технологии и мою гениальность – смешно, но... возможно,

у них бы и получилось это, если бы не датчики, что я лично разработал и ввел каждому в их головы – чудесная процедура инициации, а главное – ни один член Верховного Совета Высших магистров, ни тем более Президиум – никто не смог подобраться к моим планам и узнать, что в официальной дезинфицирующей комнатке на самом деле я умело подчиняю волю и сознание других людей, что именно в ней мое влияние, моя власть неимоверно растут... Как чудесен мир, где ты – Высший магистр Прокрастианских прав и страт обитания, и у тебя есть привилегия в виде недопущения к личному имуществу и деятельности, в виде безграничного потребления бюджета и всестороннего распространения своего желания. Как чудесен мир, когда ты всецело воплощаешь свои задумки, покоряя ничтожных людишек, не добившихся своим благородством ничего – чудесно? Да... Все было бы отлично, если бы корпорацию имени Эбейссов можно было бы передать в руки талантливого наследника... но нет же! Этот мальчишка выбрал ее, а не меня... – мужчина сделал продолжительный глоток. – На кой черт она ему! Ну красивая – и все. Но я ему сотни таких бы привел. Все бы сделал, чтобы они были с ним, а не бежали, как эта. Какую бы захотел, такую бы и создал. Вот Мель тоже была своенравна, но красива – я же ее изменил, изменил бы даже и эту, но нет: она была слишком опасна. Я ей выбор дал – дал, думал, может, изменится, оставит все, пойдет с Амосом под мое покровительство... столько лет ей дал для раздумий! А она все Президи-

уму хотела передать; обществу хотела рассказать, что никакого Лэндсдрима не существует, что это лишь красивая графика и плоды моей работы с голограммами, хотела открыть Амосу, что мы с ним на самом деле раз пять всего виделись – дурная девчонка жила мечтой всеобщего бессмысленного равенства и чести – ничего не понимала в политике и выживании. Да, здесь я оплошал: надо было сразу перекрыть ей доступ к Амосу: она слишком сильно изменила его... Но, по крайней мере, я пытался: столько наказаний за все года никто не получал, как они, ни к кому и розги не применяли, как к ним, так что винить я себя не буду. К чему мне это? Жаль только, что мои гениальные черты в нем настолько исказились, что он вместо руководства и подчинения решил стать благочестивым рыцарем на белом коне – чертова девчонка! Как жаль, что придется в нем весь потенциал, всю уникальность его просто разрушить и сделать его одним из миллионов просто неглупых прокрастианцев. Как жаль! Будь эти двое поумнее, я бы с радостью им отдал свое дело, а теперь: одна мертва, а второй отправится на чистку – как жаль: ему грозила слава! Таланты и впрямь погибают молодыми... – мужчина лениво закончил разговор с собой, сделал последний глоток и спокойно заснул в своем дорогом импровизируемом троне из шаров и лент, в мгновение забыв все то, что секунду назад его потревожило.

На седьмом этаже заснул один господин, но на шестом

проснулся тут же другой: Амос Эбейсс, пробудившись от снотворного, что вколол наряд, отправленный мистером Ёном, оказался в едва освещаемой комнатке с необычным названием Nothing All. По началу юноша подумал, что все еще находится в Высшей школе Первого этапа и что все ужасы, которые произошли в последнее время с ним, ему лишь приснились и что он просто упал с кровати, но как бы ему не хотелось в это верить, его тело и душа болели далеко не от падения. Поняв это, мальчик вскочил, стал кидаться на стены и искать выход из этого замурованного уголка планеты. Он кричал, ругался так, что его лицо покраснело за пару душераздирающих криков, что его глаза налились горькими слезами, а ноги в конец обессилили – и тело судорожно пало на холодный пол. Наблюдающие за этим специалисты по другую сторону стены с опасением смотрели на него, и им было страшно представить, что происходит внутри этого бедного мальчика, что он так не бережет себя. В его же голове открылся личный ад: то неимоверно ужасное, что понял он, душило его, разрывало и съедало целиком все его существо – он был не в силах справиться с осознанием всех действий отца, с осознанием всего того, что действительно сотворил Великий Господин, с тем, что этот некогда уважаемый им и все же любимый образ, исключительно он, убил Мишель.

Мальчик, сжавшись, лежал на полу и навзрыд плакал, но вдруг через те небольшие щелки в стенах, откуда исходил свет, начал просачиваться серебристый дым. Юноша при-

встал, поначалу не поняв, что это такое, однако сразу же догадался, что это пришло за ним. Он попытался забиться в угол, увернуться, но комната наполнялась дымом слишком быстро. Мальчик до последних минут пытался не дышать тем воздухом, что образовался там, и оттого, потеряв связь с сознанием, резко обрушился на пол – легкий серебристый дым проник в его легкие. Подобно табачной зависимости, у тела Амоса мгновенно выработалось привыкание к странному веществу и, даже будучи в неконтролируемом состоянии, оно стало поглощать предлагаемый нектар с неумолимой скоростью.

Что же было в этом дыме, что ни один курсант, попавший внутрь комнатки НА, не мог отказаться от него? Все просто: серебристый туман, обрушивающийся на них, содержал тысячи микророботов, которые через дыхательные пути, всей своей массой расширяя сосуды, распространялись по всему телу, а в особенности – колонизировались в мозге, сцеплялись там, преобразуясь в датчики отслеживания, и безвозвратно подчиняли волю бедных курсантов, оставляя часть сознания, неспособного вырваться, внутри образовавшейся нейромоторной клетки...

– И сколько, ты говоришь, прошло с тех пор? – задумчиво переспросил молодой человек.

– Почти четверть века – мальчик уже возмужал... – расстроено отвечала спутница.

– И сегодня мы встретимся с ним?

– Да... – коротко пронеслось по пустынной улице, окутанной лужами после сорокадневного морозящего дождя.

И тогда двое, мужчина и женщина, одетые в белые костюмы, звучным, не медленным шагом направились к зданию местной забегаловки с наименованием «Venue». В этот же момент к нему уже приближался высокий, привлекательный, но отчасти нетрезвый мужчина в дорогом, но растрепанном костюме из знаменитой коллекции Элсэу Вердолча.

Его вялое тело неспешно подошло к промокшей вывеске, посмотрело на нее уставшим, пустым взглядом и, перебирая едва ногами, ввалилось внутрь. Двое-трое посетителей оглянулись на него, однако большая часть, ежедневно посещавшая забегаловку, давно знали этого вечно пьяного гражданина, заползавшего по вечерам: крупный предприниматель и Высший магистр Амос Эбейсс славился здесь прозвищем Винного короля.

– О, Ренни! – уповающе закричал он на весь зал, с полуувидев, как к нему навстречу идет его давний друг, сопровождающий курсантов и личный агент его отца, Ренат Нидмистейк. – А я тут тебя ищу, – сказал мужчина, неспешно поднимаясь с колен.

– Вставай же, мистер Эбейсс, – недовольно произнес в ответ Ренат, поднимая друга. – Если Господин узнает, что ты опять тут в таком-то виде, то сошлет тебя на другой континент работать в почтовой службе, а не передаст управление

всей корпорацией.

– Ох, точно, – быстро опомнившись, пробурчал мужчина и резко встал, искажив от боли лицо.

– Что? Опять режет? – осуждающе спросил друг с темно-красными волосами, указывая на грудь Амоса.

– Да, но все нормально. Еще стаканчик – и все пройдет, – пояснил Эбейсс, садясь за пустой стол и кивая бармену, знавшему, что от него требуется.

– Тебе нужно провериться и перестать пить, – заключил твердо Ренат, отправляя официанта с бокалом назад.

– Нет, постойте, – перебил его сероглазый мужчина, принимая заказанный напиток. – Мне это необходимо.

– Ладно, как знаешь... – друг тяжело вздохнул, посмотрел на него исподлобья и, отчаявшись, достал толстую папку с документацией из своего дипломата. – Нам сегодня важнее пересмотреть законопроект о смещении бюрры и уменьшении Лэндсдрима для расширения площади добычи алмазов на нашем участке... – монотонно стал он повествовать Амосу о новом, крайне важном проекте их корпорации.

Младший Эбейсс слушал его внимательно, пил терпкий напиток, указывал на неточности перестройки, вновь пил, рассматривал голограммы новых месторождений, пил, равнодушно стирал с макета водоемы, леса и дома низших прокрастианцев, кои не были способны себя обеспечить в силу своего происхождения, снова пил, заскучав, закатывал глаза, опять-таки пил, надменно смотрел на странно перегова-

ривающихся посетителей, пил, временами дергал головой от проходящих и уходящих тут же болей, пусто смотрел в окно и ловил себя на мысли, что он что-то все же забыл – пересматривал готовые варианты проекта и вновь пил. В это время в забегаловку вошли двое, и вокруг всё замерло.

– Тебе настолько неприятны их разговоры? – не удивившись ни капли, нежно обратилась девушка в белом к своему спутнику, остановившемуся у дверей.

– Сколько лет подыгрывая им, – начал ответно он, – слушая их пустые пересуды о «тяжелой жизни», я ни разу не поймал себя на мысли, что они говорят о чем-то новом: все как прежде. Да, обличия меняются, рамки расширяются, люди выдумывают вычурные названия древним проблемам, но суть-то остается той же. Они за тысячи лет не смогли разобрать вопрос всего лишь одного столетия. Разве я при этом должен уважать их? За что? Они ничего не делают, ничего не хотят: только плавают на поверхности – и все. Конечно, у них вся жизнь будет как испытание: если идти на дело без головы, чего еще можно ожидать? Эти существа ничем не лучше других: хоть мозг и посложнее, но думать им не научились!.. – молодой человек, поправив с физиономией павлина свои шикарные волнистые волосы, нежеланно сделал шаг и – вокруг снова началось движение. – Мне никак не уловить причины, почему ты так привязана к ним... – надменно бросил он, направляясь к барной стойке.

Девушка, одарив зал ослепительной улыбкой, уверенным

шагом догнала его.

– Неужели ты скрываешься за масками даже при мне, милый спутник? – весело пролепетала она.

Мужчина усмехнулся в ответ.

– Во-первых, о чем Вы, мисс Таната? А во-вторых, разве Вы делаете не тоже самое, величайшая Покровительница судеб? – сказал он, сделав акцент на обращении, и заказал себе стакан яблочного сока.

Девушка метнула расстроенный взгляд в пол, однако, чуть улыбаясь, тут же продолжила:

– Не всем, как вам, мой друг, повезло от природы быть красивым... Я ношу маски из косметических средств и дорогого белья, чтобы людям было проще со мной; ваши же маски – ваши надуманные личностные образы. Пытаетесь скрыть себя – отлично, я вас судить не стану. Но мне невдомек, отчего вам это. Нас лишь двое на бесконечность лет, а вы продолжаете пестрить – не спорю: вам к лицу, но научитесь говорить о том, что вас тревожит... Я же вижу, что мой рассказ вновь расстроил тебя, – Таната осторожно сжала руку неприкосновенного спутника. – Дай же мне разделить с тобой эти переживания, как разделяем вечный космос на двоих.

Мужчина неторопливо повернул к ней свое лицо.

– В основном мне безразлично, – начал недовольно он, – как тратят дар жизни эти существа без целей и смысла... – но тут же изобразил насмешливое, забавное непонимание всей

своей мимикой, заставив Танату невольно улыбнуться. – Однако сейчас я взволнован, ибо почему герой нынешней истории, Великий магистр, наследник грабительнейшей корпорации мира, сидит в углу мелкой забегаловки и говорит сам с собой? – мужчина залпом выпил содержимое стакана и с громом поставил опустошенный сосуд на барную стойку, – мне не понятно!

Как оказалось, никакой Ренат Нидмистейк не поднимал с пола «мистера Эбейсса»: упав на пороге Venue, Амос сам поднялся, поспорил с официантом, назвал его именем друга, сел за дальний столик, попросил бокал, отдал его назад – тут же попросил обратно и сам с собой на протяжении часа обсуждал план перестройки Лэндсдрима. Как оказалось, Ренат Нидмистейк уже давно не существовал.

– Спустя пару лет, – пояснила Таната, – после событий Майского бала у здания Верховного совета появился прокрастианец в сером костюме и красных туфлях. Он пришел найти Амоса. Он много спрашивал и пытался узнать не меньше. Однако никто не давал информацию о Юном Господине – таков был порядок. Тогда мистер Нидмистейк разозлился, вспылал, начал кричать, требовать Эбейсса, и тут он появился. Перед ним возник образ Авраама Эбейсса. Ренат хотел бежать, ведь прекрасно понимал, что он, прокрастианец, чудом уцелевший от инициации благодаря помощи мисс Хидден, тотчас же будет либо убит, либо еще хуже – окажется под влиянием микророботов в своей голове, но не успел: его пой-

мали. Как он и предполагал, его инициировали. Теперь он стал личным агентом Великого Авраама Эбейсса. Господин сразу же выспросил, почему такой талантливый «подпольный деятель искусства» (Ренат был на службе у мисс Хидден) так просто попался. Ренат объяснил, что прошел тяжелый кровавый путь, чтобы стать одним из тех, кто охотиться за Эбейссами, но ему запрещали приближаться к Амосу и пытаться его найти, ведь у него, Рената, было диагностировано острое психическое заболевание, связанное с неконтролируемым гневом. Ренат воспринимал это как шутку, но эта шутка как раз и подвела его... Так он оказался марионеткой Великого Господина. Долгие годы он выполнял его поручения, был шпионом, следил за другими членами правительства и оберегал Амоса ото всего, что не являлось частью наращивания так называемого «мастерства Эбейссов». Все шло по плану, но лишь одно Господин не учел: та часть сознания, что была вне контроля микророботов, изнывала от чувства вины перед некогда павшей Мишель.

– Что? – не до конца понимая, к чему ведет рассказчица, удивленно произнес молодой человек.

– Оказывается, – продолжила размеренно Таната, – когда началась перестрелка и Ренат с Мишель были на сцене, то Ренат заметил странный луч, направленный на девушку, и мгновенно попытался спасти ее – у него получилось, но ему прострелили ногу. Мишель знала, что ждет ее, поэтому попросила, чтобы Ренат спрятался, а потом во что бы то ни ста-

ло уберег Амоса от влияния отца. Он не хотел ее слушать, но простреленная нога не давала ему возможности спорить с девушкой. Мишель ушла. Он спрятался. Через час ему стало известно, что она мертва... как мертвы и десятки, как мертв и Раф. Он возненавидел себя за то, что ничего не предпринял. В нем пылал огонь ярости. И этот огонь рос из года в год. Даже после инициации чувство неизвестно откуда появляющегося гнева не оставляло его. Время шло, и он женился. На той девушке, с которой познакомила его Мишель. Они любили друг друга, но его ярость была сильнее прочих чувств. И так однажды на него вновь нахлынуло обыденное помутнение – он поссорился с той девушкой, вспылил, опрокинул шкаф и заперся в другой комнате, изрядно выпив и заснув. Она тоже уснула... На том шкафу, что уронил Ренат, стояли небольшие свечи. Он не заметил их, и когда все вещи повалились вниз, они тоже упали, и подожгли сначала какие-то бумажки, потом подол платья, занавески, а дальше и весь дом. Ренат и Викки не успели выбраться: потеряли сознание от дыма, как только спустились на первый этаж. Так и сгорели – вместе... – Таната грустно оглянулась на младшего Эбейсса. – До своей смерти Ренат и Амос вновь сдружились, хоть и не помнили многое. В друг друге они отыскивали то, что заглушало их неизвестные переживания и боли. Им было спокойно вместе. Они действительно стали близки. И когда Рената не стало, у Амоса произошел сбой в системе: он забыл, что друг умер и стал видеть его везде, где бы тот

мог быть, если был бы жив... Отец Амоса на это мало прореагировал: изменять настройки было опасно, так как могли либо стереться все полученные ранее знания, либо вернуться прежние, потому было решено оставить все как есть и ничего не менять, – Таната опустошено выпила из предложенного спутником стакана.

– Он много пьет, – подметил спустя молчание молодой человек.

– Да, здесь многие так пьют, – подтвердила Таната. – Миллионы прокрасианцев, насильно забывших что-то, пытаются заглушить свои мысли алкоголем. В этом они нашли свое спасение. Разве мы вправе их винить?

Мужчина неприятно искажил лицо, посмотрел на странные, зеркальные часы и сказал:

– Момент истины – пора, – и положив на стойку крупную сумму, неторопливым, но уверенным шагом направился к дальнему углу забегаловки.

Пока он шел, движение вне его вновь замедлилось.

– Можно вас? – спросил молодой человек, остановившись у красивого мужчины, выглядевшего не более, чем на тридцать.

– А? Да, извольте, что вам? – не подавая виду, будто уверенно отвечал Амос Эбейсс, не вставая из-за стола.

– Я уже сказал: вас, – натянув улыбку, повторился молодой человек.

– Хах, – усмехнулся в ответ Амос, – что вы именно хоти-

те, мистер...? – помедлил он, ожидая, пока неизвестный назовет себя.

– Вы могли быть лучше, а имя мое вам известно с малолетства, – остро подметил молодой человек.

– Прошу прощения... – растянул Амос взглядываясь в алмазно-белые глаза странного неизвестного. – Точно! Ренат, – обратился он к кому-то невидимому напротив себя, – это же Райтер Александрович! Как вы хорошо сохранились! – радостно крикнул мужчина. – Я же вас так давно не видел. В последний раз, наверное, перед тем терактом...

– А-а, вот что программируют, когда замазывают правду, – перебил его молодой человек и заключил насмешливо: – удивительно. Но вы действительно практически угадали: отчасти я Райтер. Но – Власович! – надув губы, огорчился посыльный. – Могли бы хоть это запомнить...

– О, прошу прощения, – заговорил будто виновато младший Эбейсс, – столько воды утекло... Но что же вы все же хотите? – попытался вновь узнать крайне занятой Господин.

– Как люди любят все усложнять, – проговорил посыльный. – Я пришел и крайне доступно сказал: вас – но вы меня никак не слышите...

– Наверное, – напугала Амоса своим неожиданным появлением уже сидевшая напротив него спутница, – стоит сказать, что мы пришли сопроводить его, – и обратилась с улыбкой к сероглазому мужчине: – Здравствуйте, мистер Эбейсс.

– Оу, я вас не заметил, прошу прощения, – проговорил,

словно не растерявшись, Амос. – Здравствуйте, мисс...

– Таната, но это не столь важно.

– Почему же? – засмотревшись на красивые черты лица, протянул низким голосом мужчина. – Если вы ко мне с делом, то я с радостью выслушаю вас, даже учитывая поздний час и... – он едва отвел взгляд и неумышленно коснулся груди, – мое не лучшее состояние.

– Ваше состояние – единственное, что стоит учесть, – с материнской нежностью завершила Таната.

– Мне до боли лестно... – очаровывающе хотел сказать Амос, но Райтер прервал его.

– А мне не лестно, – обрубил посыльный и мило улыбнулся. – Мне и в особенности вам, некогда юный Господин, уже пора, – и аристократически посмотрел на свои странные алмазные часы. – Ваше время пришло. К чему же медлить?

– Что?.. – подумал спросить его Амос, но не успел: вдруг в груди убийственно сильно кольнуло, сердце забилося как бешеное и перед глазами все расплылось – из мужчины вырвался заглушенный до отсутствия звука вскрик, и его красивое тело рухнуло на стол.

– Как оно вам? – поинтересовался спустя пару секунд Райтер.

– Что это значит? – в ответ нерешительно произнес Амос, оказавшийся уже за спиной посыльного.

– Поздравляю, вы мертвы! – не удержавшись, прозвенел Райтер, без любопытства смотря на остывающее тело впер-

ди себя.

– Что? – побледнел и без того бледный голубоглазый мужчина.

– *Vinum est superflua in te.*

– Времмиас, – окликнула его со стороны другого плеча Таната, – твоя работа заключается не в этом: я должна помочь ему, а не ты, – и отодвинула спутника в сторону. – Мистер Эбейсс, – обратилась она осторожно к Амосу, – все ли воспоминания вернулись к вам?

Мужчина промолчал в ответ.

– Мистер Эбейсс? – повторила Таната.

Амос слегка дернулся.

– Оу, да ладно, – то ли весело, то ли расстроено прошептал не то Райтер, не то Времмиас, – я ставил на то, что ты сообразительнее. Ну, давай же, мистер Эбейсс, ты все уже понял – говори, – подбадривающе зазывал он бывшего господина.

Мужчина рассеяно посмотрел на него и сказал:

– Вы не посыльный, который работает на правительство... – Райтер довольно кивнул на это. – А вы пришли ко мне не с делом, – обратился он к Танате. – И я, в общем-таки, мертв... как и планировалось с самого начала, – в голосе Амоса почувствовалась легкая дрожь.

– Чудесно! – одобрительно воскликнул Времмиас и захлопал в ладоши. – Я действительно никогда не работал на вас. Даже лучше: вы думали, что я работал, а я лишь пользовался

жадностью вашего начальства... «Но зачем?» – с непониманием спросишь ты, – опередил он вопрос Амоса. – А я отвечаю: «Разве ты не читал записку, которую я оставил, еще не зная всей истории?», – тараторил мужчина без умолку.

– Нет, – виновато прошептал Амос, – я забыл про нее.

– Ай! – осуждающе протянул ему в ответ Времмиас. – Я так и знал! Вот зачем ты меня посылала к нему? – раздраженно пролепетал он Танате.

– Времмиас, – успокаивающе обратилась она к спутнику, – мы здесь не для этого – все, что прошло, отпусти, и пойдем уже, ибо, как известно, время не ждет, – тепло заключила эта женщина в ослепляющем белом пальто и шляпе с вуалью.

– Вы правы, Властительница, – согласился негромко белоглазый мужчина, – я действительно не жду, – и отточенным шагом, сквозь толпу замерзших людей, размеренно подошел к двери. – Прошу.

Он плавно дернул за ручку, и за ней оказалось черное пятно.

– Что будет дальше? – спросил с детским выражением лица некогда юный Эбейсс.

– Все будет хорошо, – заверила его убаюкивающе Таната.

– Ладно, – согласился Амос и медленно стал перебирать ногами, но вдруг остановился. – А как же Ренат? – впад в воспоминания, оглянулся тревожно он.

– А был ли Ренат? – ответила спутница в белом.

Она оглянулась туда, где сидел в воображении Амоса его давний друг, он радостно махал ему и беззвучно на пальцах повторял движения из их детской «фишки». Таната невольно улыбнулась.

– Он был, – пояснил трезво Амос, – долго был до всего безвольного и после него тоже был... Но теперь ему пора, – и Таната легким движением руки провела по воздуху, – как пора и мне, – и юноша с ярко-рыжими волосами исчез навсегда.

– Ты молодец: отпускать дорогих людей неопишимо больно. Мне радостно, что ты смог это сделать сам.

Амос, едва улыбнувшись, легко кивнул головой, и они с Танатой и Времмиасом одновременно пали в черное пятно, бесформенно распластавшееся в двери.

Однако мгновение спустя все трое оказались посреди непонятного темного пространства, где видно было лишь друг друга и вдали мерцающий белый свет.

– Неужто ли мне туда? – усмехнувшись, произнес освобождено Амос.

– Как ни странно, но в этом ты прав, – подтвердил без насмешек Времмиас.

Голубоглазый мужчина застенчиво бросил взгляд на Танату.

– Не переживай: все действительно будет хорошо, – вновь повторила она.

– Но заслуживаю ли я всего хорошего? – тоскливо вре-

зался бывший господин. – Я же все видел, все чувствовал, что совершалось моими руками. Я чувствовал каждого, такого же заключенного в других подвластных Аврааму Эбейсу людях. Я знаю, сколько несчастий обрушил на них...

– Ты не виноват, – промолвила сочувствующе Таната.

– Нет, – отрезал Амос, – я виноват: я не сражался за себя, я недостойно пытался выбраться из омота могущественного прокрастианства, которое правило мной. Я лишь давил на свое тело, поглощая изо дня в день алкоголь, и тем самым старался уйти из жизни раньше, чем мог. Я ненавидел и терзал себя все годы. Я до сих пор ненавижу себя... и не могу простить... Так почему же я достоин лучшего? Я ничего не сумел, – на мгновение перед Танатой предстал еще совсем юный Амос, глядевший на нее с влажными глазами.

– Ты честно старался, – с нежностью и великим материнским теплом чуть слышно прозвучали слова Танаты, – и поэтому ты достоин большего, чем те, кто, сдавшись, бездействуют, – она осторожно положила ему руку на плечо. – Ступай и не сомневайся ни в чем.

Амос глубоко вздохнул, чуть поклонился Верммиасу и неторопливо пошел на свет. Он сделал шаг – и год сошел с его лица, он сделал еще – и ему уже двадцать пять, еще – и он вновь выпускник, шаг – и он первокурсник, шаг – и ему три, и последний шажок маленькой ноги – он всецело растворился в белом свете... Тогда в пустоте послышался первый детский крик.

– Ты все же слишком любишь этих людей, – качая головой, заключил Времмиас и, пританцовывая, запел себе под нос мурчащий мотив.

Вместо эпилога

Подул свежий ветер. С головы темноволосого мальчика плавно сорхнуло крохотное существо с ярко-голубыми крыльями, украшенными снежным узором и щепоткой блестящего порошка. Он оглянулся, звонко засмеялся и побежал за улетающим другом. Его широкие, голубые, как лазурь, глаза внимательно следили за полетом бабочки, взлохмаченные истинно-чёрные волосы беспорядочно то падали, то поднимались при каждой попытке допрыгнуть до объекта влечения, его худенькое, юркое тело двигалось быстро, умело обходя все преграды. Он пробежал кусты за кустами, ручейки за ручейками, пока не остановился посреди цветочной поляны и не увидел вблизи ту необычную бабочку.

– Здесь нельзя стоять, – пропищал негромко молодой человек, пародируя слова появившейся светловолосой девочки.

– Времмиас, – застопорила его Таната.

– А что? – с удивлением в голосе отозвался тот. – Я уже слышал это.

Двое, мужчина и женщина, в белых костюмах незаметно стояли в листве деревьев и наблюдали за детьми.

– Мне все же интересно, – продолжил он, – почему ты вновь отправила это путеводное насекомое.

– Все просто, – пояснила Таната, – они заслуживают шанс

быть счастливыми.

Мужчина задумался.

– Для тебя счастье в бесполезных чувствах? – уточнил он.

– Не путай, Времми, – ласково поправила его спутница, – там – да. Там у нее не было выбора, так как она понимала, что важнее чувств могут быть лишь жизни – и в этом, в ее разуме, ее беда: она, как благочестивый человек, не могла позволить людям вокруг себя страдать, быть подневольными – она запретила своим «бессмысленным» чувствам жить, чтобы целиком отдать себя обществу... Но здесь, здесь в этом нет необходимости – она имеет право побыть обычным человеком.

– А он?

– А ему просто не повезло с его любовью, как и не повезло с жизнью.

– Из-за роботов?

– Не только, – сказала Таната и обратилась к спутнику с просьбой: – Можешь прокрутить вперед?

Времмиас согласно покачал головой и движением одной руки переместил их на двадцать лет вперед.

– Видишь, – указывая на красивого молодого человека в окружении не одного десятка поклонников, говорила Таната, – это он, – пояснила она. – И там, и здесь учесть «красавчика» не обошла его.

– И что? – надменно бросил Времмиас. – Я тоже привлекательный. Разве это плохо? – негодуя продолжал он.

– Нет, – отвечала Таната, – это неплохо: просто печально. Люди, прокрастианцы – хоть кто смотрит на таких жертв милого личика как на тело с искусными чертами, а не как на уникальных, интересных личностей. Представляешь, как им грустно осознавать, что их любят лишь за то, что у них на лице? А как грустно, когда такие люди талантливы, а на них все равно смотрят как на привлекательные образы? Никто не замечает в них удивительное – лишь увлекающее. Конечно, существуют и те, кто пользуется своей красотой, не понимая, что тем самым клеймит всех остальных. Это также печально, поскольку в этом случае человек пренебрегает честью и обманывает тех, кто верил ему. А люди не хотят быть обманутыми дважды, и потому в свою очередь уже не верят никому. И тут начинается страшное – беспричинная ненависть, океаны лживых и страшных обещаний. На хороших, неповинных людей сыплется весь смрад разозленных душ... – девушка осторожно отвела отяжелевший взгляд. – Знаешь, как я хочу, чтобы люди перестали причинять друг другу боль? Морально, телесно... Я хочу, чтобы людей научили любить друг друга и окружающий их, прекрасный мир, – рассказчица судорожно взяла мужчину за руку. – Времмиас, – обратилась она к нему, – ты понимаешь? Ты понимаешь меня? – негромко слышались ее слова.

– Я понимаю, – нежно заговорил спутник, – и надеюсь, что все поймут это когда-нибудь.

– Спасибо, – благодарно улыбнулась она, – я тоже на это

надеюсь, – и легким движением руки Времмиас перенес их назад.

Долгое время они молча любовались общением детей, но мужчина вдруг задал вопрос:

– Получается, ты не считаешь эту реальность лучше той? – спросил он.

– Отчего же? – с улыбкой произнесла Таната. – Я думаю этот мир чудесный.

– Неужели? – удивился Времмиас.

– Да, – радостно заверила спутница, – хоть этот мир не настолько развит технологически, как тот, я все равно считаю, что у него светлое будущее и достойное настоящее, считаю, что, несмотря на все, люди здесь добры и верны своим словам, что они вольны меняться!

– Все ли? – с азартом спросил спутник.

– Я знаю, что все, – без доли сомнения ответила Таната.

– Отлично! – громко прозвенел Времмиас. – Значит, – предположил он, – эти дети здесь будут абсолютно защищены от бед? – и указал на Амоса и Мишель.

– К сожалению или счастью, – отвечала уверенно Таната, – это не так: сей не волшебный мир землян и вправду наполнен грязными делишками, запутавшимися идеями и стереотипами...

– И больше всего ты недолюбливаешь стереотипы? – врезался своим вопросом Времмиас.

– Отчасти, – мирно согласилась девушка. – Больше все-

го, – пояснила тут же она, – я не люблю войны, а они – глупейшее следствие из главной причины: отсутствия должного воспитания.

– О как! – воскликнул Времмиас.

– Да, – подтвердила Таната, – пока в головах людей с детства не будет понимания и принятия всеобщего равенства, мир не станет воистину прекрасен.

Мужчина невольно улыбнулся.

– Что? – слегка засмеявшись, поинтересовалась она.

– Ты забавная, – ответил Времмиас.

– Почему же? – удивленно спросила она.

– Ты недовольна ситуацией в людском обществе, но продолжаешь их безмерно любить и помогать им – и разве это не удивительно! – широко улыбаясь заявил он.

– Возможно, во мне больше человеческого, чем должно быть, – все также смеясь, отвечала Таната. – А разве это не здорово? – закричала она.

– Ах-ха-ха, здорово! Определённо здорово! – заключил Времмиас и выделил мгновение, чтобы полюбоваться спутницей. – А теперь пора, – сказал он пару секунд спустя.

Девушка изысканно взяла его под руку, и поправила платок в его нагрудном кармане – небольшая бумажка вылетела из него.

– К счастью! – воскликнул Времмиас и растворился со спутницей в немыслимую даль.

Маленький клочок бумаги, с наскоро написанным пред-

ложением, плавно спустился на землю. Временами его колыхали легкие потоки ветра, стелющиеся по низам и маленькие птицы, пытающиеся его проглотить, не раз перекидывали из стороны в сторону, из одной части леса в другую. И вот он упал на маленький цветок амелии где-то глубоко в лесу.

– И ты правда считаешь, что намного лучше есть один раз в день, но много, чем несколько, но понемногу? – удивленно спрашивала своего нового знакомого светловолосая девочка с ярко-голубыми глазами.

– Да! – радостно отвечал ей ее необычный, как она уже подметила, друг. – Это же практически равносильно, – пояснял он, – только еще и время сэкономишь!

– Ты действительно... – девочка хотела упрекнуть его вновь, но по направлению к парку им вдруг на пути повстречалась маленькая бумажка, аккуратно лежащая на солнечной амелии. – Безобразие! – возмутилась Мишель.

– Что? – испуганно окликнул ее Амос.

– Мусорят!

– А-а-а, – протянул облегченно мальчик, – ну давай ее мне, – сказал он и поднял бумажку.

– Молодец! – похвалила его радостная Мишель. – А теперь пойдем, – и направилась вперед по тропинке.

Она думала, что мальчик пойдет за ней, но он остановился на месте: он упорно что-то разглядывал на поднятом обрывке бумаги.

– Ты чего? – позвала его растерявшаяся Мишель.

– Да написано что-то странное: «Не верь взрослым: мир голограмма» – не понятно, – заключил серьезно мальчик и, почесав голову, засунул бумажку в карман. – Подожди меня! – крикнул он своей новой знакомой, которая, пожав плечами, уже далеко ускакала вперед.

Конец